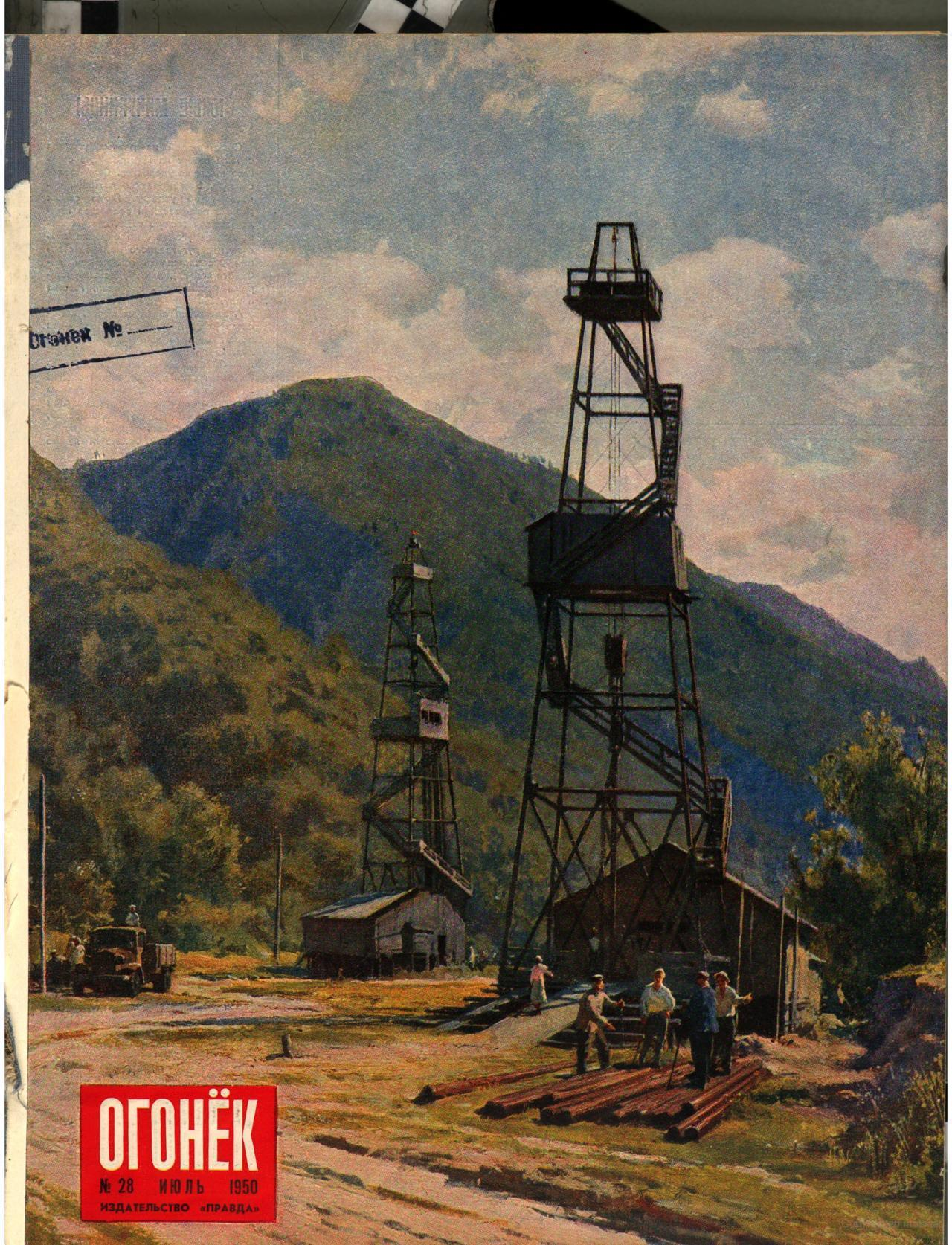
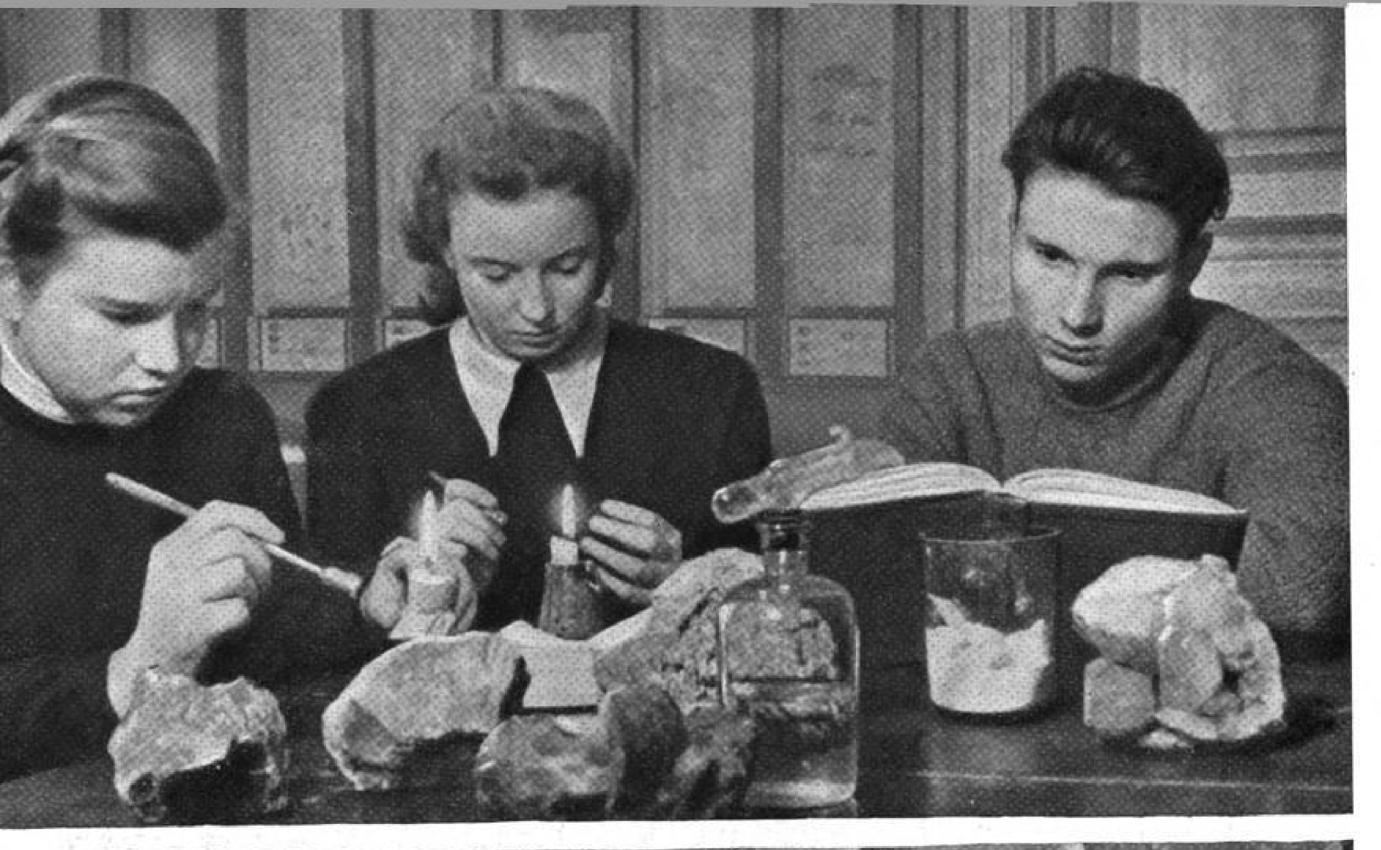

ОГОНЁК

№ 28 ИЮЛЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЮНЫЕ МИЧУРИНЦЫ

Сотни людей из разных уголков страны пишут на Центральную станцию юных натуралистов. Они просят советов, благодарят за помощь, сообщают об успехах. Люди самых разных профессий и возрастов поддерживают тесную связь с этим живописным уголком на окраине Москвы. Вокруг главного корпуса станции расположились оранжереи, лаборатории, парники. Чудесными коврами раскинулись цветники, газоны и клумбы.

А вдали, на опытных полях, колосится рожь и пшеница, на огородах зреют огурцы и капуста, помидоры и лук. Сюда приходят юные мичуринцы — школьники и школьницы, чтобы вести свои наблюдения и опыты. Эти поля и огороды, пышные газоны и клумбы возделаны их руками. Они изучают методы Мичурина, Лысенко, Вильямса, готовясь терпеливо переделывать, сделать богаче и лучше окружающую природу.

В уголке юных зоологов в просторных клетках — лисы разных возрастов и окрасок, за изгородью разгуливают олени, спокойно смотрят на посетителей своими темными глазами зайцы, есть здесь и еноты, и белки, и косули.

16 лет ведется на станции большая и полезная работа. Педагоги средних школ, руководители юннатских кружков всего Союза систематически консультируются с Центральной станцией. Часто посещают ее многочисленные экскурсии. Хозяйство станции растет из года в год, и в этом большая заслуга ее директора Валентины Васильевны Дементьевой.

Многим юношам и девушкам помогла станция юннатов стать хорошими специалистами. В разных концах страны продолжают они теперь изыскательную деятельность. Оканчивая сельскохозяйственную академию, институты, университеты, юные мичуринцы не порывают связи с учреждением, которое помогло им найти призвание в жизни.

1. Лена Скорнякова, Рита Петушкова и Юра Чугунов определяют минералы, которыми запаслись прошлым летом, когда секция юных геологов по просьбе Московского областного управления водного хозяйства обследовала овраги и речки Зарайского района. Этим юннаты помогли решить задачу орошения колхозных полей.

2. 18 лет работает на станции бывшая юннатка, ныне заведующая лабораторией садоводства и цветоводства Вера Александровна Корчагина.

Вера Александровна показывает своим юным воспитанникам Вале Фильченкову и Наташе Стефанович яблоко, выращенное на станции. Оно не боится морозов и обладает нежностью и вкусом сорта, который раньше вызревал только на юге.

3. Староста кружка животноводов Лиля Яблокова рассказывает своим подругам:

— Еще совсем недавно эта лисица «Маша» тянула молоко из соски, а теперь смотрите, какая выросла!

Фото В. Кругликова и Н. Маторина.

На первой странице обложки: Жигули. «Нефтяной промысел». Картина художника А. Грицая.

ОГОНЁК

№ 28 (1205) 9 ИЮЛЯ 1950

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Советский народ подписывает Воззвание Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира о запрещении атомного оружия. На снимке: под воззванием ставит свою подпись мастер механического цеха московского завода «Красный пролетарий» П. И. Болгов.

Фото А. Гостева

ЛЕНИНГРАД. Металлический завод имени И. В. Сталина. Собрание в гидротурбинном цехе, посвященное Заявлению Верховного Совета СССР о солидарности с Воззванием Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. Выступает знатный разметчик А. А. Дмитриев.

Фото А. Устинова

СОВЕТСКИЙ НАРОД ГОЛОСУЕТ ЗА МИР

Угроза войны — это понятно каждому. Но может ли чем-нибудь угрожать человечеству мир?

Человечеству — нет. Но для ничтожной кучки вурдалаков, которые не могут жить без крови людской, ничего нет страшнее мира.

Их мало, этих маньяков, одержимых одним стремлением — зажечь пожар новой войны. Но они стоят у руля гибнущего капитализма и, не в силах предотвратить его гибель, готовы предать огню и мечу весь земной шар.

КИЕВ. Сбор подписей под Стокгольмским Воззванием на заводе имени И. В. Сталина. Подписывает Воззвание работница П. В. Чернявская.

Фото Г. Угриновича

Из американского логова доносится вопль: «Мы пошлем самолеты с грузом атомных, зажигательных и бактериологических бомб, чтобы умертвить детей в их колыбелях, старух за их молитвой и работающих мужчин за их работой».

Но, заглушая улюлюканье и вой человекоубийц, по всему миру раздался голос, полный веры в завтрашний день:

«Мы считаем, что правительство, которое первым применит против какой-либо страны атомное оружие, совершит преступление против человечества и должно рассматриваться как военный преступник».

Так сказал Постоянный комитет Всемирного конгресса сторонников мира.

Правительства, которые замышляют величайшее преступление, кандидаты в висельники, трепещут, слыша этот могучий голос мира. Но люди доброй воли распрямляют спины, полной грудью вдыхают повеявший на них воздух, не оскверненный миазмами войны.

«Мы требуем безусловного запрещения атомного оружия как оружия устрашения и массового уничтожения людей», — сказано в Воззвании Постоянного комитета.

— Мы требуем! — повторяют люди доброй воли, ставя свои подписи под Воззванием.

За короткий срок было собрано свыше ста миллионов подписей. Эти подписи принадлежат не только гражданам тех стран, где после второй мировой войны восторжествовала подлинная демократия. Ни террор, ни насилия, ни угрозы — ничто не могло удержать от этого благородного акта простых людей и в другом лагере, где атомный психоз является правительственной доктриной.

Делегации Постоянного комитета побывали в ряде стран. Они обращались к парламентам с предложением выработать мероприятия по запрещению атомного оружия. В странах народной демократии им без труда удалось найти общий язык с правительствами. В некоторых странах капитализма делегатов для декорума принимали, но этим все и ограничивалось. В фашизирующуюся Америку их попросту не пустили. В английском парламенте отказались с ними говорить.

Делегация Постоянного комитета приехала и в Советский Союз. Ее приняли Председатели Совета Союза и Совета Национальностей

Приверженность советского народа делу мира не требует доказательства. В охваченной военной горячкой Европе в 1917 году первый голос с призывом к установлению мира раздался с трибуны Съезда Советов, и голос этот принадлежал бессмертному Ленину. Уже тогда бешеную злобу Черчилля и черчиллеобразных вызывало стремление советских людей к мирному строительству. Империалистический лагерь делал все возможное, чтобы не дать осуществиться этим стремлениям. «...нам приходилось строить под огнем. Представьте себе каменщика, который, строя одной рукой, другой рукой защищает тот дом, который он строит», — говорил товарищ Сталин.

И все же величественное здание коммунизма успешно воздвигается.

Так может ли кто сомневаться, что двести миллионов советских людей, ведомых к коммунизму Сталиным,— сторонники мира?!

Это подтвердил Верховный Совет СССР в своем Заявлении по поводу предложений Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира о запрещении атомного

МОСКВА. Сбор подписей под Стокгольмским Воззванием Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира в Союзе советских композиторов СССР. Музыковед Е. Н. Лебедева-Кутузова, правнучка фельдмаршала М. И. Кутузова, ставит свою подпись под Воззванием.

Фото Н. Грановского (ТАСС)

оружия, установлении строгого международного контроля за исполнением этого решения и об объявлении военным преступником того правительства, которое первым применит это оружие агрессии и массового уничтожения людей. Ясное и исчерпывающее Заявление верховного органа государственной власти СССР — новый вклад могучей советской державы в дело борьбы за прочный и длительный мир.

Это Заявление — яркое выражение миролюбивой политики СССР, воли миллионов трудящихся нашей страны к миру во всем мире.

Горячо одобрив Заявление своих избранников, советские люди единодушно ответили на призыв Советского комитета защиты мира начать сбор подписей под Воззванием о запрещении атомного оружия.

Советские люди подписывают Воззвание.

Подписывает строитель: он возводит чудесные дома и не хочет подвергать их опасности разрушения.

Подписывает колхозник: он выращивает обильные урожаи и не допустит, чтобы опалило огнем колосья жизни.

Ставит свою подпись ученый: он думает о том, как облегчить человеческий труд, обогатить общество, оградить здоровье человека, а для этого нужен мир.

Подпись учительницы — это голос в защиту воспитываемых ею детей, которым предстоит счастье жить при коммунизме.

Мать, потерявшая сына на фронте, подходит к подписному листу, и на глаза ее навертываются слезы: если б люди доброй воли всего мира поддержали советский народ и подняли голос против поджигателей перед минувшей войной, ей не пришлось бы оплакивать сына. Так пусть не прольются слезы у матерей, еще не испытавших такой потери!

Подписывает Воззвание воин: он готов, если понадобится, проявить отвагу на поле битвы за свою Родину, но дороже всего ему мирный труд Отчизны.

«Каждый советский человек — сторонник мира уже потому, что он — творец», — эти мудрые слова сказал бригадир штукатуров в Минске И. Николаев.

«Силы мира растут!» — воскликнул горновой металлургического завода города Сталино Степан Кравченко.

С ним перекликается академик А. И. Опарин: «Мы знаем, что пожар может быть предотвращен, если силы мира, объединившись, заставят отступить поджигателей войны».

«Вы видите сами, как меняется облик кишлака, — обратился к односельчанам бригадир Герой Социалистического Труда Абдрахман Султанов из колхоза «Красная заря», Мирзачульского района, Ташкентской области. — У нас большие планы на будущее. Во имя счастливой колхозной жизни, во имя наших детей мы стоим за мир».

Контрольный мастер ленинградского завода имени К. Маркса Герой Советского Союза Алексей Иванов, подписывая Воззвание, сказал товарищам по труду:

— Я кончил войну в Берлине, четыре раза был ранен, я знаю, что такое война, я научился сражаться, и меня не страшат тяготы и лишения ратной службы. Но я воевал не для того, чтобы англо-американские империалисты снова нарушили мирный труд моей Отчизны. Я пришел в рядах Советской Армии-победительницы в Берлин не для того, чтобы последователи Гитлера в Америке на крови народов увеличивали свои прибыли. Мы говорим поджигателям войны: «Хватит!» Я за мир, за мир и все двести миллионов советских граждан. Мир победит войну!

В дни, когда советские люди ставят подписи под Воззванием, американские правящие круги совершают прямой акт агрессии в Корее. Они оказывают вооруженную помощь чанкайшистским недобиткам в Китае, жалкой кучке вьетнамских предателей, предъявляют свои «права» на Малайю, Филиппины... Об этом напомнил газосварщик московского завода «Динамо» имени С. М. Кирова Н. Н. Волков. Это помнят все, кто подписывает документ, призывающий запретить атомное оружие.

Обуздать поджигателей, остановить преступную руку, готовую поднести горящий факел к пороховому погребу, — долг каждого человека, если он хочет жить сам и обеспечить жизнь своим детям.

— Наши подписи надо подкрепить делом! — сказал литейщик «Красного выборжца» Петр Бихелев. — Пусть наш стахановский труд еще больше укрепит могущество советского государства!

С этой мыслью люди возвращались к своим трудовым постам, зная, что каждый их производственный успех — удар по поджигателям войны.

Подписи советских людей под Воззванием Постоянного комитета — это демонстрация их преданности делу мира, их готовности отстоять мир во всем мире, их великой любви к большевистской партии, к организатору и вдохновителю борьбы за мир товарищу Сталину.

ДЕРЕВНЯ БЕЛЕУТОВО, Ленинского района, Московской области. Бригадир полеводческой бригады А. Д. Камшилина подписывает Стокгольмское Воззвание.

Сбор подписей под Стокгольмским Воззванием среди членов бригады курьерского поезда Москва — Сочи. Подписывает Воззвание проводник В. С. Коваленков.

Фото Г. Санько

МЫ СЛУЖИМ ДЕЛУ МИРА

Летом прошлого года в Москве состоялась Всесоюзная конференция сторонников мира. Ее участники, разъехавшись по домам, каждый на своем посту продолжал славную борьбу за мир во всем мире.

По призыву Советского комитета защиты мира трудящиеся СССР, единодушно поддерживая стокгольмское воззвание, ставят свои подписи под этим важнейшим документом. Советский народ, возглавляемый вождем всего прогрессивного человечества великим Сталиным, выступает знаменосцем борьбы за мир.

Мы предоставляем слово трем делегатам Всесоюзной конференции сторонников мира.

Карлики не победят великанов

Академик А. Н. НЕСМЕЯНОВ,
депутат Верховного Совета СССР

Когда я читаю о чудовищных и абсурдных попытках некоторых господ из-за океана обвинить мою страну в воинственных намерениях, перед моим взором возникает Актовый зал Смольного 26 октября (8 ноября) 1917 года...

Только что свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Идет заседание II съезда Советов. Под овацию невиданной силы на трибуну поднимается Владимир Ильич Ленин.

О чем были первые слова вождя, сказанные публично после исторической победы народа?

О мире!

Миру был посвящен первый декрет, подписанный Лениным и принятый съездом.

Это знаменательно: молодая Советская республика рождалась в трудной и жестокой борьбе за мир. И первой заботой гениального Ленина была забота о мире, об освобождении человечества от ужасов войны и ее последствий...

«Вопрос о мире, — сказал тогда Владимир Ильич, — есть жгучий вопрос, больной вопрос современности»...

Эти ленинские слова, произнесенные с трибуны Смольного в исторический день рождения советского государства, звучат злободневно и сегодня. Да, вопрос о мире — жгучий вопрос.

Каждый человек на земном шаре, в какой бы стране он ни жил, каковы бы ни были его национальность, род занятий, политические взгляды, должен ответить себе и своим согражданам: с кем он? Каким силам он служит? Миру или войне? Третьего пути нет.

Два лагеря стоят друг против друга. В одном из них — сотни миллионов простых людей, кровно заинтересованных в мире. В другом — кучка негодяев, стремящихся ценою крови народов умножить свои богатства, упрочить господство монополий.

Моя Родина — в лагере мира.

Стремление к миру в самой истории, в самой сущности нашего государства. У нас нет людей, заинтересованных в войне. Жажда мирного труда, а не разрушений — в крови советского народа.

Говорят, что факты — упрямая вещь. Мы, ученые, особенно ценим факты конкретные, убедительные, весомые, — без них нельзя в науке.

Посмотрим же, где подлинная страна мира, а где зарождается новая война; кто подает благородные примеры подлинной демократии и мирного развития, а кто использует священные слова «свобода», «демократия», «мир» для лживой пропаганды на экспорт.

Итак, о фактах.

...Советское правительство настойчиво предлагает великим державам заключить Пакт мира, сократить вооружения, предлагает действенный контроль над использованием атомной энергии.

Президент Соединенных Штатов Америки угрожает народам мира атомными бомбами. «Я это сделаю снова», — говорит он. Господину Трумэну мало Нагасаки и Хиросима, он хочет видеть развалины еще сотен городов.

Советское государство предоставляет неограниченные средства сотням институтов и лабораторий, тысячам ученых, работающих в области гуманнейшей науки — медицины. В моей стране люди науки трудятся — и в этом им помогает правительство — над тем, чтобы изучить и уничтожить бактерии инфекционных заболеваний.

А вблизи столицы США расположена экспериментальная станция бактериологического оружия. Это не пропаганда «красных», это — сообщение американской буржуазной газеты «Вашингтон пост».

В СССР сотни миллионов рублей затрачиваются на сооружение прекрасных здравниц, охрану здоровья человека. На многие годы намечен план строительства санаториев, домов отдыха, пионерских лагерей, дач.

А французский генерал Шассэн подсчитывает, сколько атомных бомбардировщиков потребуется для уничтожения миллионов людей.

...Приезжающие в Москву общественные деятели Америки и Франции, Англии и Италии, священники и врачи, писатели и актеры, люди самых различных вероисповеданий и убеждений свободно высказывают свои политические взгляды, и никто их за это не преследует.

А советской делегации деятелей культуры американские власти запретили ввезти в Нью-Йорк художественный кинофильм «Академик Иван Павлов».

Я не знаю, что испугало американских правителей в фильме о великом физиологе мира И. П. Павлове. Видимо, их страшит само павловское материалистическое учение, направленное на благо человечества. В Америке сейчас не в моде все, что связано с миром. И сдается мне, что господин Ачесон не может простить Ивану Петровичу его выступлений в защиту мира!

Мы помним взволнованные и гневные слова Павлова: «Вместо того, чтобы все ресурсы, все силы бросить на науку, на знания, затевают какие-то войны дурацкие. Какую-то глупость выдумали — что не хватит людям места на земном шаре... Можно всем прекрасно жить, работать. Я не только физиолог, но и человек, думающий на разные темы, — это меня всегда волнует...»

Люди должны прекрасно жить и работать, а не воевать. Не могут карлики, думающие, что, стоя на пачках долларов, они увеличивают свой рост, победить великанов мысли, труда, науки. Лагерь мира непобедим.

Простые люди всего земного шара не хотят войны. И поэтому они подписывают стокгольмское воззвание. Народы — с лагерем мира, во главе которого моя Отчизна, наш Сталин.

Я никогда не забуду тот день, когда мы, депутаты Верховного Совета СССР, с огромным удовлетворением единогласно приняли заявление в связи с обращением Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. Выражая волю советского народа, Верховный Совет СССР заявил о своей солидарности с предложениями Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира о запрещении атомного оружия, установлении строгого международного контроля за соблюдением этого запрещения и об объявлении военным преступником того правительства, которое первым применит это оружие агрессии и массового уничтожения людей.

Для нас, граждан СССР, очевидно огромное значение стокгольмского воззвания. Каждый советский человек поставит свою подпись под этим важнейшим документом. Мы требуем мира. А что касается угроз поджигателей войны в адрес Советского Союза, то я хочу сказать словами И. П. Павлова: «За безопасность своей Родины я спокоен...»

Академик А. Н. Несмеянов.

Мы строим дома не для того, чтоб их разрушали...

Каменщик А. А. КУЛИКОВ,
лауреат Сталинской премии

Во время войны я слушал выступление по радио летчика-истребителя Героя Советского Союза Деменкова. Он пришел в студию с аэродрома после очередного воздушного боя над Ленинградом. Воин говорил о том, что его волновало. Слово летчика-гвардейца было коротким, но я знаю, что оно запомнилось не только мне; герой получил много писем от рабочих, колхозников, фронтовиков, домохозяек, слушавших его.

Деменков сказал, что, неся патрульную службу над Ленинградом, он с болью видит, как после каждой вражеской бомбежки становится все больше разру-

Каменщик А. А. Куликов на стройке.

Фото Д. Трахтенберга

шенных домов. Летчик говорил примерно так: «Нам мало победить гитлеровскую Германию: нам надо разгромить силы врагов мира. Я хочу, чтобы под крыльями моего самолета были не развалины жилых домов, где погребены женщины и дети, а радостный город. Я хочу, чтобы умная, прекрасная машина — самолет — несла не смерть, а жизнь и счастье. Мы этого добьемся!»

Хорошо сказал Герой Советского Союза Деменков! Сказал то, о чем думали все мы. Наши люди, воюя, сражались за мир.

Я каменщик. Благороден труд строителя, труд созидателя. Мне за 20 лет довелось построить немало жилых домов, школ, детских яслей, и я всегда ощущал результаты своего труда. Я встречал новоселов, которые занимали квартиры в выстроенном мною доме; я приходил послушать первый звонок в моей школе; я с наслаждением наблюдал игру детей в яслях, воздвигнутых моими руками.

В 1942 году мне пришлось строить не жилые дома, а бомбоубежища, не детские сады, а долговременные огневые точки.

Много горя довелось пережить в осажденном Ленинграде. Одной из самых тяжелых минут в моей жизни была та, которую я испытал, придя к разрушенному зданию на Петрозаводской улице. Это была школа, которую я строил когда-то. Кирпичи, из которых я клал стены, превратились в щебень, пыль. Здания не было, остались развалины.

Мы восстановили школу. В ней давно, как и во всех других, снова учатся ребятишки...

Но не восстанавливать хочу я, а строить!

Я не хочу, чтобы в моем родном Ленинграде, так же, как и в Лондоне, Париже, Праге, в маленьком поселке норвежских рыбаков, в польской деревне, по воле и прихоти безумцев разрушались дома! Нельзя допустить, чтобы атомные бомбы падали на детские спальни, лаборатории ученых, больничные корпуса!

...Летом прошлого года я работал на постройке жилого дома. Прервал кладку, чтобы поехать в Москву и присоединить свой голос к голосу других делегатов Всесоюзной конференции сторонников мира. Я видел в Колонном зале людей различных профессий, национальностей, возраста. У всех на устах было одно слово: «Мир!»

Ныне сил у борцов за мир прибавилось. Великий советский народ и простые люди всего мира ставят свои подписи под воззванием стокгольмской сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. Когда я читаю строки о миллионах людей, голосующих против атомной бомбы, мне хочется сравнить каждого подписавшегося с каменщиком. Все эти люди закладывают фундамент мира. Подпись под воззванием — это кирпич в здание мира, и его никому никогда не будет позволено разрушить.

Советские люди голосуют за мир и своим трудом, который служит делу мира. Мы воздвигаем заводы и здравницы, школы и дворцы культуры. Мы строим дома не для того, чтобы их разрушали!

Я сейчас участвую в сооружении нового стадиона, одного из крупнейших в Европе. Близится день, когда сто тысяч любителей футбола придут на первый матч. Землекопы рассказывали мне, что в песке, которым посыпают дорожки, они находили осколки снарядов, выпущенных по Ленинграду.

Мы не забыли войны и поэтому думаем о мире...

Недавно у нас на стадионе побывала делегация общества «Франция — СССР». Гости из Франции были поражены размахом стройки. Они попросили дать им снимки нового стадиона.

— Отчитываясь о поездке в Советский Союз,— сказали делегаты,— мы будем показывать эти фотографии. Пусть знают все люди доброй воли, чем живет страна мира и труда, строящая коммунизм.

Да, пусть наши французские друзья покажут миллионам французов изображения нового ленинградского стадиона, и много, много фотографий других мирных строек Советской страны. Пусть в Европе, Америке, Азии все знают, что советские граждане — люди мирного труда.

Мы хотим, чтобы наше завтра было светлым днем мира, а не черной ночью войны. И это наше горячее желание отстоять мир мы единодушно выражаем подписями под стокгольмским воззванием.

Голос матери

Агроном Мария ДЕМЧЕНКО

Я перелистываю страницы журнала «Сторонники мира», читаю отчет о собрании француженок — матерей солдат, погибших во Вьетнаме, — вижу госпожу Борегáр, сын которой не вернулся с фронта, и внимаю ее гневным, волнующим словам:

— Матери, слушайте меня! Моему мальчику еще не было и 20 лет. Не допустим, чтобы наши дети шли на смерть!

Я слышу голос госпожи Паскелé, обращающейся к своему сыну:

— Я вырастила тебя не для того, чтобы колонизаторы сделали из тебя пушечное мясо.

Я читаю журнал, и перед глазами встает моя семья — мать, братья, дети...

Вспоминается 22 июня 1941 года, когда впервые так остро ощутилось то, что скрывается за страшным словом «война». В тот день пять моих братьев ушли на фронт. Иосиф и Николай вернулись инвалидами, а Яков, Прокофий и Алексей погибли на поле брани. Они отдали жизнь за то, чтобы огонь войны никогда больше не опалял колхозные земли, чтобы не надолбы и доты, а электростанции и клубы воздвигались в наших селах.

Прошло лишь немногим более пяти лет с того дня, как закончилась война. Еще сотни тысяч матерей продолжают оплакивать своих детей, павших в борьбе с гитлеровцами, на перепаханных полях не всюду исчезли воронки и траншеи, поднявшиеся после бури молодые сады дали только первые свои плоды. Но вот уже зловещее слово «война» снова доносится до нас из-за океана, и звероподобные люди, для которых нет на свете ничего святого, цинично заявляют на страницах журнала «Уорлд afферс»: «Если мы не сможем найти какого-нибудь пути для того, чтобы вовремя остановить увеличение населения, то мы будем вынуждены вести агрессивную войну».

Миллионы матерей отвечают им:

— Не позволим!

Летом прошлого года я была в Москве, на Всесоюзной конференции сторонников мира. Я не знаю точно, сколько тогда собралось в Колонном зале Дома союзов посланцев краев, областей и республик, но я хорошо помню, как мой земляк, председатель колхоза имени Сталина, Херсонской области, Г. Литовченко сказал с трибуны:

— Здесь, в этом зале, находятся все двести миллионов граждан Советского Союза — страстных сторонников мира.

Да, это верно! Нас двести миллионов; весь советский народ подымает свой голос в защиту мира, в защиту человечества, счастья матерей и детей.

Для меня в слове «мир» заключена не только гарантия дальнейшего процветания моей Родины и всех демократических стран. Для меня в этом слове и радость труда на земле и радость осуществления самых смелых большевистских планов во имя того, чтобы люди жили в довольстве, богато, сытно, культурно.

Может, кто из читателей этих строк бывал в наших местах, в Демидове, что под Киевом, и видел, как мы живем? Видел новые, красивые улицы, клуб, больницу, школу, электростанцию?

Малые хлопчики или белоголовые диды расскажут, как поднималась на ноги наша артель. Шестьсот гектаров земли отвоевали мы у вечных болот на Ирпенской пойме. Трудно поверить, что эти грядки огурцов, лука, капусты, картофеля появились в непроходимых еще недавно местах.

Миллионером стал наш колхоз. Зайдешь в любую хату, и сердце радуется. Что ни дом, то полная чаша. И она будет еще полнее, жизнь наша станет еще краше. Пусть только не мешают нам жить, пусть только не зарятся на наше счастье, добытое такой дорогой ценой. Мы этого не просим, а требуем.

Мой земляк Г. Литовченко приводил в своем выступлении несколько цифр. Он сказал, что общий ущерб, нанесенный немецко-фашистскими захватчиками его колхозу, составляет 45 миллионов рублей. Затем он привел еще одну цифру: война оставила в колхозе 417 детей сиротами и полусиротами. Эта цифра навсегда врезалась в мою память, потому что я мать двоих детей. И в слове «мир», кроме всего того, о чем я сказала, заключена для меня и радость материнства.

Вместе со всеми тружениками мира мы, советские женщины, говорим:

Мир одолеет темные силы войны!

Мария Софроновна Демченко со своими сыновьями Олегом и Игорем.

Фото Г. Угриновича

Отец русского театра

2 сентября 1838 года на сцене московского «Петровского театра» шла пьеса Шаховского «Федор Григорьевич Волков или день рождения русского театра». В партере сидел молодой Белинский, пришедший в театр, чтобы дать отзыв о спектакле. В ожидании поднятия занавеса, как писал потом Белинский, «мы... дали полную волю своей мечтательности». О чем же думал знаменитый критик? О том, «скоро ли... в русских утвердится полное уважение к самим себе, к своему родному, без ненависти и враждебного пристрастия ко всему достойному уважения у иностранцев?»

И перед умственным взором Белинского прошли, как «живейшее доказательство самородного богатства русского духа и русской жизни», образы замечательных людей-самородков. Среди них Ломоносов — «этот гениальный рыбак, это дивное явление, которому мало равных в истории человечества» — и Федор Волков — «этот сын купца, пасынок кожевенного заводчика, отец русского театра».

А тем временем поднялся занавес, и началось представление о Волкове. Ни пьеса, ни спектакль решительно не понравились Белинскому. Его раздражало, что из главного момента жизни Волкова сделан водевиль, что в Волкове, написанном Шаховским, «всего менее виден Волков», то есть гениальный создатель самобытного русского театра. Даже своего любимца Мочалова не узнал критик в роли Ф. Г. Волкова. «Жестикуляция его была напряженная, сильная до излишества, но одушевления не было».

Ф. Г. ВОЛКОВ. Портрет работы А. П. Лосенко.

Все это, несомненно, было справедливо. Но мы, тем не менее, с благодарностью вспоминаем сейчас о постановке пьесы Шаховского, ибо она дала Белинскому повод проницательно вскрыть значение Волкова в истории русской сцены и осветить его облик светом больших и важных идей о «самобытных проблесках народного духа и в науке, и в искусстве, и в ремеслах».

Как часто впоследствии анекдоты и мелкие факты заслоняли в исследованиях о Волкове центральный смысл дела его жизни — утверждение русского театра, как театра народного, самобытного, национального! И единственным «оправданием» этого крохоборства может служить скудость биографических сведений, особенно о ранней, ярославской поре жизни Волкова. А пора эта была действительно ранней, ибо в 1750 году, когда Волков впервые показал ярославцам в кожевенном амбаре спектакль, разыгранный силами Федора Волкова, его братьев, друзей и рабочих кожевенного завода, «отцу русского театра», родившемуся в 1729 году, было всего 21 год!

Из малого вышло великое. Спектакль 1750 года, которому ныне исполнилось 200 лет, положил начало Ярославскому театру, затем ярославцы были вызваны в Петербург к императрице Елизавете. Петербургский успех ярославской любительской труппы привел в 1756 году к «именному высочайшему указу об учреждении Русского театра», подписанному Елизаветой 30 августа 1756 года.

Так Ярославль стал колыбелью русского театра, а творческая деятельность Федора Волкова, перенесенная на берега Невы, вылилась в учреждение «Русского для представления трагедий и комедий театра». К сожалению, Волкову недолго пришлось украшать новую русскую сцену. Пришел 1763 год. В Москве во время коронации Екатерины II было назначено «общенародное зрелище, представленное большим маскарадом», под названием «Торжествующая Минерва». Этот маскарад, согласно анонсу, должен был ездить по улицам 30 января, 1 и 2 февраля. В зрелище для народа «изъявится гнусность пороков и слава добродетели».

Организация этого маскарада была поручена Волкову — «первому актеру русского театра». Репетиции «массового действа» потребовали от Волкова непрестанного пребывания на улицах, и полученная им жестокая простуда свела 4 апреля этого крепкого, цветущего человека в могилу.

А Волков был действительно цветущим, крепким, полным жизни человеком. К нему прямо могли быть отнесены слова народной присказки: «Ярославцы — все красавцы, русы кудри — сто рублей, а буйной голове и цены нет».

Таким ярославцем-красавцем и сохранил нам облик великого зодчего русского театра живописец Лосенко, написавший с Волкова в год его смерти портрет. Не будь этого портрета, мы так и не смогли бы представить, как выглядел Федор Григорьевич в жизни. А теперь вечно будут смотреть на нас с полотна живые, умные глаза, волна пышных кудрей — обрамлять прекрасное лицо, а энергичные руки — сжимать атрибуты трагедии — меч и маску. И, глядя на этот портрет, мы еще глубже поймем характеристику Волкова, данную Николаем Ивановичем Новиковым. Через несколько лет после кончины «первого актера» Новиков писал: «Физиономию он имел важную, глаза быстрые, карие. С первого взгляда казался несколько суров и угрюм, но сие исчезало, когда находился он с хорошими своими приятелями, с которыми умел он обходиться и услаждать беседу разумными и острыми шутками».

Новиков называет Волкова «другом совершенным, великодушным, безкорыстным».

Но не только нравственные качества Волкова были совершенными. Когда думаешь об его личности в целом, то поражаешься богатству его художественных талантов. Всем, чем могла, наградила его щедрая природа.

Темперамент и сила трагического актера, исключительная музыкальность, дар стихотворца, способности живописца, изобретательность театрального механика, декоратора, уменье режиссера — все совмещалось в натуре Волкова. И все это было свое, русское, органическое, все это шло от природного ума и бьющей через край жизненной силы.

Перефразируя Пушкина, про Волкова можно сказать, что он первый придал бег державный кораблю русского театра. Он первый вывел русский народ на широкое поприще театрального искусства. И потому скромный — на первый взгляд! — спектакль, поставленный молодым Волковым в 1750 году в ярославском амбаре, и почитается ныне в истории русской культуры одной из самых прекрасных ее дат.

Николай ВОЛКОВ

Ю. МАЛАШЕВ

ПРАЗДНИК ярославской СЦЕНЫ

Большой город, раскинувшийся на высоком волжском берегу, празднует в эти дни двухсотлетие своего театра. Здание театра имени Ф. Г. Волкова в самом центре Ярославля. Вечерами в большом и нарядном зале собираются рабочие, инженеры, техники многочисленных предприятий, профессора и студенты нескольких институтов, служащие, школьники, колхозники, приехавшие из ближних и дальних сел. С заводов и фабрик, железнодорожного узла, с речного порта — отовсюду к началу спектакля сходятся в театр ярославцы. Они словно приносят с собой дыхание только что закончившегося трудового дня, дня созидания...

Молодость духа сопутствует им, строителям нового. Здесь вы увидите и начальника цеха шинного завода К. Токмакова, недавно удостоенного Сталинской премии, и большую группу сталинских лауреатов автозавода, и известного всему городу заслуженного врача республики А. Голосова, и стахановца-шлифовщика Н. Мелентьева, и заслуженную учительницу РСФСР Е. Градусову, и ткачиху-стахановку В. Смирнову. Все это знатные люди советского Ярославля. Своей аудиторией Ярославский театр тесно связан с радостной и напряженной трудовой жизнью города...

Главный режиссер театра, лауреат Сталинской премии П. Васильев (в центре, стоит) ведет репетицию спектакля.

Фото Е. Умнова

История Ярославля насчитывает много столетий — это один из самых древних городов на Руси. Ярославский театр старейший в России. Но старый город полон силы, полон энергии созидания. Никогда ранее он не был таким красивым, таким молодым. Молодость ощущается во всем: в стремительном движении яхты, разрезающей волжский простор, в рокоте новых машин, только что сошедших с конвейера, в просторах новых городских магистралей, в свежей зелени, окаймляющей улицы... А прежде всего — в самих ярославцах, в их глазах, светящихся уверенностью, в их походке, энергичной и торопливой, в речах стахановцев, вторгающихся в сложные сферы науки...

Да, город по-настоящему молод. Молодо и ярославское сценическое искусство.

Когда в Ярославле играют пьесы Грибоедова, Гоголя, Островского, Толстого и Чехова, то замечательные творения драматургической классики по-новому освещаются ясным светом наших дней. Из года в год ставят в театре Горького — ярославцы видели на своей сцене едва ли не все его пьесы.

Главное, что приносит театру любовь зрителей,— это его современный репертуар. Мало кому известно, что ярославский театр одновременно с московским Малым поставил одну из первых советских пьес — «Любовь Яровую» К. Тренева. Такие произведения, как «Разлом» Б. Лавренева, «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, «Огненный мост» Б. Ромашова, впервые шли одновременно в Москве и в Ярославле. Издавна театр имени Волкова был активным поборником нового советского репертуара. Пьесы А. Толстого и Н. Погодина, А. Афиногенова и Л. Леонова, А. Корнейчука и К. Симонова неоднократно ставились на сцене Ярославского театра.

Минувший сезон был особенно плодотворен. Много спектаклей посвященных людям наших дней, увидели ярославские зрители. Большое удовлетворение принесли эти спектакли и самим артистам.

В Ярославле хорошо знают таких выдающихся мастеров сцены, как Г. Белов, А. Чудинова, С. Ромоданов, В. Нельский, Г. Свободин, В. Соколов, С. Комиссаров, К. Незванова, О. Иванова, И. Бросевич. Публика быстро за-

«Заговор обреченных» Н. Вирты в Ярославском государственном драматическом театре имени Ф. Г. Волкова. Сцена из 3-го действия.

Фото В. Мастюкова (ТАСС)

«Настя Колосова» В. Овечкина. Сцена из 1-го действия.

мечает и успехи молодых: уже завоевали ее внимание П. Поляков, З. Савченко, Е. Пашкова.

...Идет «Машенька» А. Афиногенова — пьеса, имеющая немалую сценическую историю, многим знакомая, в свое время игранная в Ярославле. Отчего же главный режиссер театра П. Васильев решил поставить ее снова? Что увлекло его в этой сценической повести о скромной девочке, нарушившей покой старого ученого?

Когда смотришь спектакль, убеждаешься в том, что чутье не изменило режиссеру. Пьеса Афиногенова, действительно, и поныне актуальна. В дом Василия Окаемова вместе с Машенькой вторгается сама жизнь. Она властно зовет профессора к созиданию, к настоящей борьбе. Пухлые фолианты стеной отгораживали Окаемова от мира. Эти стены рушатся на наших глазах. Счастье в общем труде! — вот тема, которая пронизывает спектакль. С еще большей полнотой раскрывается эта тема в некоторых других постановках театра: «Счастье» по роману П. Павленко, «Настя Колосова» В. Овечкина.

Центральная фигура спектакля «Счастье» — Воропаев, отставной полковник, жизнелюбивый, стойкий, умный агитатор-большевик, отдающий все силы укреплению молодых колхозов, вновь созданных на отбитой у гитлеровцев крымской земле. В талантливом воплощении Г. Белова Воропаев — любимый герой многих читателей книги Павленко — особенно привлекателен. Человек с открытой душой, сердечный и требовательный, проницательный и простой, он сразу кажется и знакомым и близким. Воропаеву легко веришь на слово: его слово нерушимо. Вот почему так быстро вовлекает он в созидательную работу всех: и озорную, темпераментную Варвару Огарнову (арт. О. Иванова), и молодую чету Поднебеско (Е. Пашкова и Е. Николаев), и наивную Ленку Твороженкову (З. Савченко). Вот почему не может противостоять Воропаеву Корытов — человек без вдохновения, чья духовная скудость и ограниченность умело оттенены артистом В. Нельским.

В этом спектакле много и поразному говорят о счастье. Но побеждает и захватывает зал только одно, воропаевское понимание счастья: счастье — это созидание. Именно так понимают счастье и люди нового Ярославля, его инженеры и строители, его рабочие и ученые — зрители, для которых играется спектакль. Именно поэтому увлеченно следят они за развитием сценических событий.

Тот же горячий интерес возбуждает и спектакль «Настя Колосова». Это большая и самостоятельная работа театра, осуществленная совместно с автором пьесы, которая здесь, в Ярославле, обрела сценическое рождение.

Образ Насти Колосовой — большая удача К. Незвановой, актрисы, известной главным образом мастерским исполнением классических ролей и впервые представшей перед зрителями в новом качестве. Главное в Насте — ее творческий дух, ее радостное и вдохновенное отношение к труду. Черты, искажающие этот облик, — зазнайство, тщеславие — явились результатом неумного руководства, которое стремилось изолировать успехи Колосовой, «выделить» ее из народа.

Прежний секретарь райкома гордился Колосовой, но отнюдь не заботился о распространении опыта этой героини колхозного труда. Отсюда и заблуждения самой Колосовой — заблуждения, с которыми она расстается не без борьбы, но вполне решительно.

О. Иванова, исполнившая в этом спектакле роль Федосьи Голубовой, З. Савченко, воплотившая образ Фроси Любченко, и особенно Г. Белов, сыгравший Тимошина, секретаря райкома партии, — все эти артисты насытили спектакль богатыми и тонкими жизненными наблюдениями. В их игре сказалась большая любовь к людям нашей современности, к их огромному и вдохновенному труду. Снова на ярославской сцене мажорно прозвучала волнующая тема созидания, тема борьбы за человеческое счастье.

Но вот театр с помощью талантливого художника Н. Медовщикова переносит зрителей за пределы нашей страны. Действие происходит где-то в Восточной Европе. Идет пьеса Н. Вирты «Заговор обреченных» — о борьбе черных сил реакции против народного стремления к социализму, о торжестве сил мира над силами войны.

А. Чудинова играет Ганну Лихта. И зрители видят в этом образе человека, понимающего жизнь так же, как понимаем мы. Ганна Лихта в воплощении А. Чудиновой — женщина, в которой олицетворены воля и мысль народа. Рядом с Ганной — Макс Вента, редактор коммунистической газеты (В. Нельский), крестьянин Коста Варра (С. Ромоданов), человек, который готов мужественно отстаивать правое дело мира и демократии. Против Ганны, против народа — посланцы войны, наймиты империалистов: Христина Падера (К. Незванова), кардинал Бирнч (Г. Белов), их сообщники по грязному делу, их хозяева и слуги. И в этом спектакле с особой остротой решается театром основная проблема современности: война и разрушение или мир и созидание.

С настоящей публицистической остротой режиссер П. Васильев ведет сценическое повествование. Как часто во время спектакля в сердцах зрителей вспыхивает горячая симпатия к Ганне Лихта и ее друзьям! Как часто глаза загораются возмущением против подлых предателей народного дела! И как единодушно приходит публика к простому, но неоспоримому выводу: нет силы, способной победить свободолюбивый народ! Нет силы, способной остановить историю!

Ярославцы, отдавшие немало усилий делу победы в годы Великой Отечественной войны, научились ценить великое счастье созидания. Вот почему они сердечно аплодируют исполнителям этого спектакля, удостоенного Сталинской премии. Они рукоплещут актерам — своим друзьям и единомышленникам.

Так живет и творит Ярославский театр, неизменно разделяя лучшие чувства своих зрителей, помогая им в работе.

Трудно представить себе театр имени Волкова в другом городе. Еще труднее вообразить Ярославль без этого театра. Город и театр стали жизненно необходимыми друг другу. И поэтому праздник театра — праздник всех горожан.

Ярославль.

Ярославский государственный драматический театр им. Ф. Г. Волкова.

Лауреат Сталинской премии механик теплохода «Валерий Чкалов» Б. И. Бурлаков у Химкинского речного вокзала. Москва.

Фото С. Фридлянда

Праздничный салют в Ленинграде.

Фото Л. Зиверта

Ленинград. На Стрелке Центрального парка культуры и отдыха имени С. М. Кирова.

Слово о мире

Михаил ДУДИН

Не может быть,
чтоб пыл души остыл
И стих завял,
размашистый и броский.
Нет! Я клянусь,
что я не позабыл,
Как некогда работал Маяковский!

Я слишком много потерял ребят —
Ровесников,
и скромных и прекрасных.
Их образы
в глазах моих рябят,
Их подвиги
в стихах моих трубят,—
Не время быть
скупым и беспристрастным!

Весь мир они спасли
и всю его красу.
Он вновь зацвел,
и громок и громаден.
Я сорок жизней на себе несу,—
Вот почему
я так до жизни жаден.

А песня что!
Ее не тронет тлен.
Свободной песне
нет нигде запрета.
Она летит
из-за тюремных стен,
Из-за решетки
камеры Хикмета.

Ей не страшны
тупой террор и мор.
Нет, не берет
поэзию остуда.
Ее выводит
на земной простор
От всех ищеек спасшийся
Неруда.

И голос не сорвется,
как струна.
В нем есть огонь
и твердость звонкой меди.
Народам мира
мир
несет моя страна —
Разведчица
прямых путей к победе.

Страна моя воистину
В борьбе за мир воинственна.
Не атомным оружием —
Простых людей содружием.
А в час необходимости
Ей все под силу вынести!

Страна моя!
Судьба моя!
Я с ней
Ходил в атаки
и чеканил слово.
Мне будущее
с каждым днем ясней —
Его вершина
и его основа.

И в развороте мирного труда,
Подвластного
широким нашим планам,
Я вглядываюсь пристально туда:
Что делается там,
за океаном!

Сквозь вашу ложь,
сквозь занавес железный
Я различаю
в мире что к чему.
Мы мир хотим
избавить от болезней.
А вы что там готовите!
Чуму!

Мы помогаем
в молодых усильях
Германии,
разрозненной пока.
А вы туда
на ваших черных крыльях
Несете колорадского жука!

Еще пока
не выплакались вдовы,
Еще томятся узники в плену.
Мы им помочь,
мы их спасти готовы.
А вы что там готовите!
Войну!

Но от Страны Советской
до Алжира
Единым фронтом поднялся народ.
И верю я,
что белый голубь мира
Сильней,
чем реактивный самолет!

Атомной бомбой
Землю не взорвать!
Земля летит
к широкому рассвету.
Как кровную,
единственную мать,
Мы сбережем
зеленую Планету.

От имени
всех рас
и всех наречий,
Как океан
несет волну к волне,
Мы поднимаем голос человечий:
Война войне!

А старый мир —
зажравшийся урод,
Заплывший жиром,
потненький и лысый,—
Он на задворках времени умрет,
Укушенный своей
чумною крысой!

Я не грожу от имени сограждан.
Два океана
разделяют нас.
На всей земле
народы мира жаждут,
За мир стоит
земли рабочий класс.

Нет!
Голос не сорвется,
как струна.
В нем есть огонь
и твердость звонкой меди.
Планете нашей
мир
несет моя страна —
Разведчица
прямых путей к победе.

Я с ней иду.
Я нераздельно с ней.
В моей судьбе
навек ее участье.
...Нам жить всю жизнь
для радости людей —
Вот в чем мое
единственное счастье.

ЛЕКТОР ПРИЕХАЛ НА СЕЛО

Петр Тимофеевич Тиунов «прокладывает маршрут» по карте Вологодской области.
Фото П. Сотникова

Лекция... В воображении возникает большой, ярко освещенный зал, переполненный народом. Бывает и так. Бывает и по-другому. Небольшая комната правления колхоза. Тесно прижавшись друг к другу, сидят слушатели. Среди них и пионер и старый дед. Ни яркого освещения, ни красивой трибуны. Лектор стоит у покрытого кумачом стола председателя.

В колхоз приехал лектор. Вот с таким лектором, постоянно разъезжающим по колхозам, мы и встретились в Вологде.

...Петр Тимофеевич Тиунов стоит у карты области. Он «прокладывает маршрут». Петр Тимофеевич — лектор областного отдела по делам культпросветучреждений. Его специальность — лекции по литературе. После окончания института он за пять лет работы исколесил всю Вологодскую область.

Лектор побывал во всех районах области, в самых ее отдаленных уголках. Чтобы добраться до некоторых районов, приходится передвигаться где на машине, где на лошадях. А потом еще мерить километры и километры до колхозов. Нелегок этот путь в метель или осеннюю распутицу.

Разные темы затрагивает Петр Тимофеевич: «Комсомол в художественной литературе», «Героика труда в изображении советских писателей», «Обзор советской литературы за 1949 год». Около двухсот раз прочитана лекция о «Молодой гвардии».

Больше всего привлекают слушателей такие темы, как «Ленин и Сталин в творчестве народов СССР» и «Образ товарища Сталина в советской художественной литературе».

— Это и понятно,— говорит П. Т. Тиунов.— В этих лекциях касаешься международного положения, напоминаешь слушателям о борьбе за мир, неразрывно связанной с именем товарища Сталина. Много фактов я беру из местной жизни. Пять лет разъезжая по районам, я воочию вижу, как растет культура на селе. А ведь рост культуры — результат напряженной работы партии большевиков. Только за первый квартал нынешнего года в Вологодской области создано 600 колхозных библиотек. Строятся избы-читальни, клубы.

Интересная, увлекательная работа у Петра Тимофеевича. Сам он, перефразируя Горького, говорит шутливо:

— Хорошая у меня должность — быть на советской земле лектором.

А. НИКОЛАЕВ

В горах Аджарии

От Батуми до Хуло — центра горного района Аджарской АССР — около 90 километров. Сюда, на высоту в тысячу метров над уровнем моря, ведет извилистая дорога. Слева отвесные скалы, справа глубокие пропасти, водопады, клокочущие реки.

...Еще один крутой поворот — и взору открывается небольшое горное плато, на котором раскинулись дома. Это и есть Хуло.

Взгляд приезжего привлекает возвышающееся у самого откоса двухэтажное здание. Местный житель с гордостью скажет вам:

— Наш районный театр. Рекомендую побывать.

14 лет назад впервые был поднят занавес в этом театре. Театр в Хуло стал очагом новой, социалистической культуры. Творческий коллектив подружился со своими зрителями — населением района,— часто выезжает в отдаленные села. Только в нынешнем году организуется не менее 50 выездов.

Чаще всего театр ставит пьесы советских драматургов. С большим успехом прошли «Хевисбери Гоча» С. Шаншиашвили, «Новое село» В. Канделаки, «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Потопленные камни» И. Мосашвили.

Ныне театр готовит к постановке новые спектакли. В течение года будут показаны «Тайная война» В. Михайлова и Л. Самойлова, «Овод» Войнича, «Сила любви» Г. Бердзенишвили, детская пьеса «Платформа Тамары» И. Аракишвили и другие.

Театр — не единственное культурное учреждение в Хуло. Здесь имеются и Дом культуры, и библиотека, и кино. В каждом селении школа. За пределами Аджарии известен ансамбль песни и пляски Хулойского района.

— Весело у нас тут,— говорят жители горного пограничного района.— А вон там иначе людям живется...

И они показывают на земли, раскинувшиеся по ту сторону границы. Там Турция. Там всегда мертвая тишина. Вечерами полная тьма. Ни одного огонька. Слышен лишь вой собак...

С. ХОДЖАЕВ

Колхозные водоемы

Белоруссия — страна озер и рек, прудов и водоемов. Площадь в 125 тысяч гектаров занимают рыбопромысловые озера, 30 тысяч гектаров — пруды, пригодные для разведения рыбы. Общая протяженность рек республики — более шести тысяч километров.

Из года в год Белоруссия становится все более крупным поставщиком рыбы. Здесь созданы десятки озерно-рыбных и прудовых хозяйств, несколько коптильных заводов. Сооружаются консервные заводы.

Передовые колхозы республики активно взялись за развитие рыбного хозяйства. Артели строят свои водоемы и пруды. Хорошую инициативу проявил колхоз имени Ворошилова, Буда-Кошелевского района. Тут протекает небольшая речушка. Колхозники решили перегородить речушку и оборудовать культурный пруд.

Сделано было это быстро и без затраты больших средств. В пруд площадью в один гектар впустили 15 тысяч молодых карпов. Уже через год артель сдала государству 60 тонн рыбы. Сами колхозники вдосталь обеспечены рыбой собственного улова.

В Брестском озерно-рыбном хозяйстве. Бригадир К. Бакун сдает улов приемщице М. Кухарик.

Семья Черепановых. Сынишка Александр — самый молодой житель этого дома...
Фото Г. Попова

Дом молодоженов

Старый русский город Каменск-Уральский помолодел за советские годы. Особенно молодо выглядят кварталы, застроенные многоэтажными белокаменными домами, Дворец культуры, школа, стадион.

Но вот пришел как-то к директору завода тов. Пустильнику начальник жилищно-коммунального отдела и поведал ему о ходатайстве заводской молодежи:

— Жалуются, товарищ директор! Строим много, но либо квартиры для семейных либо общежития для молодых. А как быть парням и девушкам, которые недавно поженились да мыкаются по разным комнатам, а иные по этой причине и жениться не решаются? Вот и ставят вопрос: нельзя забывать молодоженов, им тоже надо квартиры предоставлять. Выходит, кому любовь, а кому заботы...

Но тов. Пустильник не испугался дополнительной заботы. Как раз в это время заканчивалось строительство пяти домов. На заводе решили: один из них выделить молодоженам.

...Весенним вечером рабочий Дмитрий Кашеваров торопился к женскому общежитию. Дверь ему открыла черноглазая высокая девушка.

— Здравствуй, Полина! Я к тебе с новостью, и с какой! Переезжаем на новую квартиру, в дом молодоженов!

— Что еще за дом такой?

— Представь себе, специальный дом отвели для таких вот, как мы с тобой. Сорок восемь ордеров выдали сегодня!

Сборы были недолгие. Скоро Дмитрий и Полина стояли у подъезда двухэтажного дома. Вместе с новыми жильцами по лестнице поднялся человек со связкой ключей...

...Мы в квартире молодых Кашеваровых. Новая, только что приобретенная мебель. На окнах тюлевые занавеси, пол устлан мягкими дорожками. В простенке на небольшой подставке радиоприемник.

— Вчера костюм Дмитрию купили,— говорит Полина,— а на следующий месяц наметили швейную машину.

— И мотоцикл,— добавляет муж.— Денег хватит, вдвоем три тысячи в месяц зарабатываем.

Заходили мы и в другие квартиры молодоженов. Поздравили супругов Черепановых — Николая и Зину; здесь мы увидели и самого молодого жителя дома — Александра. Год рождения — 1950-й.

Много новостей у Обуховых, Киселевых: кто успешно сдал экзамен в вечерний техникум, кто получил путевку на курорт. В одной из квартир вместе с новоселами мы разглядывали снимок: американский рабочий с семьей ночует под открытым небом.

— Выгнали из дому! Нам такое и не приснится! — говорит Кашеваров.

— Так то ведь американский образ жизни,— усмехается Черепанов.— А у нас свой, советский!

И. ПОТОЦКИЙ

Памятник А. И. Полежаеву

Жизнь и творчество выдающегося русского поэта-революционера А. И. Полежаева тесно связаны с историей города Грозного. Поэт, сданный Николаем I в 1826 году из студентов Московского университета в солдаты за революционные стихи, пробыл на Кавказе свыше трех лет. Большую часть этого времени Полежаев служил в составе Московского пехотного полка, в крепости Грозная, заложенной в 1818 году А. П. Ермоловым. Отсюда совершались походы, в которых поэт-солдат принимал участие, здесь он написал немало своих произведений, в том числе большие поэмы: «Эрпели» и «Чир-Юрт».

...Прошло много лет. Захолустная крепость Грозная превратилась в крупный индустриальный и культурный центр Северного Кавказа. Социалистический Грозный — город мощной нефтепромышленности, заводов, вузов, техникумов, научно-исследовательских институтов, театров и музеев.

Советский народ чтит память поэта-революционера А. И. Полежаева. Его имя присвоено одному из скверов и улице в центре Грозного. Недавно здесь, в сквере имени Полежаева, открыт памятник поэту. На высоком пьедестале установлен полутораметровый бюст работы грозненского скульптора А. Н. Сафронова.

Вл. БЕЗЪЯЗЫЧНЫЙ

Звезды в степи

Бригадир Иван Федорович Бойко и колхозница Оля Турчаненко осматривают зерно нового урожая.
Фото Н. Козловского.

Колосья становились все более восковыми. Бригадир Иван Федорович Бойко дважды на день приезжал в поле и подолгу ходил у сплошной стены массивов пшеницы, накручивал на палец стебли, разминал зерно в колосьях. Еще день — два, и можно начинать уборку.

Каждое утро бригадир слушал радиопередачи из Николаева и точно знал, что происходит в соседних приморских районах. Созревание хлебов как бы катилось волной от Черного моря в глубь Украины. Иван Бойко был на страже, с нетерпением ожидая своего дня.

И этот день пришел.

Ожила степь, зазвенела молодыми голосами, наполнилась рокотом моторов. В первые же часы возле полевого стана бригады поднялась гора снопов новой пшеницы. Их свозили на высоких арбах со всего массива, где уже прошли лобогрейки, обкашивая заходные дорожки для комбайнов.

В этом году колхоз имени Ленина, Октябрьского района, Николаевской области, 90 процентов зерновых — 1400 гектаров — уберет комбайнами. В бригаде Бойко работают три комбайна.

...Павел Моторный проверяет машину. На его «степном корабле» сияют две красные звезды: в прошлом году он выполнил две нормы. Вдали Трофим Баклан регулирует новенький самоходный комбайн. На горизонте показался и третий агрегат.

Тем временем у полевого стана идет жаркий спор, кто из девушек связал первый сноп: Оля Турчаненко или Мария Голик? Трудно это сейчас установить: девушки вязали одновременно в разных концах массива. Спор тут не поможет.

Но вот к стану подъезжает Николай Цыбуля с последней арбой снопов.

— Все! Можете не спорить. Больше снопов нет и не будет. Теперь слово имеют комбайны, — пробасил он.

Баклан поудобней пристроился на высоком сиденье под белым зонтом, оглянулся кругом и, включив скорость, плавно повел машину в ряды густой пшеницы. Комбайн шел ровно, а за ним спешил Иван Бойко, проверяя в копнителе соломы, как вымолачиваются колоски. Зерна не оставалось. В бункер шла готовая к отправке на заготовительный пункт пшеница.

С первого гектара сняли 18 центнеров, со второго — 22, с третьего — 20. Потом пошел в загонку комбайн Павла Моторного, за ним вступил третий агрегат. На току высилась гора золотистой пшеницы. К вечеру первый обоз с хлебом нового урожая двинулся на ближайший пункт «Заготзерно». Его сопровождали колхозники Петр Шкуренко, Любовь Николаева и Татьяна Кобылкина. Бригадир остался в степи, где с каждым часом все нарастал и нарастал темп уборки.

После обеда колхозники возвратились с приемного пункта и вручили Ивану Бойко квитанцию на принятую с поля его бригады отборную пшеницу. Это была первая квитанция в Николаевской области.

Ночью в степи зажглись электрические огни. Они горели ярко на комбайнах, тракторах, в полевых станах. Уборку урожая начали в тот же день и соседние колхозы. Огни переливались, и казалось, вся степь усеяна немеркнущими звездами... А Иван Бойко стоял у повозки с душистой травой и спокойно кому-то объяснял:

— Теперь уборка покатится далее, на север. Хлеб уже пошел. Видите, как звезды горят в нашей степи? По всей Украине горят. Хлеб и мир! Вот два слова, которые на уме теперь у нас...

Василь КУЧЕР

НАУКА СВОБОДНОЙ ГЕРМАНИИ

Немецкий народ широко и торжественно отмечает 250-летие Германской академии наук, основанной в Берлине по инициативе знаменитого философа и математика Готфрида-Вильгельма Лейбница.

С давних пор между Российской и Германской академиями установились тесные научные связи. М. В. Ломоносов участвовал в конкурсе на решение задачи о происхождении селитры, объявленном Германской академией. Труд М. В. Ломоносова «Dissertatio de generatione et natura nitri» и поныне хранится в Берлине.

Создатель бессмертных «Эгмонта» и «Фауста», Иоганн-Вольфганг Гете в 1826 году занимался предложенной Российской академией задачей о природе света.

Русские ученые — творец периодической системы Д. И. Менделеев, математик П. Л. Чебышев, кристаллограф Н. И. Кокшаров, биолог и географ К. М. Бэр, физик Б. С. Якоби и другие — состояли членами Германской академии. Немецкие ученые избирались членами Российской академии. Среди них философ Христиан Вольф, математик Иоганн Бернулли, философ Иммануил Кант, зоолог и ботаник Александр Гумбольдт, астроном и математик Карл Гаусс, Иоганн-Вольфганг Гете.

В России известный немецкий ученый Леонард Эйлер, член обеих академий, создал свои лучшие произведения, доставившие ему славу математика. Он тридцать лет прожил в Петербурге и, покинув его в дни бироновщины, вернулся в Берлин, где проработал двадцать лет...

Леонард Эйлер. Барельеф работы скульптора М. И. Павлова.

При фашизме Германская академия была превращена в придаток гитлеровской военной машины. Безжалостно изгонялось все то прогрессивное, что уцелело в институтах, лабораториях и комиссиях. Многие ученые бежали, другие сотрудничали с гитлеровцами, покрыв себя несмываемым позором.

Советская Армия, выполняя великую освободительную миссию, спасла народы Европы от фашистского рабства, освободила и немецкий народ от гитлеровского ига.

В Германской демократической республике Академия возродилась к подлинно научной жизни. Правительство учредило Национальную премию, которая присуждается за выдающиеся достижения в области науки и техники, за внедрение в производство новых методов, за лучшие произведения литературы и искусства.

Намечается строительство здания Академии вместо разрушенного войной; создаются новые научно-исследовательские институты — железа и стали, цветных металлов, сварки, энергетический и другие; начата разработка пятилетнего плана научных исследований; готовятся молодые кадры. Наука впервые становится достоянием всего немецкого народа. При университетах созданы рабоче-крестьянские факультеты, куда в прошлом году было принято более трех тысяч юношей и девушек.

Возрожденная Академия имеет неограниченные возможности служить делу восстановления и преобразования Германии, развития науки и культуры, а также решать вопросы, выдвинутые промышленностью и сельским хозяйством.

Президент Академии профессор-филолог Иоганнес Штрукс — автор важных трудов по истории древнеримского права. Профессор Штрукс — также вице-президент Общества германо-советской дружбы. Он участник Пражского конгресса сторонников мира.

Растут и крепнут связи науки Германской демократической республики с передовой социалистической наукой Советского Союза. Год назад в Академии наук СССР побывала делегация деятелей науки Германии во главе с профессором И. Штруксом. Делегация познакомилась с институтами и музеями.

Германскую академию, в свою очередь, посетила делегация советских ученых, которая приняла участие в торжествах, посвященных 200-летию со дня рождения Гете. Академик А. И. Опарин прочел ряд лекций о развитии советской науки и ее неразрывной связи с практикой, о всепобеждающей мичуринской биологии.

Немецкие ученые — активные сторонники мира. Стокгольмское воззвание подписали профессора Иоганнес Штрукс, Вальтер Фридрих — ректор университета имени Гумбольдта в Берлине, профессора Бругш, Арно Мюллер; писатели Иоганнес Бехер, Бернгардт Келлерман, Анна Зегерс.

Расцветают наука и культура Германской демократической республики. На этом фоне ярко виден упадок науки и культуры в Западной Германии, где ученые не имеют возможности вести научную работу. Так, в декабре прошлого года ректор Геттингенского университета профессор Райзер опубликовал меморандум, в котором говорится о «непосредственной опасности, угрожающей существованию» этого знаменитого учебного заведения.

Известные ученые, лауреаты Нобелевской премии, профессора Ган и Гейзенберг напечатали в Мюнхене в журнале «Ревью» статьи, где рассказывают о тяжелых жилищных условиях, в которых живут ученые, о «похороненных знаниях», о безотрадном положении науки в Западной Германии. Профессор Тюбингенского университета Готтрон заявил, что молодые исследователи лишены минимальных условий для творческой деятельности; среди них немало безработных. Многие переходят на территорию Германской демократической республики, где получают возможность заниматься наукой.

Празднование 250-летия Академии продемонстрирует крепнущее единство науки и народа. Передовые германские ученые вместе с прогрессивными силами всех стран находятся в первой шеренге борцов, возглавляемой великим Советским Союзом,— борцов за мир, за свободу, против поджигателей войны.

Н. СВЕТАЙЛО

Здравница бакинских нефтяников

Недавно первая группа трудящихся Баку прибыла в новый дом отдыха на берегу Каспия, в селении Бильгя. Четырехэтажное здание здравницы выстроено Азербайджанским управлением курортами ВЦСПС. Сейчас здесь отдыхают 150 человек. В скором времени дом отдыха будет преобразован в общетерапевтический санаторий.

Светлые комнаты с верандами, выходящими к морю, рассчитаны на одного, двух и трех курортников. К услугам отдыхающих библиотека-читальня, спортивная площадка, комнаты игр.

Здравница располагает большим участком, свыше 20 гектаров, на котором высажены 4 тысячи деревьев: вишня, абрикос, алыча.

Фото Ф. Кушнерова

КОРОТКО

СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЕ со дня рождения выдающегося русского ученого А. А. Ухтомского отметила научная общественность. Память о нем связана с крупнейшими достижениями отечественной физиологической науки. В издании Ленинградского университета вышел первый том полного собрания научных трудов А. А. Ухтомского. Все издание включает пять томов и явится ценным пособием для физиологов и медиков.

ПЕРВЫЙ ВЫПУСК специалистов состоялся на бурят-монгольском отделении при литературном факультете пединститута в Улан-Удэ. Республика получила отряд квалифицированных преподавателей бурят-монгольского языка и литературы.

Антонина Васильевна НЕЖДАНОВА

Скончалась великая русская певица и артистка, гордость нашего искусства, Антонина Васильевна Нежданова.

Советская культура потеряла деятеля, чье имя стоит рядом с именами крупнейших представителей русского реалистического искусства.

Голос хрустальной чистоты и изумительной красоты сочетался в этом замечательном художнике с идеальным мастерством, богатый вокальный талант — с пленительным сценическим дарованием.

Обаятельные в своей благородной простоте Антонида и Людмила, царевна-Лебедь, морская царевна Волхова и нежно-поэтичная, хрупкая Снегурочка, озаренная духовной красотой Татьяна, трогательная Иоланта, трагическая «царская невеста» Марфа, блестящая Розина из «Севильского цирюльника»,— каждая из этих столь разнообразных ролей в проникновенной передаче Неждановой восхищала и надолго запоминалась.

Уроженка украинского села близ Одессы, дочь сельского учителя, Антонина Васильевна не готовила себя к артистической карьере. Окончив гимназию, девушка поступила учительницей в одну из одесских школ. По совету знакомых, обративших внимание на замечательный голос и незаурядную музыкальность Антонины Васильевны, она решается поехать к знатокам пения в Москву. Здесь сразу оценили дарование будущей артистки, и девушка была принята в Консерваторию. В 1902 году Антонина Васильевна окончила курс Консерватории с золотой медалью.

Нежданова начала свой путь артистки блестящим дебютом в Большом театре в опере «Иван Сусанин». Этому театру отдала Антонина Васильевна всю свою сценическую жизнь.

Искренность, правдивость, простота — в этом заключалась прежде всего «тайна» обаятельного искусства А. В. Неждановой. Вокальная техника была для нее не самоцелью, а лишь средством, чтобы наиболее полно раскрыть художественный замысел композитора.

А. В. Нежданова сочетала в своей деятельности оперное искусство и концертные выступления. Концертный репертуар А. В. Неждановой был необычайно обширен. Она прекрасно исполняла русскую народную песню, классический романс, произведения советских композиторов, а также западноевропейской камерной музыки.

До последних дней работая профессором Московской консерватории, Антонина Васильевна отдавала много энергии воспитанию молодых советских вокальных кадров.

Правительство и партия достойно оценили заслуги А. В. Неждановой. В 1936 году ей присваивается звание народной артистки СССР. Она была удостоена Сталинской премии, награждена орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

Богатая творческая жизнь подлинно национальной артистки Антонины Васильевны Неждановой вписала золотую страницу в художественную летопись нашей Родины.

Б. ЯГОЛИМ

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Певческий праздник в Тарту. Хор исполняет Гимн Советского Союза.

Необычный вид имел стадион города Тарту в один из последних воскресных дней. Зрители разместились на всем пространстве обширного поля, а свыше 7 тысяч участников выступления — на трибунах. Так начался певческий праздник Тартумаского уезда.

Певческие коллективы, издавна существующие в Эстонии, никогда еще не развивались в таких масштабах, как теперь. Поистине ныне поет вся Эстония, славя свободный труд, советскую Родину, радостную, полную творчества жизнь.

Тартумаский уезд особенно знаменит своими певческими коллективами. Собранные на трибунах стадиона, они выступали под управлением народного художника Эстонской ССР Ю. Сима и композитора Р. Ритсинга.

Многотысячный, прекрасно спевшийся хор исполнил гимны СССР и ЭССР, «Кантату о Сталине» композитора Александрова и «Песню Сталину» (композитор Г. Эрнесакс). Величественно прозвучала кантата «Власть народа» Э. Каппа, впервые исполняемая таким большим хором.

С интересом были прослушаны исполненные наряду с песнями Эстонии популярные русские, украинские и другие песни народов СССР.

Уездные певческие праздники — генеральная репетиция перед республиканским праздником песни, который состоится в Таллине 21 июля в честь десятилетия Эстонской советской республики. 35 тысяч участников, в том числе свыше 10 тысяч школьников,— таков невиданный до сих пор в Эстонии масштаб этого действительно массового народного концерта. Его готовят виднейшие дирижеры и композиторы республики — К. Лейнус, Р. Ритсинг, лауреат Сталинской премии Г. Эрнесакс, заслуженный артист ЭССР Ю. Варистэ, А. Каласпеа и другие.

Дневник ОГОНЬКА

В. ВИКТОРОВ

ПЕРЕД ФИНИШЕМ

Момент матча ЦДКА — «Спартак». У ворот армейской команды.

Фото А. Бочинина

Через несколько дней заканчивается первый круг розыгрыша первенства страны по футболу. Сыграно около 340 матчей. Упорная борьба, начатая в апреле, заметно обострилась. Неожиданные результаты, которые объяснялись раньше весенними «случайностями», продолжают удивлять любителей футбола и не позволяют заниматься даже самыми осторожными прогнозами.

Недавняя победа «Шахтера» над опытными, первоклассными футболистами ленинградского «Зенита» со счетом 5 : 0 — доказательство этому.

И все же так называемые «сюрпризы» не случайное явление. Командами пройден достаточно долгий путь, чтобы иметь возможность показать свои технические, тактические и морально-волевые качества. Многие коллективы заметно повысили класс игры.

Сухие цифры турнирной таблицы, неумолимо и точно отражающие борьбу на зеленом поле, дают неоспоримую оценку мастерам футбола.

О чем же они говорят?

Прежде всего бросается в глаза ровный, продуманный, расчетливый путь команды Центрального дома Красной Армии. Это единственный коллектив, который из 15 встреч проиграл лишь одну и сумел добиться победы почти во всех ответственных матчах. Не случайно армейцы имеют и лучшее соотношение мячей: 26 вбитых и 11 пропущенных.

Тренер коллектива ЦДКА заслуженный мастер спорта Б. А. Аркадьев смело и настойчиво выдвигает молодых футболистов в основной состав команды. Вратарь Чанов, защитники Крушенок и Белов, полузащитники Родин, Башашкин, Петров, нападающие Коверзнев и Чайчук — способные футболисты — хорошая смена прославленным мастерам. Особенно прогрессирует Башашкин. Его игры со «Спартаком» и динамовцами Тбилиси оставили самое отрадное впечатление.

Характерным для армейских футболистов является наступательная тактика, построенная на прекрасном техническом исполнении самых сложных приемов. Их уменье атаковать широким фронтом, передавать друг другу мяч незамедлительно, в одно касание, неожиданно и точно бить по воротам почти всегда ставит защиту «противника» в крайне затруднительное положение. Один из футболистов заметил, что нападающие ЦДКА «угнетают» защиту своей стремительностью. Следует отметить также исключительное взаимодействие всех игроков команды и особенно полузащитников с нападающими.

Очень успешно начали сезон футболисты общества «Зенит». Они сумели на протяжении пятнадцати туров быть лидерами розыгрыша, не дав ни одной из команд обойти себя. Очень хорошо играют нападающие «Зенита» и вратарь Л. Иванов. Лишь ЦДКА, а временами «Крылья Советов» шли по пятам и иногда догоняли ленинградцев. Однако за последнее время «Зенит» потерпел три поражения: от торпедовцев Сталинграда, «Шахтера» и столичного «Локомотива»,— чем несколько осложнил свое положение у самой финишной черты. Не выдержал напряженной борьбы и коллектив общества «Крылья Советов».

Замечательных успехов добились тбилисские динамовцы. Они после последнего, 18-го тура набрали 24 очка с хорошим соотношением мячей — 39 : 22. Омоложенный в прошлом сезоне, состав команды добивается хороших результатов.

В группе лидеров идет и «Спартак». В этом коллективе также много молодых футболистов (Чернышев, Кулешов, Седов, Нетто, Паршин и другие), которые от игры к игре показывают рост своего мастерства. Особенно удачно играет в этом сезоне центральный нападающий Н. Симонян — рекордсмен по вбитым мячам.

Лучше прошлогоднего выступает дружный коллектив столичного «Локомотива», также пополненный молодыми игроками.

В последнее время увереннее и результативнее играют московские динамовцы.

Из остальных участников розыгрыша следует отметить успех коллектива ВВС, рижской команды общества «Даугава», спартаковцев Тбилиси и ереванских динамовцев.

Заканчивается первый круг — половина тяжелого пути. Уже начался второй, решающий. Команды обрели хорошую спортивную форму и, несомненно, будут с упорством бороться за каждый мяч, за каждое очко, за победу.

М. М.

За счастьем

(Путевые заметки)

З. ХИРЕН

Фото В. Бирюкова

Прежде чем лечь спать, Ян Сендак достает из бумажника колос пшеницы и долго любуется им, нежно трогает пальцами, словно хочет пересчитать на нем все до единого зернышки; а руки огромные, и в них целый сноп, наверное, покажется игрушкой. Не один, все его спутники — польские крестьяне, едущие в нашем вагоне, — запаслись колосьями и берегут их, как самые дорогие сувениры.

В конце вагона — крестьянки. Допоздна пели они под стук колес поезда. Но вот одной женщине вздумалось извлечь из сумочки колос. Немедленно ее примеру последовали все. Колосья сложили вместе, а потом, вытаскивая по одному, громко называли каждый сорт. Конечно, ветвистую пшеницу узнаешь сразу, но ведь, кроме нее, есть и другие.

Покидая вагон, поляки каждое утро отправлялись в степь. Путешествие продолжалось среди моря пшеницы, ржи, люцерны... Каждый раз, когда машины шли по дорогам, среди высоких хлебов, непременно раздавался голос:

— Смотрите, «одесская третья»!

И сразу же все поворачивали головы к волнующимся нивам пшеницы. Не раз, глядя на пшеницу, Ян Сендак повторял: «Почему у нас нивы не такие густые?» — и тут же, нащупав в боковом кармане бумажник с сувениром, сам себя успокаивал: «Будут, будут!..»

Подарил ему этот сувенир советский ученый во Всесоюзном селекционно-генетическом институте имени Лысенко еще в первый день приезда в Одессу. Тогда и Ян и его спутники подумали, что колос «опытный», «научный», что таких на обычном колхозном поле не бывает.

Оказалось иначе. В первом же колхозе они увидели огромные площади, засеянные знакомой пшеницей. Председатель колхоза показывал, какую малюсенькую посылочку с семенами получили они. С нее-то все началось, а сейчас понадобятся десятки машин, чтобы вывезти полученный от тех семян урожай.

У себя в деревне Вильчкув, Вроцлавского воеводства, Ян Сендак тоже возглавляет коллективное хозяйство; у них, в Польше, оно называется производственным кооперативом. Слушая советского колхозника, Сендак подумал об ученом — лауреате Сталинской премии М. А. Ольшанском, который рассказал им в институте имени Лысенко о связи науки с колхозной практикой и о том, что для плодородия нет границ. Ученый держал в руке пучок колосьев, которые потом отдал гостям. «Мы идем к коммунизму, — заключил он, — и хотим, чтобы у нашего народа было еще больше хлеба. Мы переделываем природу. Этому учит нас товарищ Сталин. Недалек тот час, когда у нас будут снимать по сто центнеров пшеницы с гектара».

Вооруженный тетрадью и карандашом, Ян, как и все его товарищи, внимательно слушал и записывал.

— Помалу, помалу, — просил он, боясь пропустить хоть одно слово.

А ученый говорил не только о пшенице, но и о том, как получить высокие урожаи кукурузы, подсолнуха, ржи, чумизы, картофеля, часто повторяя: «Я рекомендую вам применить это у себя дома, в Польше». Все были поражены, никому не верилось, что в обычных условиях можно добиться таких результатов. Но тут происходило то же самое, что с пшеницей. Гости ездили из колхоза в колхоз и все то, о чем говорил ученый, видели на полях Одесской области.

Три девушки — Герои Социалистического Труда Ольга Сетер, Федосия Корчинская и Ефимия Сербул — встретили их в колхозе имени Ленина, Врадиевского района. То, над чем ученые работали в институте, девушки затем осуществили на практике. И хотя говорили они мало, а одна из них, выступая, краснела, теребила пальцами бахрому скатерти и все время повторяла: «Как думали, так и получилось», — все знали, какая сила скрывается за этими словами. Девушки осуществили то, о чем говорил ученый. И гости и односельчане дружно аплодировали Героям. Тут, как и в институте, Ян боялся пропустить слово и, не отнимая карандаша от тетрадки, лежавшей у него на коленях, повторял:

— Помалу, помалу...

Если бы художник вздумал изобразить на полотне делегацию польских крестьян, то первым долгом ему бы следовало обратить внимание на то, что в течение двух этих недель ни один из них не расставался с тетрадью и карандашом. Вспоминая поездку с поляками по Одесской области, прежде всего видишь сорок одного человека, вооруженного этими письменными принадлежностями.

Вот сидит старичок со светлыми усами, торчащими, как две щеточки. Полосатая рубашка без воротничка расстегнута, в петлице пиджака значок борца за мир. Очки в железной оправе то и дело сползают на кончик носа.

Рядом со старичком сидит другой крестьянин. Он сдвинул на затылок шляпу с короткими полями, и видно, как у глаз его собрались маленькие морщинки, а густые рыжие брови чуть-чуть приподнялись. Это Юзеф Чайка — единоличник из Краковского воеводства. Перед самым отъездом он у себя в селе ходил по домам собирать подписи под Стокгольмским воззванием. Сейчас у Чайки, как и у его соседа, лежит на коленях тетрадь.

Крестьянки держатся отдельно... Вот Целестина Шалиговская — молодая женщина с копной черных подстриженных волос. Она из деревушки Вьонк, что на высоком берегу Вислы. Под тетрадь положила сумку и пишет. У них уже есть производственный кооператив.

— Знаете, как мы его назвали? — громко спрашивает она окружающих, и тотчас же щеки ее покрываются румянцем.— Имени Восьмого марта. Потому что женщина у нас первая подняла руку за кооператив. Кто эта женщина? Юлия Нейк, вдова: ее муж погиб на войне. Все женщины пошли за Юлией... Что же оставалось мужикам? — И Целестина смеется.— Они последовали примеру женщин...

Тут же сидит Ядвига Влошек. Ее все называют «мама». Полная, высокая, с добрым лицом, она в каждом колхозе спрашивает о яслях, но, приехав в МТС, «мама» не забывает и о ремонтных мастерских, о том, как соревнуются токари. Как и другие, она все записывает. Вряд ли кому-нибудь из этих людей довелось за всю жизнь исписать столько бумаги, сколько в эти дни!.. С утра до вечера гости на колхозных полях, в совхозах, МТС — и все записывают.

Высокий, с крупными чертами лица, стоит

среди других и Ян Сендак. Вопросов у него всегда множество. Лицо сосредоточенно, время от времени он кивает головой, будто с кем-то спорит — то соглашается, то возражает. Иногда кто-нибудь из товарищей говорит ему: «Ян, такой вопрос уже был; видимо, ты прослушал ответ»,— но Ян упрямо отвергает замечание. Был или не был, а его интересует, и он спрашивает. У него тысячи вопросов.

Впрочем, их не меньше и у других делегатов. Все привыкли к тому, что беседы с председателями колхозов, бригадирами затягиваются на несколько часов. Столько вопросов ни на одном отчетном собрании не бывает.

— Мы хотим вам показать все, чего добились честным, самоотверженным трудом,— сказал гостям один колхозник. — Когда вы спрашиваете, а как должен работать бригадир или как распределяются колхозные доходы, и разные другие вопросы ставите, мы даем вам на них самые точные ответы. Скажу вам побратски: можете смело строить свою жизнь по нашему готовому малюнку. Не бойтесь, не ошибетесь,— все нами проверено, и краснеть никому не приходится.

В артели имени Сталина, Березовского района, одна колхозница опечалилась, когда узнала, что гости не успеют посмотреть ее жито. Она хотела, чтобы они своими глазами убедились, чего в нашей стране может достигнуть простая женщина.

Я видел, как позднее эта колхозница гордо вела своих гостей по высокой ржи и как польские женщины целовали свою новую подругу, называли ее своей сестрой, а та все рассказывала и рассказывала.

Однажды в вагоне зашел разговор о том, приходилось ли прежде польским крестьянам ездить за границу.

— Как же, ездили, — ответил пожилой поляк,— даже в Америку... Покидали родину, которая простому человеку была хуже мачехи, спасались от голода, искали по свету кусок хлеба, а находили погибель.

Тут вспомнили про Вавжона Топорека и его дочку Марысю, описанных Генрихом Сенкевичем. Они оставили свое родное село Липпицы и переплыли через океан в Америку, чтоб найти себе кусок хлеба, а нашли там голодную смерть.

— А где они, эти Липницы? — спросила молодая женщина в красном платочке. — Липниц ведь много...

И тут выяснилось, что сел с таким названием в Польше действительно много, но ни из одного теперь крестьяне не бегут.

— Мы приехали к вам за счастьем, — сказал Якуб Ольшовый из деревни Владиславов, Люблинского воеводства. — У нас нет еще производственного кооператива, у нас в деревне еще есть такие «умники», которые говорят, что природу человек не может победить, что все это бредни. Перед самым отъездом они сказали, что в Советском Союзе нас будут возить в машине с занавешенными окнами. Мы ехали в открытых машинах и удивлялись, почему на полях мало людей. Что же оказалось? Мы приехали в МТС и увидели столько тракторов и комбайнов, сколько никому из нас не снилось. Мы узнали, что в колхозах чуть ли не девяносто процентов работ производится машинами и что трактористы стремятся к тому, чтобы у колхозника было побольше хлеба.

Был тут и директор одной из польских государственных машинно-тракторных станций Станислав Глушек. Машины он получил впервые 12 марта нынешнего года, а уже через пять дней они вышли на посевную. Слова Якуба Ольшового о заботливости советских трактористов он, видимо, принял как упрек польским. Тут же, указав на крестьянина, в селе которого его станция впервые провела сев, Глушек спросил: «Как работали мои ребята?» Крестьянин отозвался о них хорошо.

А Глушек готов был отказаться от всего: от отдыха, от обеда,— только бы побольше времени провести на наших МТС, изучить их работу. Однажды он и еще три товарища попросили разрешения задержаться еще на день в Мостовской МТС. Им разрешили, и надо было видеть, какими радостными вернулись эти люди вечером в вагон, рассказывая о том, что видели!

Среди колхозников, встречавших с хлебом-солью польских крестьян, в колхозе «Шлях к коммунизму», Котовского района, можно было увидеть невысокого роста старика в вышитой цветами украинской косоворотке. Приветствуя гостей, он ласково улыбался и все время поправлял прядь волос, падавших ему на глаза.

«Мама» — Ядвига Влошек и Ян Сендак.

То был 67-летний Евгений Викторович Блажевский, колхозник. Попал он сюда случайно; в сущности, сам он тут гостем был. Живет он совсем в другом селе, в селе Любомирка, состоит в другом колхозе, но соседи вчера прочитали в газете Указ о присвоении старику звания Героя Социалистического Труда и немедленно поехали поздравлять. Поздравили и увезли из дому.

И вот Евгений Викторович беседует с поляками и каждого спрашивает: «А у вас-то как?» Вместе со всеми пошел он и в поле. Гости осматривали хозяйство по бригадам. Бригадир Бондаренко оказался участником конгресса борцов за мир и, узнав о том, что польский крестьянин Чайка у себя на родине собирал подписи под Стокгольмским воззванием, крепко пожал руку товарищу.

Гости подолгу осматривали поля. Евгений Викторович это делал с особенным удовольствием. Прежде ему не приходилось бывать у соседей, и хотелось сравнить их хозяйство со своим. Вдруг ни с того ни с сего старик рассердился. Он наткнулся на слишком крупную грудку земли.

— Для того привезли вы меня, чтоб вот эти каменья показать?.. Земля у вас сильная, буйная; не сумеете ее взять в руки — она бурьянами отомстит. Земля должна быть, как хорошая постель, на которой человек хочет дуже добре выспаться... Нежная она, земля. За ней, как за дитем малым, надо ходить... Как тесто на хороших дрожжах, должна земля дышать. А такие комья!..

Хозяйство соседей все же оказалось неплохим, и старик больше не гневался. Колхозницы, зная, что это тот самый Блажевский, который «выдумал», как они выражались, новый гибрид кукурузы, окружили старика и просили рассказать, как все было.

— Как идти на войну, — сказал он, — треба, бабоньки, оружие доставать. Я взвесил кочан нашей кукурузы, а он весит всего двести граммов. Мало, с таким оружием не повоюешь... Поехал я к одному знаменитому кукурузнику, к другому, подобрал подходящих кочанов и из них-то вырастил гибрид весом в 700 граммов один кочан. А на стебле два кочана бывают... На одном гектаре сорок тысяч стеблей, вот и считайте, сколько с гектара можно снять... Возили кочан в Одессу, в Шполянский район, на Киевщине, и в другие местности — тяжелее нашего кочана нигде нет!

Слушали рассказ старика и польские крестьяне. Несколько раз переспрашивали, действительно ли перед ними простой колхозник, а не ученый агроном.

Недалеко от Евгения Викторовича стоял Якуб Ольшовый. Он склонился над тетрадью. По черной от загара, изборожденной морщинками шее стекали тонкие ручейки пота.

— Зачем вы так много записываете?— спросил у Ольшового Блажевский.

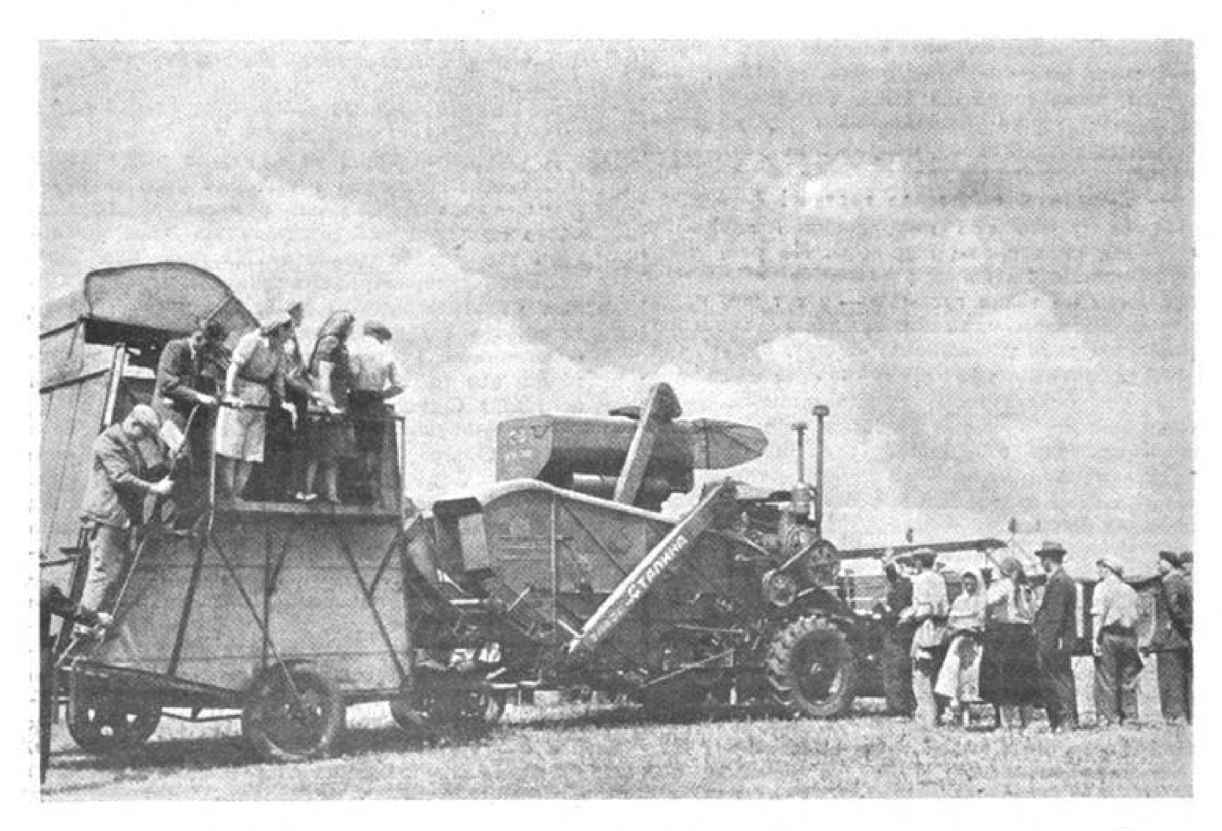
— То, что вы рассказываете, — план нашей жизни, — ответил Якуб.

Положив по-отцовски руку на плечо поляку, Евгений Викторович, взволнованный этими словами, счастливо улыбался.

Незабываемую картину наблюдали мы на обратном пути, когда пассажиры нашего вагона делились между собой впечатлениями о виденном.

— Сейчас, если б даже пятнадцать гектаров земли мне дали, — говорил Якуб, — никакие гектары мои мысли не повернут назад. Иного пути, чем тот, что избрали себе советские колхозники, я для нас, польских крестьян, не вижу. Во всей Польше, на всем свете не найдется человека, который мог бы меня в этом разубедить! — Якуб при этом упрямо стучал кулаком по вагонному столику.

— Это будет у нас в Польше, — слышались слова с другого конца вагона. То сказал Ян Сендак. В руках он держал колос ветвистой пшеницы. — Это будет у нас, во Вроцлавском воеводстве!

«...В МТС мы увидели столько тракторов и комбайнов, сколько никому не снилось». Члены польской делегации осматривают комбайн.

НА СТРАЖЕ ЖИЗНИ

Владимир КЕДРОВ

В жаркий летний полдень доктора Арапова вызвали к профессору Джанелидзе, главному хирургу Военно-Морских сил. Многими любимый и почитаемый профессор сидел в распахнутом морском кителе, погруженный в глубокое раздумье.

— Я выбрал для вас подходящее дело, — сказал он. — Поедете на север главным хирургом Северного флота. Согласны?

— Согласен, — ответил Арапов, как-то сразу внутренне и внешне подтягиваясь. — Какие будут указания?

— Никаких, кроме одного,— выехать завтра.

— Есть.

Минутная пауза. Потом Джанелидзе встал, подошел к Арапову:

— Это трудный, очень трудный участок, но... не мне говорить, не вам слушать. Доверяю, потому что уважаю. Поняли?

— Спасибо.

— В добрый путь!

На базах и кораблях с нетерпением ожидали приезда московского хирурга. О нем знали, много слышали; молва об его операциях в институте Склифосовского ходила по больницам, клиникам и госпиталям Союза. Его труд, вышедший незадолго до войны, посвященный проблемам газовой гангрены, стал настольной книгой военно-полевых хирургов. Поэтому, несмотря на фронтовую обстановку, врачебный персонал собирался встретить главного хирурга подобающим образом, чтобы, как говорится, не ударить лицом в грязь.

Но вышло иначе.

Арапов приехал в Полярное в самый разгар налета вражеских бомбардировщиков. В главном морском госпитале шли операции одновременно на нескольких столах. Раненые прибывали с суши и с моря — бойцы морской пехоты, летчики, подводники. Персонал госпиталя сбился с ног.

Никто не заметил, как доктор Арапов вошел в операционную, стал в сторонке и начал наблюдать за работой. От его зоркого глаза ничто не ускользало: ни замедленный ритм операций, ни слабая подготовка одного из молодых хирургов. Все он охватывал взглядом, как опытный дирижер улавливает малейшую фальшь любого инструмента. И в первую же минуту Арапов понял, что он здесь нужен не только как главный хирург, но прежде всего как учитель.

Арапов потребовал у дежурной сестры фартук, стерильную шапочку, маску. Тщательно вымыл руки. Протянул их сестре. Та надела на них резиновые перчатки. Арапов подошел к столу, за которым работал молодой хирург. В этот момент поднесли следующего раненого.

— Ранение бедра? — спросил Арапов.

— Да, — не посмотрев на него, сказал хирург.

— Я буду оперировать, а вы мне поможете, — просто сказал Арапов и занял место хирурга.

Молодой врач только теперь взглянул на отдавшего приказание: высокий, мужественные, строгие черты лица, коротко стриженая седая голова под шапочкой. Совсем незнакомое лицо! Хотел что-то сказать, но не успел: хирург уже начал операцию. В каждом взмахе скальпеля, в каждом движении проглядывали спокойствие и сила — качества, вырабатываемые большим опытом и знаниями.

Ассистенты сразу почувствовали, что оперирует крупный хирург, и вмиг подтянулись. Активный, стремительный темп требовал исключительного внимания. Счет времени шел долями секунды. Надо успеть поймать взгляд хирурга, уловить, что ему требуется, и сразу же включиться в тот или иной момент операции. Это было трудно, трудно еще потому, что хирург действовал молча, не тратя лишних слов, и только изредка ронял:

— Шприц!.. Крючок!.. Кетгут!.. Ножницы!..

За массивными стенами операционной слышались глухие залпы зениток и отдаленные раскаты морских орудий. Арапов оперировал одного раненого за другим, едва успевая менять перчатки. Молодые врачи останавливались и замирали у стола, за которым работал московский хирург. Их изумляла безукоризненная техника. Но то была не просто техника. По всему было видно, что скальпель идет

Дмитрий Алексеевич Арапов.
Фото О. Кнорринга

за мыслью, повинуясь ей, а мысль уходит вперед, все глубже и глубже, под не вскрытые еще покровы, проникая в потаенные извилины человеческого организма, не доступные ни анализам, ни рентгеновским лучам!..

Иссекал он широко, уверенно отделяя все травмированное, омертвевшее, грозящее инфекцией здоровым частям организма. Это был стиль, унаследованный от отца русской хирургии Пирогова и поколений выдающихся русских хирургов — Басова, Вельяминова, Склифосовского, Бурденко, Спасокукоцкого. Мужественный, суровый и вместе с тем самый человеколюбивый, самый гуманный стиль на свете! После таких операций совесть хирурга чиста: он сделал все, решительно все, что от него зависело, чтобы спасти сустав, нерв, конечность, а порой и жизнь...

Под утро Арапов снял перчатки, откинул с лица маску и, улыбнувшись, сказал:

— Ну, что ж, товарищи, будем знакомы. Арапов.

И начал обход госпиталя.

Так состоялось знакомство главного хирурга с персоналом морского госпиталя.

...Потом он плавал на торпедных катерах к Рыбачьему. И там по нескольку суток подряд, дни и ночи оперировал раненых. Нередко по двадцать часов он не отходил от операционного стола!

В пургу, в бураны, во мраке полярных ночей Арапов отправлялся с десантами морской пехоты в тылы врага и высаживался на каменистый, пустынный берег. Болото и гранит, ни деревца, ни строения. Впереди неприятель, за спиной хмурое, студеное море.

Плавал Арапов на транспортах, на госпитальных судах; ходил на подводных кораблях; пересекал Баренцово и Белое моря на летающих лодках.

Он личным примером воспитывал нужных флоту хирургов, умеющих не только оперировать, но и лечить раненых, обеспечивать их надежную эвакуацию и транспорт.

Организация военно-хирургической помощи на войне — очень сложное дело. Еще Пирогов говорил: «Желая помогать всем разом и без всякого порядка перебегая от одного раненого к другому, врач теряет, наконец, голову, выбивается из сил и не помогает никому».

Конечно, крупный медик мог и не участвовать непосредственно в таких походах, как, например, морской десант. Но ведь так работал во время героической обороны Севастополя Пирогов. Так работал в русско-турецкую войну, во время штурма Плевны и на Шипке, Склифосовский. И точно так же работал в русско-японскую войну и в первую мировую войну Бурденко. Такова была славная традиция отечественной военно-полевой хирургии! И по стопам этой традиции шел советский хирург Дмитрий Алексеевич Арапов.

Однажды в госпиталь в Мурманске был доставлен раненный в бедро боец морской пехоты. При его осмотре врачи заметили, что крайне тяжелое состояние не соответствует ранению. У моряка было почти полное отсутствие пульса, очень бледное лицо, на лбу выступил холодный пот. Он метался в постели. Врачи ничего не могли понять. Срочно вызвали главного хирурга.

Арапов подошел к койке, заглянул в глаза раненого моряка. В них была тоска, отчаяние.

— Газовая гангрена,—тихо сказал Арапов.— Немедленно в операционную!

Скальпель рассек мышцы, искусно удаляя по пути обрывки размозженных тканей и костные отломки. В глубине хирург обнаружил крупный металлический осколок с рваными краями и извлек его. Вокруг раны, в межмышечных прослойках, выделялись газовые пузырьки. Это свидетельствовало, что анаэробы — бациллы, распространители газовой гангрены, — проникли в организм. Хирург стал решительно расширять операционное поле. Это та операция, когда ничего не жаль, кроме жизни больного. Анаэробы уже проникли в здоровые «отсеки» организма. Они быстро захватывали клетку за клеткой, поражая их и устремляясь дальше, расширяя очаг смертельной инфекции. По стихийной силе, по молниеносности и размерам причиняемого бедствия газовую гангрену можно сравнить с лесным пожаром. Она бушует так же грозно, неумолимо, опустошая на своем пути «урочище за урочищем» в драгоценном массиве человеческого тела. Не случайно в народе ее метко назвали «антонов огонь»!

В русско-японскую войну о газовой гангрене говорили как о «беспросветном» отделе медицины, беспросветном потому, что ни разрезы, ни ампутации любых масштабов сплошь и рядом не спасали людей, охваченных этой инфекцией.

В первую мировую войну газовая гангрена на всех языках мира получила название «бича человечества». Она уносила множество жизней. Только по одной германской армии бактериолог Цейслер определил число жертв в 100 тысяч человек. Можно было бороться с различными болезнями, пресечь, блокировать любую эпидемию, но перед «бичом человечества» даже самые опытные европейские хирурги склоняли головы и опускали руки.

Во вторую мировую войну, когда снова вспыхнула газовая гангрена, советские хирурги во всеоружии выступили на борьбу с ней. И одна из главных заслуг в этом принадлежит Дмитрию Алексеевичу Арапову. За много лет до войны он начал разрабатывать проблемы борьбы с анаэробной инфекцией. Его основной труд, озаглавленный «Газовая гангрена», стал во время войны повседневным руководством для хирургов, а после войны — источником для новых научных трудов и диссертаций, углубляющих и развивающих эту актуальную тему.

Д. А. Арапов, как подлинный врач-новатор, идет по пути, указанному передовыми деяте-

лями русской медицины, продолжая и наследуя их великое дело. Ибо первый, кто по-настоящему, научно описал газовую гангрену, был Пирогов. Следует сказать, что это произошло задолго до открытия Пастером патогенного анаэроба.

Газовая гангрена — сложная проблема. Множество ее видов, разнообразие ее клинических форм создают немалые затруднения для борьбы с ней. Первоочередная задача хирурга — опередить скальпелем безудержное размножение анаэробов, удалив мертвые ткани, служащие им пищей, и решительно закрыть им пути наступления на живые, здоровые клетки организма. Это трудная операция, поглощающая много сил, энергии, нервов хирурга. Это поединок, происходящий в тиши операционной, почти в полном безмолвии.

Но операция — только начало. За ней следует сложное, комплексное лечение, ибо даже после правильно и благополучно произведенной операции раненый может погибнуть от отравления токсинами — ядами. И окончательная победа достается врачу, хорошо вооруженному в этой «тихой войне» всесторонними знаниями.

Так было и в Мурманске с бойцом морской пехоты. Его жизнь удалось спасти.

Свой богатейший опыт борьбы с газовой гангреной Арапов подытожил в докторской диссертации, которую он защитил в 1943 году. Защита диссертации совпала с защитой Родины, и ученая степень была присуждена не только за большие научные заслуги, но и за доблесть и стойкость советского хирурга.

* * *

«Если бы Паганини, заставлявший душу свою говорить струнами своей скрипки, провел три дня, не упражняясь, он потерял бы, по его выражению, регистр своего искусства (так он обозначал связь, существующую между деревом, смычком, струнами и им самим); будь эта согласованность нарушена, он сразу бы стал заурядным скрипачом».

Этот тонкий бальзаковский анализ психологии творчества скрипача вполне применим к творчеству хирурга. И здесь и там мы видим непрестанную работу над улучшением техники, над совершенствованием стиля. И здесь и там постоянная забота о том, чтобы пальцы не утратили «сверхчуткости» и гибкости, чтоб не погас творческий темперамент, чтоб не иссяк талант. Когда оперирует Арапов, вы видите, с каким совершенством, как широко и полно владеет он регистром своего инструмента. Пусть это не смычок, а скальпель, не струны, а кетгут — хирургические нитки, — но творчество это — высокое, истинно человеческое творчество.

Нет, кажется, ни одного участка в организме человека, куда не проникал бы скальпель Арапова. Он специалист в области желудочной хирургии. Усовершенствованная им методика операции создания искусственного пищевода оставила позади достижения хирургов последнего времени. Эта обширная по своему объему операция, захватывающая крупные сосуды, органы средостения и полость плевры, раньше зачастую завершалась неудачей. Для клиники Арапова эта операция стала обычным делом, почти рядовым явлением, заканчивающимся, как правило, полным выздоровлением больного.

Д. А. Арапов — один из выдающихся хирургов в области эндокринологии. Его оригинальные, «бескровные» операции зоба считаются уникальными.

Сталинской премии была удостоена работа Арапова по освоению и внедрению нового вида сыворотки при лечении хирургических болезней. Его труды в области ингаляционного наркоза также сыграли большую роль в медицине.

Если ко всему этому добавить успешную нейрохирургическую практику Арапова, а также его плодотворную работу по восстановительной хирургии, перед нами раскроется облик хирурга громадного диапазона, новатора, непримиримого врага шаблонов. У него на все свой взгляд, и взгляд этот отличается острой наблюдательностью и чувством перспективы.

Операция начинается задолго до операционной, еще при первом осмотре у постели больного. Здесь Арапов проверяет симптомы болезни, сверяет их с анализами, изучает поставленный до него диагноз, сосредоточивает внимание на общем состоянии больного. Правильный выбор операции — половина успеха, и вот уже в операционной Арапов работает решительно, уверенно, смелой рукой, как и подобает хирургу. Все заранее взвешено, продумано, вся операция — от первой капли наркоза до последнего стежка хирургической нитки — разработана в мельчайших деталях.

Дмитрий Алексеевич много трудится, и это трудолюбие роднит его с лучшими русскими хирургами. Он руководит хирургическим отделением Центрального морского госпиталя. И наряду с этим он постоянно консультирует и направляет работу хирургов Военно-Морского Флота.

Поздно заканчивается трудовой день — день клинических обходов, врачебных конференций, операций, консультаций. Но может быть и так, что к вечеру в квартире раздастся телефонный звонок. Через рацию судовой врач находящегося в плавании корабля спросит совета, как лучше сделать операцию. И усталости как не бывало! Арапов уже всеми своими мыслями там, в море, на корабле. Он как бы становится рядом с молодым своим собратом в маленькой, тесной операционной с круглыми иллюминаторами, в которые плещет волна... А потом молодой флотский хирург доложит, что операция прошла благополучно.

Передавая свой опыт и свои знания молодому поколению хирургов, щедро делясь с молодежью «тайнами» своего мастерства, Дмитрий Алексеевич продолжает и развивает славные традиции отечественной медицины.

Заводские инженеры пишут диссертации

Инженеры ХТЗ, работающие над кандидатскими диссертациями (слева направо): Е. А. Тохтамыш, В. А. Ульянов, И. С. Свет, И. И. Шапошников и А. Т. Романова.

Фото Н. Гурова

Недавно вышла из печати книга инженера Харьковского тракторного завода И. С. Света «Современные методы упрочения поверхностей деталей». Это результат двенадцатилетнего труда автора, обобщившего передовой опыт новаторов завода.

— Непосредственное изучение интересовавших меня вопросов в условиях завода, — говорит И. С. Свет, — близкое общение со стахановцами, мастерами и инженерами, проверка теоретических данных на практике дали возможность создать научный труд.

Материалы книги инженера И. С. Света легли в основу его кандидатской диссертации на ту же тему.

Инженер, готовящий научную диссертацию не в тиши институтской лаборатории, а в цехе, на материале повседневной заводской практики, — одно из новых замечательных явлений жизни социалистического предприятия.

Инженер И. И. Шапошников начал свой трудовой путь учеником слесаря на полтавской электростанции, затем работал слесарем на Уралмашзаводе. После окончания Института цветных металлов он пришел в ремонтно-литейный цех ХТЗ. Сейчас бывший слесарь пишет кандидатскую диссертацию на тему «Современные методы заливки свинцовистой бронзы». И. И. Шапошников — заместитель начальника отдела технического контроля. Но работа над диссертацией заставляет его снова перейти в цех цветного литья.

— Цех, — говорит инженер, — является для меня своеобразной научной лабораторией.

Лет двадцать назад Николай Иванович Ведута был разъездным механиком МТС. На ХТЗ он работал в кузнечном цехе и одновременно учился на вечернем отделении Механико-машиностроительного института. Сейчас Н. И. Ведута — заместитель начальника моторного цеха. Здесь рождается сердце трактора — мотор. Производственный опыт стахановцев дал инженеру богатый материал для диссертации.

На Харьковском тракторном их уже много — более 20 человек — инженеров, совмещающих напряженную производственную работу с глубокими научными исследованиями. И близок день, когда они предстанут перед Ученым советом, чтобы защитить свои диссертации — плод творческого труда.

А. КАШТАНОВ

Г. Нисский.

ВЕРХНЯЯ ВОЛГА.

Всесоюзная художественная выставка 1949 года.

Б. Щербаков.

«Огонек» 1950

УЧЕТ МОЛОКА В ПОЛЕ.

Всесоюзная художественная выставка 1949 года.

И. Гринюк. **УКАЗ О НАГРАЖДЕНИИ.**

Всесоюзная художественная выставка 1949 года.

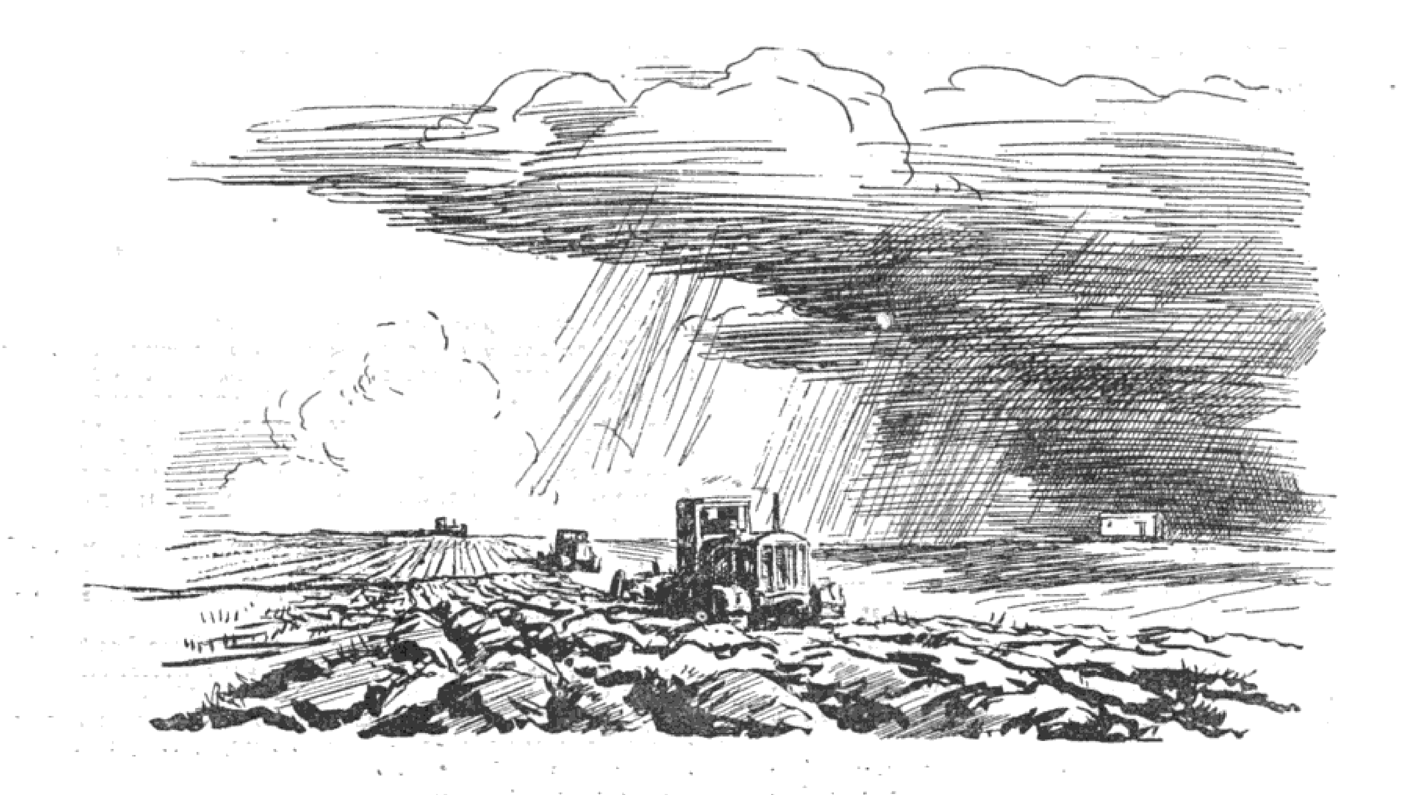
НА НАШИХ ВКЛАДКАХ

Картины московских живописцев, публикуемые в этом номере журнала «Огонек», были показаны на Всесоюзной художественной выставке 1949 года.

Картина художника И. Гринюка «Указ о награждении» рассказывает о явлении, которое стало типичным для нашей колхозной деревни: передовики сельского хозяйства в разгар уборки узнают о всенародном признании их трудовых заслуг. Художник передал воодушевление колхозников, их стремление ответить новыми победами на высокую правительственную награду.

Б. Щербаков посвятил свое полотно успехам советских животноводов. Колхозники оживленно беседуют, подсчитывая цифры удоя. По довольным лицам людей ясно — итоги получаются неплохие. Тучный, холеный скот, грузовики с бидонами — все это свидетельствует об изобилии. Мастерски, в традициях русской классической живописи написан летний пейзаж.

Г. Нисский продолжает свою многолетнюю работу по созданию пейзажей советской Родины. В «Верхней Волге» автору удалось убедительно передать силу и величие волжского раздолья.

НОВЫЙ БРИГАДИР

Микола ЛУПСЯКОВ

Рассказ

Рисунки В. Высоцкого

1

На полях хозяйничала весна. Давно сошел снег, и заморозки не сковывали больше ночами землю. Утром сквозь дымку радостно улыбалось солнце. Тогда казалось, что горизонт расступался. Легкий туман сползал в низины, оголяя делянки с первыми, робкими всходами.

Все эти дни — почти уже неделю — Ганка с Ольгой работали в колхозе «Красный берег». С утра до вечера вспахивали зябь, поднятую прошлой осенью Долгунцом. Зябь начиналась у дороги и тянулась до самого горизонта.

Как-то в полдень к трактористкам наведался председатель колхоза Трофим Иванович, высокий плечистый человек с черной бородкой, с обветренным скуластым лицом.

Трофим Иванович долго ходил по полю, измерял глубину вспашки железным метром. Подойдя к тракторам, он остановился, осмотрел машины и сказал, обращаясь преимущественно к Ганке:

— Большая сила в этих машинах, ох, и большая же сила! Когда они, конечно, в надежных руках. Не так ли, товарищи трактористки?

— А хиба мы, дядька, плохо пашем? — спросила Ганка.

На лице Трофима Ивановича появилась та хитроватая усмешечка, что так не нравилась всем эмтеэсовским трактористам, комбайнерам, молотильщикам. «Этому Трофиму,— говорили они,— один только дьявол может угодить».

Трофим Иванович аккуратненько уселся на прицеп и, в свою очередь, спросил у Ганки:

— А как, по-твоему, милая? Хорошо или плохо?

— Ясное дело, неплохо,— с ноткой неприязни в голосе сказала Ольга, недовольная тем, что Трофим Иванович разговаривает только с Ганкой.— Попробовали бы сами поработать на такой машине, как моя. Она еще с довоенным стажем.

— Машина с довоенным стажем — это еще пол-лиха,— мирно отозвался Трофим Иванович.— А вот если человек родился со старым характером,— это уже полное лихо.

— Очень вы понимаете в машинах! — обиженно сказала Ольга.— Легче всего сидеть так да читать лекции.

На Трофима Ивановича эти слова, казалось, не произвели никакого впечатления. Лукаво щуря глаза, он посматривал на трактористок, будто оценивая каждую из них. Посидев так и немного о чем-то подумав, Трофим Иванович сказал:

— Мне требуется, чтобы вспашка была первый сорт. Иначе я с вами ругаться буду, девицы. Что мы хотим сделать? Хотим взять пшеницы по двадцать четыре центнера с гектара — такое слово дали, милые мои. Мы тут зимой вон сколько снега задержали! И уже навоз сюда везут.

Трофим Иванович помолчал, потом поднялся с прицепа и уже совсем дружеским тоном сказал:

— Работаете вы, конечно, неплохо. Только вот, боюсь, со сроками подведете. А вообще молодцы, молодцы!..

Через два дня из МТС пришел третий трактор. Он притащил с собой на прицепе зеленый деревянный домик под железной крышей. За рулем сидел человек в комбинезоне и кепке. Остановив машину возле дороги, человек заглушил мотор, спрыгнул на землю и начал свертывать цыгарку. Пока он закуривал, к дороге подъехала Ганка. Тогда человек взмахнул рукой и зычно крикнул:

— Глуши мотор!

Сделав поворот, Ганка остановила трактор.

Приехавший подошел к плугам и остановился, вглядываясь в Ганку. У него было смуглое суровое лицо, пытливые серые глаза; на висках уже серебрилась седина, но на вид ему нельзя было дать больше тридцати. Что-то было в этом человеке, сразу напоминавшее бывшего фронтовика.

— Кто тут у вас старший? — спросил он, дымя цыгаркой.

— Я старшая,— сказала Ганка.

— А почему второй трактор стоит? — и приезжий показал рукою вперед. Там, среди поля, застыл трактор и возле него возилась Ольга.

— Мотор...— сказала Ганка.— Что-то не заводится.

— Давно стоит?

— Да уже час будет.

— Хм! — и человек выпустил изо рта клуб дыма.— Меня зовут Антон Рыбченко. Прислали сюда бригадиром. А ты, что же, курсы кончала?

Ганка кивнула головой.

— Когда?

— Зимой.

— Значит, впервые на пахоте? И та, твоя подружка, тоже впервые?

— Вместе мы учились,— ответила Ганка.

Антон Рыбченко молчаливо докурил цыгарку, сказал:

— Ну, что ж, пойдем, посмотрим, что там у вас случилось.

Ганке стало не по себе. Самостоятельно работали они только несколько дней, могли наделать ошибок. А этот хлопец в кепке был, видать, опытный тракторист — иначе не назначили бы его бригадиром.

Над полем кружились грачи, а высоко в небе, в бесконечных его просторах, звенели жаворонки. День был жаркий, над пашней поднимался пар. Временами налетал ветер, приносил из низин неясный гомон перелетных птиц. Ганка шла, ко всему приглядываясь и прислушиваясь. Вдруг над головой она увидела аиста. Тяжело взмахивая длинными крыльями, он летел в сторону деревни.

— Бусел прилетел,— сказала Ганка, пристально глядя в небо.

Антон Рыбченко посмотрел на летящего аиста, потом — на Ганку, буркнул:

— Ну, и нехай летит... Вы (почему-то он называл ее теперь на «вы») больше бы о тракторах думали.

Ганка покраснела: «Какой серьезный...»

Они подошли к трактору. Поздоровавшись с Ольгой, Антон Рыбченко сразу полез в мотор:

— Совсем не заводится?

— На мертвой точке,— важно сказала Ольга и подмигнула Ганке: «Посмотрим, что это за мастер такой».

Рыбченко вывинтил свечи. Лицо его стало совсем мрачным.

— Давайте кусок провода. Хотя не нужно, у меня свой есть,— и полез в карман комбинезона.— Трактористы, нечего сказать! Стоят целый час, а свечи проверить не могут.

И он говорил так минуты три, пока не прочистил и снова не ввинтил свечи. Вытирая о ветошь руки, заметил:

— Огрехов много делаете...

— Мы пашем неплохо,— заносчиво возразила Ольга.— Сам Трофим Иванович, председатель, похвалил.

На лице Рыбченко появились сначала удивление, потом усмешка.

— По-хва-лил!..— иронически протянул он.— Сразу от вас, как ввалился в кабинет директора МТС, так почти весь вечер гремел, как тот перун. Даже в район звонил. Теперь, наверно, сам секретарь райкома знает про ваши огрехи. Обещал еще написать в «Звезду».

Девчата от удивления раскрыли рты.

— И что за человек! — с сердцем сказала Ольга.— Недаром все его избегают. Кто ни едет в «Красный берег», обязательно поругается с этим Трофимом.

— И напрасно,— заметил Рыбченко.— Наоборот, с ним надо дружить. Ну, про это потом... А теперь вот что, девчата. Видите вон тот дом на колесах, что я сюда притащил?.. Вы ведь тракторы гоняете на ночь в колхоз?

— В колхоз,— сказала Ганка.

— И даром тратите горючее. Ночевать теперь будете в вагончике. Вечером сходите на квартиры и заберите все, что нужно. Обед нам будут сюда привозить.

— Вот как! — вспыхнула Ольга.— Ночевать в поле! Ну, на это я не согласна!

— А если не согласна, так можешь оставить бригаду,— спокойно ответил Рыбченко.— Задерживать не буду. Ну, заводите машины.

И пошел к дороге, где стоял его трактор.

Несколько минут девчата молчали. Потом Ольга спросила:

— Кто такой?

— Бригадир. Из МТС прислали,— ответила Ганка.

— А что, Аня, если он не заведется?

— Кто, бригадир?

— Да нет, мой трактор.

И обе рассмеялись.

Трактор завелся. Вскоре три машины, одна за другой, передвигались по полю из конца в конец. Первым ехал Антон Рыбченко, за ним — Ганка, а за Ганкой — Ольга.

Когда зашло солнце, девчата поспешили домой.

— Хороший бригадир, ничего не скажешь! — ворчала Ольга.— Не дал отдохнуть. Погнал за столько километров! Я посмотрю еще, посмотрю, а потом возьму да и переведусь в другую бригаду.

Ганка ничего не ответила подружке. Она думала по-другому. Учились они с Ольгой вместе, кровати их в интернате стояли рядом. Подружились. Потом, после курсов, Ганку назначили старшей над двумя тракторами. И только тогда Ганка начала замечать, что Ольга относилась к делу беззаботно, не выносила, когда ей делали замечания. Ганке не раз хотелось серьезно поговорить с подругой, но почему-то тяжело было начинать этот разговор. Теперь, шагая по дороге, она с облегчением думала: «Вот и хорошо, что прислали бригадира. С ним она не очень поспорит...»

2

Трактористы перебрались в вагончик.

Домик оказался довольно просторным. К стенам были пристроены нары: у одной стены — широкие, а у другой — узкие, на одного человека. Посредине возвышался небольшой круглый стол. На стене напротив окна висели плакаты с чертежами деталей трактора. В дальнем конце вагончика лежали запасные части, привезенные бригадиром.

Вечером, вернувшись из колхоза, девчата подмели и вымыли пол, протерли закопченное оконце.

Ужинали у костра, под темным весенним небом, полным мигающих звезд. Ганка была молчалива. А Ольга не умолкала ни на минуту.

Забавные истории, которыми так и сыпала Ольга, не вызывали у Рыбченко никакого интереса. Он ни разу не засмеялся и не сказал ни слова, а молча поужинал и так же молча, не обращая на девчат никакого внимания, пошел спать.

— Полез в свой дворец,— насмешливо проговорила вслед ему Ольга.

Назавтра, еще задолго до восхода солнца, Рыбченко разбудил трактористок.

— Подъем! — гаркнул он с такой силой, что задребезжало стекло в раме.

После этого бригадир, до пояса голый, выскочил из вагончика. Слышно было, как он фыркает, поливая себя холодной водой.

Ольга, как всегда, сонно ворчала:

— И чего так рано поднялись? Будто дня им не хватает.

Она говорила грудным, мягким, томным голосом. Не спеша начала одеваться, заплетать косы.

Едва Ганка выскочила из вагончика, как в дверях показался Рыбченко, уже в гимнастерке, свежий и бодрый.

— Что же вы тянете? — недовольно обратился он к Ольге. — Быстрей надо собираться.

Но Ольга даже не пошевелилась. Только высокомерно взглянула на Рыбченко.

«Черт, а не девка!» — подумал бригадир, отступая от дверей.

Над вагончиком, над полями поднималось утро. На востоке, растекаясь по небу, пламенело зарево. Звенели жаворонки. Редкие утренние облака таяли в высоте.

Трактористы уже завтракали, когда на дороге послышались стук колес, фырканье коня.

— Даю голову на заклад, что это Трофим Иванович,— проговорила Ганка. — Летит к нам ругаться.

— Почему обязательно ругаться? — удивился Рыбченко. — Ругаться мы с ним не будем.

Ганка не ошиблась. Действительно, на повозке сидел Трофим Иванович. Он свернул с дороги и по целине подъехал прямо к костру. Остановил коня, соскочил с повозки и, отпустив чересседельник, подбросил коню сена и только после этого подошел к огню. Прежде чем поздороваться, председатель долго осматривал домик на колесах.

— Хата, нужно сказать, как хата,— проговорил он со своей обычной усмешкой.— Только вот кладовки не хватает. Та-а-к... Ну, доброе утро, трактористы! Так это ты и будешь бригадир? — сразу обратился он к Рыбченко.

— Я и есть бригадир,— поднимаясь, сказал Антон.— Что-то вы рано поднялись, Трофим Иванович?

— Дела, брат, дела. Да и не спится. Видишь, весна. Тут, брат, каждый час на учете. А весна, она не ждет. Она идет своей дорогой, ей что? Конечно, можно и не спешить, можно делать потихоньку. Как говорят: «Семь раз отмерь, а один раз отрежь...»

Рыбченко вынул из кармана кисет и бумагу, свернул цыгарку и, передавая кисет Трофиму Ивановичу, сказал:

— По договору мы должны сдать этот участок до двадцатого. Что вы думаете насчет этого срока, Трофим Иванович?

Председатель ответил не сразу. Прикурил, помолчал.

— Тут, товарищ Рыбченко, такое дело,— сказал наконец Трофим Иванович.— Если б до пятнадцатого, то оно было бы лучше.

— Что ж, учтем вашу просьбу. Учтем и постараемся выполнить. А теперь у меня к вам небольшая просьба, Трофим Иванович. Попробуйте нашего супа.

— Ой, нет, что вы! — замахал председатель руками.— Спасибо. Я как раз позавтракал, когда сюда ехал.

— Нет, почему же? — настаивал Рыбченко.— Почему не попробовать? Ганка, дай миску товарищу председателю.

— А вагончик у вас неплохой,— начал было Трофим Иванович, собираясь уходить, но Ганка в этот момент поставила перед ним миску с супом.

Трофиму Ивановичу больше ничего не оставалось, как взяться за еду. «Ну, словил так словил,— думал он, морщась при каждом глотке.— А и хитрый же этот Рыбченко!»

А Рыбченко спросил:

— Ну, как суп?

— Да как будто бы ничего...

— Признайтесь, Трофим Иванович,— наступал Рыбченко,— дома ваши колхозники такой суп едят или трошки получше?

Трофим Иванович помотал головой:

— Если говорить начистоту, то, конечно, лучше.

— Поскупились вы трохи, Трофим Иванович, дали нам неважные продукты.

— Тут не моя вина,— оправдывался председатель.— Это все кладовщик, лихо на него.

— Нет, при чем же тут кладовщик? Кладовщик выполнял только ваш приказ.

— Видишь, бригадир,— смутился председатель,— дел у меня, дел... Ну, ладно, мы это исправим.

Ганка с Ольгой с интересом прислушивались к разговору председателя с бригадиром.

Ганка была удивлена обещанием Рыбченко закончить пахоту к пятнадцатому. Самые простые подсчеты показывали, что и до двадцатого вряд ли можно успеть поднять тремя тракторами такой массив. А Ольге понравилось смелое заявление Рыбченко. «Ну, и закрутил мозги этому Трофиму! — весело думала Ольга.— Однако бригадир ничего...»

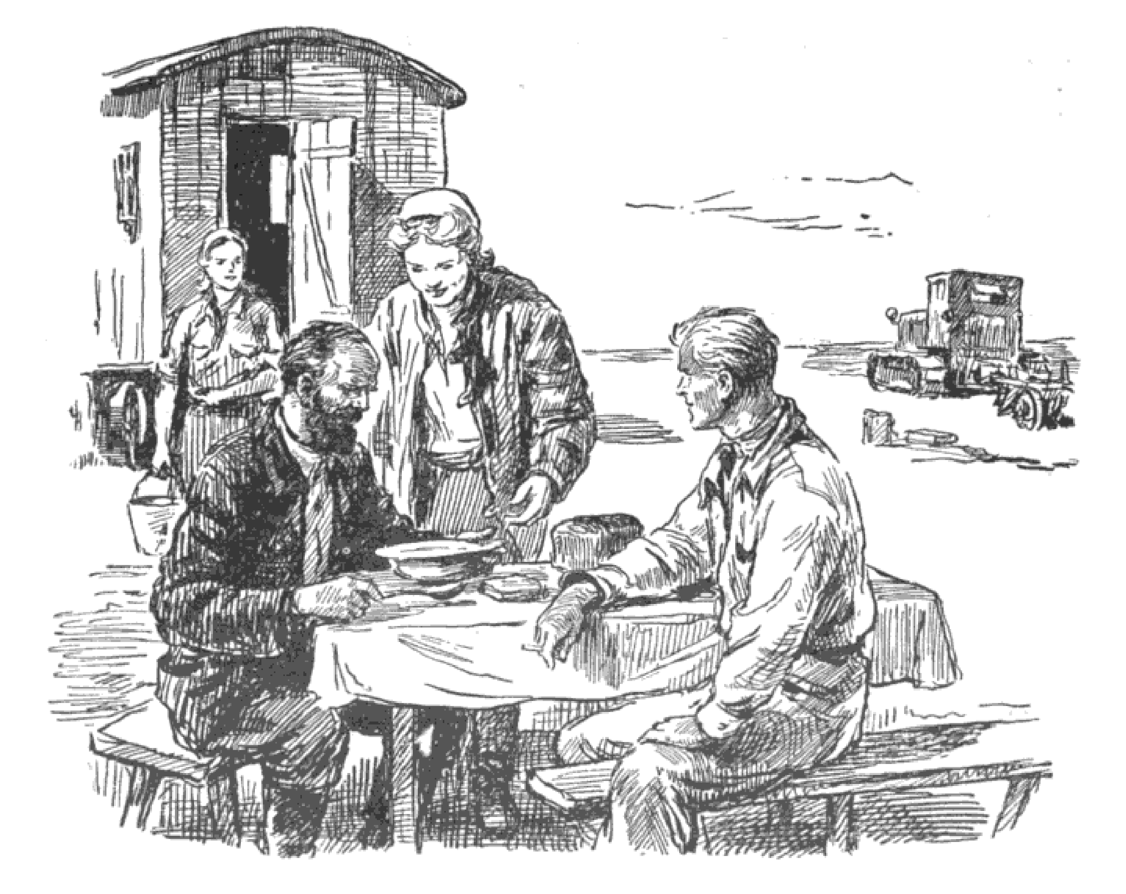
Днем над полем плыл ровный гул моторов. Рыбченко ни на минуту не давал отдыха машинам.

Вечером Антон вытащил из вагончика мешок с запасными деталями. Осторожно поставив мешок на землю, сказал Ганке:

— Зажги фонарь. У нас еще будет сегодня работа.

— Какая там еще работа? — нахмурилась Ольга, развязывая мешок.

Рыбченко достал из мешка фары и провод.

— Видите, девчата, надо целину поднять до пятнадцатого. Вы ведь сами слышали, что говорил председатель. Придется пахать и ночью.

Ганка зажгла фонарь. И долго он мигал во тьме, долго трактористы копошились возле машин. А в полночь яркий электрический свет фар прорезал ночной мрак.

Работали почти всю ночь. Когда же утром, после короткого сна, вышли из вагончика, увидели подводу, нагруженную бидонами, корзинами и мешками.

Продукты привез сам кладовщик.

3

При утренних подъемах Ольга уже больше не ворчала, быстро собиралась, завтракала и бежала к своей машине.

С каждым днем ширилась полоса подготовленной к севу пашни. Через каждые два — три дня домик на колесах передвигали все дальше и дальше.

По оврагам, по талым дорогам, пробираясь лугами и перелесками, весна шла в наступление на поля. Начинали зеленеть папоротники, кустилась, набирала силы озимь. С восхода до захода на полях напряженно трудились люди: боронили, унавоживали почву, прорывали канавки, спускали воду в низины. Со своего трактора Рыбченко всюду видел людей, и это поле, где шла теперь борьба за будущий урожай, напоминало ему фронт. В такие минуты Рыбченко казалось, что сидит он не за рулем трактора, а в танке.

Парило.

Ярко зазеленела озимь, каждая травинка выделялась в поле, хотя солнце и затуманилось, а далекий небосклон налился темной синевой. И вот из-за этой темносиней полосы выплыла белесая тучка и начала быстро развертываться в длинную с рваными краями ленту. А за ней еще и еще начали выплывать тучки, горизонт помрачнел, и солнце спряталось. Однако парило попрежнему.

Над полем с криком носились грачи.

Приближалась буйная весенняя гроза. Та гроза, после которой можно сделать себе дудку из каждой вербочки, гроза, после которой травы идут в буйный рост, прорастают в земле залежалые зерна, еще больше расцветает на лугу цветов.

Ольга любила такие грозы. Сидя за рулем, она с каким-то немым восторгом всматривалась в горизонт. Там уже вспыхивали зарницы, но еще не слышно было грома.

Подул ветер, упали на землю первые, редкие капли дождя. Рыбченко остановил трактор, заглушил мотор и, соскочив на землю, поднял вверх черную от мазута руку. Девчата, давно привыкшие к этим условным сигналам, сразу остановили машины.

— Надо прикрыть, — сказал бригадир, — иначе завтра не заведешь.

Оказалось, что на этот случай у него давно уже были припасены три брезентовых полотнища с пришитыми к ним хвостиками на углах.

Ольга прикрыла свой трактор первая и бегом бросилась к вагончику. Блеснула молния, осветив все вокруг. С оглушительным треском раздался над головой громовый раскат, и хлынул теплый, весенний ливень. Он зашумел в поле, как водопад. Ольга вскочила в вагончик, остановилась, с трудом переводя дыхание. Домик на колесах вздрагивал. Маленькое оконце поминутно вспыхивало синеватым светом. Где-то в крыше, видать, была дырочка, и через нее надоедливо падала на пол капля за каплей.

В дверях показалась Ганка.

— Ольга, ты тут? — спросила она и неуклюже начала подниматься по ступенькам.

Вслед за ней, сопя, как кузнечный мех, ввалился в домик Рыбченко. Оба они успели уже основательно промокнуть. Рыбченко стянул с себя гимнастерку, глухо сказал:

— Эту грозу нам нужно использовать. Мы все-таки здорово устали. Теперь поспим.

Скинув сапоги, он полез на свои нары и вскоре ровно и спокойно задышал.

Уснула и Ганка. А Ольга никак не могла уснуть. Когда вспыхивала молния, Ольга отчетливо видела на нарах бригадира, его серьезное даже во сне лицо. Вдруг где-то близко так сильно ударил гром, что Рыбченко заворочался, обеспокоенно сказал:

— Хотя бы не в трактор...

Ольге стало смешно. Немного погодя, когда Рыбченко утих, она толкнула подружку в бок:

— Аня, а, Аня?

— Ну, чего ты?

Ольга громко спросила:

— Тебе нравится наш бригадир?

Рыбченко заворочался на нарах, с головой укрылся одеялом.

— Тише ты, услышит, — прошептала Ганка.

— А пускай не слушает, — так же громко сказала Ольга. — Никто его не заставляет.

Лежа на нарах и засунув под голову руки, Ольга рассуждала сама с собой:

— Ну вот, посватался бы ко мне, скажем, этот самый Рыбченко. Как, по-твоему, Аня, пошла бы я за него замуж или не пошла?

Ольга подумала и сама себе ответила:

— Наверно, не пошла бы. Конечно, не согласилась бы. Черствый этот Рыбченко, и нос у него картошкой. Глаза, может, и ничего. Но мне такие не нравятся.

Рыбченко снова зашевелился на нарах. А Ольга как ни в чем не бывало продолжала:

— Конечно, это в поле он надо мной начальство. А тут он никакое не начальство. У меня отдых.

Через несколько минут она опять растормошила сонную подружку:

— Юрку ждешь?

Ганка только вздохнула в ответ.

— А почему он не приехал? — допытывалась Ольга.

— Приедет под осень, — зашептала Ганка. — У него теперь практика. А ты вот что, Ольга... Напрасно ты с бригадиром на ножах. Как бригадир он мне очень даже нравится.

За стенами вагончика шумел дождь. Он гулко барабанил по крыше, булькая, стекал на землю ручьями.

Гроза шумела почти до полуночи. А потом дождь начал утихать, гром звучал все глуше и глуше, и Ольга крепко уснула.

Когда утром Ольга вышла из вагончика, все было промыто дождем: и молодая трава, и озимь, и деревья. Казалось, что самое небо стало чище. Пахло озоном, земля дымилась. Радостный свет солнца заливал все вокруг. И только Рыбченко ходил туча тучей.

Он встревоженно осматривал тракторы и не обращал никакого внимания на Ольгу. Два трактора были накрыты брезентом, а ольгин стоял открытым. Брезент валялся далеко от него, в борозде. Машина была залита дождем и кое-где уже успела покрыться ржавчиной.

— Ну, что скажешь, трактористка? — спросил Рыбченко. — Вот тебе и нос картошкой!

— Ветер сорвал, — буркнула Ольга и оглянулась на Ганку. Та уже снимала со своего трактора брезент.

— А почему он не сорвал с моего или ганкиного трактора? — строго спросил Рыбченко.

Больше он ничего не сказал. Молча скинул брезент, завел трактор, крикнул:

— Поехали, Ганка!

А Ольга осталась на месте. Сначала она растерянно смотрела вслед уходящим тракторам, потом схватила ветошь и начала поспешно вытирать машину. Она вывинчивала и снова ввинчивала свечи, проверяла магнето, копошилась в моторе. Ольга чувствовала, что Рыбченко теперь ни за что не станет ей помогать, и вспоминала все, чему учили ее на курсах. Трактор она завела часа через два.

Это было как раз накануне выходного дня. В полдень приехал в бригаду секретарь комсомольской организации Дмитрок Иваненко.

— Вот что, Рыбченко, — сказал он.—Сегодня комсомольское собрание. Хоть ты уже кандидат партии, но тебе надо придти: у тебя ведь трактористки — комсомолки. Вот и расскажешь, как идут у вас дела. Я пришлю сюда человека, он постережет ваши тракторы.

...В клубе МТС было полно молодежи. Едва только Ольга вошла, как со всех сторон закричали:

— Оля, здорово!

— Привет, Оленька!

Ольгу любили за ее веселый нрав. Она это хорошо чувствовала, ей это было приятно. Но когда началось собрание и на сцену поднялся Рыбченко, Ольга почувствовала, как тревожно забилось сердце. Скажет или не скажет?

Рыбченко начал с того, что обрисовал, как тракторная бригада повысила норму выработки. Подробно рассказал он и про ночные работы.

— У нас не без недостатков, — внезапно произнес бригадир. — Один из членов бригады небрежно отнесся к машине, по его вине был простой. Этот член бригады — Ольга Пояркина.

Ольга сидела, опустив голову. Ей казалось, что все на нее смотрят, что весь этот зал, где каждый был ей знаком, осуждает ее. Когда она подняла голову, то действительно ощутила на себе пытливые, испытующие взгляды соседей. Она вышла из клуба и остановилась на лесенке.

Был теплый, весенний вечер, в небе мигали звезды. Ольга вздохнула, сдерживая слезы, которые все время набегали на глаза.

«Рассказал... Ну, и лихо с ним! Брошу эту бригаду».

Она стояла долго. Собрание уже окончилось, молодежь расходилась. Мимо Ольги прошли Рыбченко и Ганка.

«Ну, и нехай идут. Нехай. А я сейчас к директору пойду».

Вдруг до нее донеслось:

— И куда же это делась Ольга?

Это был голос Рыбченко.

Ольга поправила на себе платье, вздохнула и пошла на этот голос.

4

Стояло лето. Жаркие дни без единого облачка в небе.

С утра запрягал Трофим Иванович коня, садился в бричку и объезжал краснобережские владения. В полях ему низко кланялись хлеба. Трофим Иванович останавливал коня, соскакивал с брички. Он клал на ладонь тяжелые усатые колосья пшеницы, взвешивал, считал зерна. Немало труда положили тут люди, но зато поле теперь шумело, как море.

Днем можно было увидеть Трофима Ивановича и на пасеке, и в саду, и на огородах. Приезжал он и на речку Берестянку, к только что построенной электростанции, на которой механик Вакулич устанавливал динамомашину.

Трофим Иванович заходил в канцелярию колхоза и начинал заниматься текущими делами. Скоро начнут роиться пчелы, и надо предупредить плотников, чтобы завезли на пасеку приготовленные ульи. Соседний колхоз «Передовик» просит на день автомашину. Какой же он передовик, если свою не может наладить? Впрочем, в прошлом году «Передовик» кое-чем помог «Красному берегу». Дать. Но пускай ездят на своем бензине. И чтобы завтра к вечеру машина вернулась в гараж. И чтобы ехал на машине не шофер из «Передовика», а краснобережский шофер. А это что? Конюх Лаврен Барташевич просит помощника? Зачем ему помощник? Чтоб самому гулять и отлеживаться?

И Трофим Иванович все больше углублялся в эти повседневные дела, отнимавшие у него так много времени.

Как-то завернула его бричка во двор МТС. Привязав к ограде коня, Трофим Иванович вошел в кабинет директора.

Стихи Ивана Вазова

Россия

Повсюду там, где вздох суровый,
Где неутешно плачут вдовы,
Где цепи тяжкие влекут,
Ручьи кровавые текут,
И узник-мученик томится,
И обесчещены девицы,
И рубища сирот сквозят,
И старики в крови лежат,
И в прахе церкви, села в ранах,
И кости тлеют на полянах,
У Тунжи, Тимока и Вита,
Где смотрит жалкий раб забитый
На север, среди темных бед, —
По всей Болгарии сейча:
Одно лишь слово есть у нас,
И стон один, и клич: Россия!

*

Россия! Свято нам оно,
То имя милое, роднсе,
Оно, во мраке огневое,
Для нас надеждою полно.

Напоминает нам, скорбящим,
Что, всем забыты миром, мы
Любовью сладостной, хранящей
Озарены средь нашей тьмы.

Земля великая, Россия,
Всей ширью, светом, мощью — ты
С небесной только схожа синью,
С душою русской широты.

Там все моленья наши слышат,
И в нынешний, печальный час
Восьмидесяти мильонов дышат
Сердца, волнуяся за нас.

*

О, скоро нам свою протянет
Могучую десницу брат,
И кровь поганых литься станет,
Балканы старые взгремят.

И от Камчатки дальней, снежной
До финских скал — одна, остра,
Гроза осветит край безбрежный,
Единый крик взгремит: «Ура!»

*

О, здравствуй, Русь, в красе и мощи,
Мир вздрогнет, услыхав тебя,
Приди, царица полуночи,
Зовем тебя, зовем любя.

Народ зовет единокровный,
И час настал — к своим приди,
Что предназначено, исполни,
Завет великий воплоти!

Ведь ты для нас славнее славных,
Тебе на свете нету равных,
Вместила в ширь границ своих
Народы, царства, океаны,
Не обозреть пространства их,
Сам бог хранил от силы вражьей
Тебя, стоящую на страже,
Тебя, восставшую крушить
Мамая орды, Бонапарта.
Умеешь ты врага страшить,
Лишь на твою он взглянет карту.

И мы тебя зовем святой,
И, как сыны, тебя мы любим,
И ждем тебя мы, как Мессию, —
Ждем, потому что ты Россия!

22 ноября 1876 года.

Перевел Николай ТИХОНОВ

* * *

Нет, не вечны скорбь и зло,
И не вечен мрак проклятый.
Будет вновь тебе светло,
Будешь снова ты крылатой.

Вольный дух увидишь ты
В новом, сильном поколенье,
Глянет солнце с высоты
На твое объединенье.

Гнуть не будут головы
И страдать не будут люди...
И тогда-то... Но, увы,
Уж меня тогда не будет!

Май 1883 года.

Перевела М. ПАВЛОВА

— Вот приехал узнать, — сказал Трофим Иванович, здороваясь с директором, — когда пришлешь комбайн.

— Завтра. А что, к уборке уже готовы?

— Готовы, готовы, Максим Захарович. Какую бригаду посылаешь в «Красный берег»?

— Долгунца.

— Дол-гун-ца? — удивленно переспросил Трофим Иванович. — В прошлом году он сорвал мне все сроки. Зачем мне Долгунец? Ты мне бригаду Рыбченко давай.

— Так ведь ты, помнится, ругал девчат.

— Сначала ругал, а теперь только хвалить могу. Пахоту закончили раньше срока. И без огрехов, ничего не скажешь. Ну, как хочешь, товарищ директор, а твоего Долгунца я и на километр до колхоза не допущу. Давай Рыбченко с его девчатами!

* * *

И вот снова появился на краснобережских полях домик на колесах. Возле вагончика были вкопаны бочки с керосином, стояли бочки с водой, валялись пустые ведра.

Комбайн вышел на жатву.

Трактористы не узнавали поля, которое обрабатывали весной. Огромный пшеничный массив волновался перед ними.

Рыбченко включил скорость, отпустил ножной тормоз — и комбайн поплыл по полю. Крупное золотистое зерно заструилось из рукава в мешки.

Между комбайном и колхозом все время сновали автомашины. Через сутки в «Красном береге» выстроился обоз с первым сортовым зерном.

Баянист Сашка, взгромоздившись на мешки под большим плакатом, наигрывал фронтовые песенки. Первый хлеб везла комсомольская бригада: хлопцы в белых вышитых рубахах, девчата в цветастых платьях.

Трофим Иванович подошел к первой подводе, сказал:

— Ну что ж, счастливой дороги. Трогай, Сашка! Да помните: по районному центру чтоб с музыкой и песнями!

...Трактористы и комбайнеры работали без отдыха и днем и ночью. Тут же в поле взвешивался обмолот, составлялись акты. Ночами горели костры, и возле них в багряных отблесках двигались люди, подводы, машины...

«Главное, чтоб выдержали девчата», — думал Антон.

Дни перепутались с ночами, люди плохо помнили, когда и сколько спали. То видели они перед собой пшеничные, то ржаные поля. Сколько хлеба намолотили они за эти дни!..

И вот настал день, когда Рыбченко вытер ладонью с лица пот и оглянулся. Вокруг простиралось голое поле. Щетинилась стерня. Там и сям возвышались большие скирды соломы.

Подошел Трофим Иванович.

— Гони, Рыбченко, машины в колхоз! — закричал он. — Чиститься, бриться, мыться!.. Сегодня, брат, дожинки!

Никто еще в «Красном береге» не знал, что в этом году будут справляться дожинки, хотя в клубе давно уже были поставлены столы. Трофим Иванович решил отпраздновать этот день, потому что колхоз сдержал свое слово, потому что люди хорошо поработали и у каждого было весело на душе.

Вечером Рыбченко и Ольга шли в колхозный клуб. Тихим и теплым был этот вечер. С огородов доносился запах укропа, сады пахли яблоками, в траве стрекотали кузнечики.

— А где же Ганка? — спросил Рыбченко.

— Эх ты, бригадир! — усмехнулась Ольга. — Кроме своих тракторов ты, видно, ничего не замечаешь. Приехал Юрка, а Юрка — это не то, что ты! — и она задорно посмотрела на Антона.

Одетая в нарядную кофту, украшенную вышивкой, Ольга была похожа на артистку из народного хора. Тугие темные косы спадали на ее плечи, в глазах, как всегда, поблескивали шаловливые огоньки.

Рыбченко вздохнул. Ему хотелось идти вот так вдвоем с Ольгой, идти и слушать стрекот кузнечиков, шелест ветра в листве... Наверно, такое же чувство испытывала и Ольга: девушка притихла, задумчиво глядя вдаль.

А там, впереди, в ярко освещенном клубе, уже играл, заливался сашкин баян.

Перевод с белорусского
Мих. ЗЛАТОГОРОВА

ВЕЛИКИЙ БОЛГАРСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Академик Н. С. ДЕРЖАВИН

9 июля 1950 года народно-демократическая Болгария торжественно отмечает сотую годовщину со дня рождения своего великого национального писателя Ивана Вазова.

Иван Вазов родился 27 июня (старого стиля) 1850 года в небольшом прибалканском городке Сопоте. Отрочество и юность его протекли в атмосфере назревавшей национально-освободительной революции. Борьба болгарского народа против турецкого военно-феодального абсолютизма, в особенности же славное апрельское восстание 1876 года оказали решающее влияние на творческую биографию поэта. Его талант развивался под воздействием свободолюбивой лирики Пушкина, Лермонтова и Некрасова.

Вместе со своим народом Вазов пережил героические годы восстаний против турецкого ига и русско-турецкую войну, принесшую Болгарии государственную независимость. Вместе со своим народом он пережил период роста хищнического капитализма в Болгарии и две национальные катастрофы захватнических войн 1913 и 1918 годов. Главные события жизни болгарского народа, совершившиеся за пятьдесят лет литературной деятельности Вазова, нашли отражение в его многообразном творчестве поэта, прозаика и драматурга.

Старый социальный быт и жизнь порабощенного, но свободолюбивого болгарского народа в период турецкого владычества Вазов художественно воспроизвел в своих поэмах («Грамада», «Загорка»), повестях и в романе «Под игом». Пребывание писателя в Румынии сблизило его с революционно-демократическими кругами эмиграции. По возвращении на родину в 1874 году он вошел в состав тайного революционного комитета в городе Сопот.

Апрельское восстание 1876 года определило содержание первых двух поэтических сборников Вазова «Знамя и гусли» (1876 год) и «Страдания Болгарии» (1877 год). Поэт выступил в них певцом национально-освободительной борьбы своего народа. В сборнике «Избавление» (1878 год) он воспел победы русского оружия, принесшего его родине освобождение от турецкого владычества.

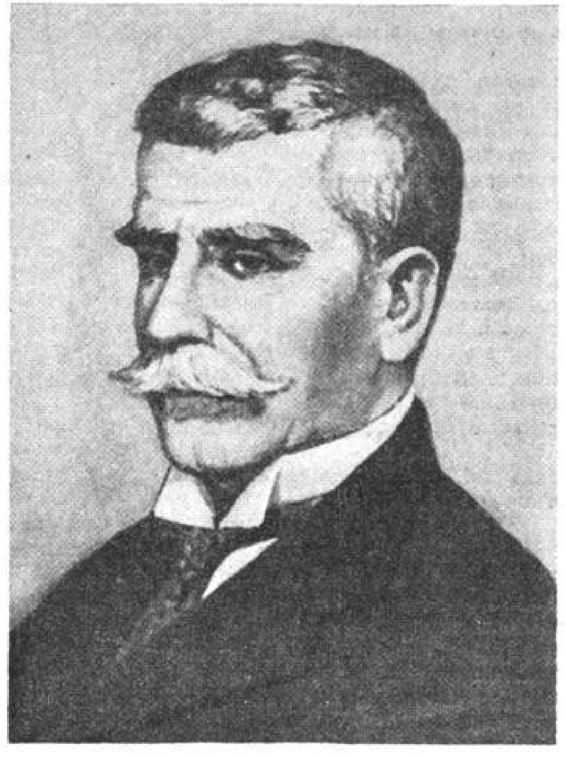
Горячие чувства любви болгарского народа к своему старшему брату и освободителю — русскому народу — Вазов выразил в замечательном стихотворении «Россия». Оно полно благоговения перед братской страной, вызволившей болгар из турецкой неволи. Национально-освободительная лирика Вазова проникнута пламенным патриотическим чувством и ненавистью к врагам болгарского народа, будь то султанская Турция или поддерживавшие ее английские дипломаты, морально ответственные за тысячи жертв турецкой резни, за сожженные дотла болгарские села, за сотни виселиц на площадях городов.

С негодованием и презрением обвинял Вазов западную буржуазию в потворстве турецким злодеяниям, в равнодушии к страданиям болгарского народа, и с благодарностью обращал поэт свои взоры к России и к русскому народу как к защитнику и освободителю его родины. Неизменным чувством любви и уважения к России, к русскому народу и великой русской литературе проникнуто и дальнейшее творчество писателя.

Политические нравы болгарской буржуазии 80-х годов описаны Вазовым в ряде повестей и рассказов. Срывая маски с буржуазных политиканов и парламентских дельцов, писатель показал отвратительный облик этих господ, их цинизм, их погоню за карьерой, куплю-продажу избирательных голосов и беззастенчивые приемы обработки доверчивых избирателей. После освобождения Болгарии от турецкого ига эти рассказы были первыми в болгарской литературе художественными памфлетами на буржуазную фальсификацию демократических свобод.

Ценнейшими документами творчества Вазова в 80-е годы являются цикл поэм «Эпопея забытых» и повесть «Отверженные».

«Эпопея забытых» воскрешает героические и величавые образы самоотверженных борцов за свободу болгарского народа, начиная с Паисия Хилендарского, автора «Истории славяно-болгарской» (XVIII век), и кончая вождями апрельского восстания. Весь цикл завершается поэмой «Ополченцы на Шипке», воспевающей совместные подвиги русских солдат и болгарских дружинников в дни славных боев за Шипкинский перевал.

Иван Вазов.

Повесть «Отверженные», подобно «Эпопее забытых», показывает образы отверженных буржуазией плебейских героев национально-освободительной борьбы, вынужденных жить в эмиграции, претерпевая тяжелые материальные лишения. Бывшие бойцы повстанческих отрядов предстают в зарисовках Вазова во всем моральном величии их самоотверженного служения родине и во всей горькой неприглядности их жизненной судьбы. Написанный в этой повести портрет одного из крупнейших деятелей болгарского национально-освободительного движения, бесстрашного революционного организатора и руководителя народных масс — Василя Левского — принадлежит к лучшим и наиболее волнующим образам болгарской литературы.

В 1886 году вспыхнула сербско-болгарская война. События этой войны, вызванной соперничеством западноевропейских держав в вопросе о гегемонии на Балканах, отражены в сборнике стихотворений «Сливница» (1886 год). Здесь поэт прославляет патриотический подвиг простого болгарского солдата. Чуждый шовинизму, далекий от желания как-либо оскорбить национальные чувства сербского народа, брошенного в войну в интересах великодержавных правящих кругов, Вазов гневно обличал сербских буржуазных националистов, спровоцировавших захватническое нападение на болгарский народ.

В другом цикле своих стихотворений, в «Македонских сонетах», поэт выступил в защиту угнетенной славянской народности, оставшейся под чужеземным игом из-за корыстной политики западноевропейских империалистов.

В том же 1886 году, под угрозой жестоких репрессий со стороны стоявших у власти буржуазных германофилов, Вазов вынужден был покинуть Болгарию и искать убежища в России. Во время пребывания в Одессе (1886—1889 годы) писатель создал свой лучший, классический роман — «Под игом».

В этой книге Вазов еще раз обратился к теме апрельского восстания. Роман проникнут глубокой народностью; в нем художественно воспроизведены картины болгарского народного быта, сцены борьбы болгарского народа за свое освобождение. Рисуя разнообразные общественные слои старой Болгарии, Вазов характеризует их отношение к восстанию и разоблачает предательскую роль реакционной буржуазии. Любовью овеяны образы деятелей революции и рядовых участников повстанческой войны. Коллективный герой романа — болгарское крестьянство.

Масштабы повествования, эпический размах описаний, широкий исторический фон романа не имели до того равных в болгарской литературе. Этим романом Вазов в полной мере оправдал присвоенное ему народной молвой звание народного писателя и дал своей родине один из крупнейших памятников ее национальной литературы.

В 1889 году Вазов возвратился на родину, заняв резко отрицательную позицию по отношению к болгарской плутократии и к посаженному на болгарский престол немецкому ставленнику Фердинанду. В ряде рассказов и повестей («Эпоха — кормилица великих людей», «Темный герой», «Травиата» и др.) писатель заклеймил полицейский режим, жестокий террор реакционного правительства, мнимый «патриотизм» беззастенчивых политических проходимцев.

Сохранив ранние буржуазно-демократические идеалы 70-х годов, Вазов остался внутренне чужд эпохе преуспевания и «расцвета» болгарского капитализма. Однако эти же буржуазно-демократические идеалы и порожденные ими иллюзии о возможности осуществления «чистой» демократии в условиях буржуазного строя помешали Вазову с должной исторической объективностью оценить новый этап освободительной борьбы болгарского народа против его капиталистических угнетателей. В творчестве Вазова начала 900-х годов нельзя не отметить поэтому ряд серьезных ошибок в понимании политической и социальной действительности; писатель искал отвлеченно-морального разрешения острых социальных конфликтов современности, стремился найти выход из противоречий действительности путем их примирения.

События Балканской войны 1912 года вернули Вазова к национально-освободительным и патриотическим мотивам его поэзии. Перед ним снова встал образ угнетенной Македонии и идеал ее освобождения, воспетый им в сборнике «Под гром побед» (1912—1914 годы).

Голос Вазова как истинного народного поэта в последний раз зазвучал со всей своей силой в дни постигшей Болгарию национальной катастрофы 1918 года и подписания тяжкого для болгарского народа мира в Нейи. Престарелый поэт правильно и проницательно оценил этот мир как источник тягчайших народных испытаний, будущих войн и усиления международной реакции. Его не покидала, однако, вера в созидательные силы болгарского народа. С этой верой он окончил свой творческий путь сборником «Не погибнет» и последними лирическими стихотворениями цикла «Заблагоухала моя сирень».

22 сентября 1921 года великий болгарский писатель скончался.

Народно-демократическая Болгария чтит в Вазове одного из крупнейших создателей ее национальных культурных ценностей.

Освобожденный от тяжкого ига благодаря победе великого русского народа над германским фашизмом, болгарский народ чтит своего писателя за его заслуги перед родиной, за его горячую, непоколебимую любовь к русскому народу и русской культуре, за его непрестанное стремление к братской и нерушимой связи между двумя народами.

Русский народ чтит Вазова как одного из достойнейших представителей болгарской национальной демократической культуры, как великого художника-реалиста, честно служившего своему народу и великой идее русско-болгарского сближения.

Литературное наследие Вазова навсегда останется драгоценным залогом этого сближения на общих для обоих народов путях их свободной, созидательной жизни.

ПАРУСИНОВЫЙ КОМБИНЕЗОН

(Из романа «Родной дом»)

Анна КАРАВАЕВА

Рисунки О. Верейского

— Соня! — закричал Игорь Чувилев, вбегая в комнату.— Уже появились первые ласточки! Вот почта за два дня — первые ответы на наше письмо.

— Давай, давай! — оживилась Соня и стала вслух читать письмо.

Действительно, это были вполне деловые ответы на коллективное письмо большой группы кленовских комсомольцев-активистов, обращенное к советской молодежи и опубликованное в центральных газетах. В этом письме кленовские комсомольцы рассказывали о своей работе и призывали молодежь помочь им в восстановлении города. Самое первое письмо пришло из города Куйбышева, от Фимы Чебаковой. Оно было написано с энергическим лаконизмом:

«Я, Фима Чебакова, девятнадцати лет, окончила библиотечный техникум, работаю по специальности. Я приехала бы к вам в Кленовск, товарищи, немедленно после прочтения вашего письма в газете, но я не могла уехать, не найдя себе заместительницы. Как только я сдам ей дела, тотчас же выеду в Кленовск — и немедленно за работу!

Сердечный комсомольский привет всем вам шлет

Серафима Чебакова.

Май, 1944 года. г. Куйбышев».

— Эта, пожалуй, раньше других приедет: решительная! — заметила Соня.— Знаешь, Игорь, Павла Константиновна будет очень рада Серафиме Чебаковой!

— Почему?

— Да как же! Здание Центральной библиотеки восстановлено, работу нужно там начинать, создавать книжные фонды... Словом, нужен специалист библиотечного дела. Надо сказать Павле Константиновне об этой Фимочке. Ну, давай дальше читать.

Восемь писем: из Москвы, Чапаевска, Ульяновска, Вологды, Нижнего Тагила, Новосибирска, Алма-Аты и Ташкента — написали учащиеся старших классов средней школы, которые предлагали «посвятить свое каникулярное время большому общественному делу», как и было написано в одном письме. Два письма пришли из Бурят-Монголии, остальные прилетели в Кленовск из разных мест: Великого Устюга, Тюмени, Челябинска, Молотова, Горького, Казани.

— Серьезное дело, Игорь,— сказала Соня.— Во-первых, надо всем ответить... и не какой-нибудь бумажонкой, а каждому отдельно, по-дружески...

— Само собой,— отозвался Чувилев.

— И вообще нам надо приготовиться к встречам, Игорь.

— А их будет, чувствую, мно-ого! — засмеялся Чувилев.— Тепло, весна... Вот тут они и посыплются, ответы на призыв!

Соня согласно кивала его словам:

— Послушай, Игорь: действительно, может разгореться большое дело!

И оба принялись обсуждать этот весьма срочный вопрос, потому что отзывчивые ребята с характером, подобные, например, Фиме Чебаковой из Куйбышева, могут вот-вот приехать в Кленовск. Многие могут прибыть и без всяких извещений: мы вам нужны — вот мы и здесь!.. Значит, надо установить на вокзале молодежные посты для встречи отрядов восстановителей. К участию в этих постах следует привлечь также школьников.

— Только кликнуть клич, Сонечка! А уж ребята увлекутся этим дежурством на вокзале, встречами, новыми знакомствами...

Жить приезжим восстановителям придется в палатках, которые удобнее всего раскинуть в Кленовом доле. Хотя весной страшно и больно смотреть на черные остовы мертвых кленов, но широкая долина и кусты по холмам все-таки зазеленеют — ведь весна же, весна!..

Через несколько дней Фима Чебакова послала в адрес комитета комсомола странную телеграмму: «Буду Кленовске двадцать четвертого мая вагон номер семь прошу встретить путевкой».

В комнатке бюро сидели две девушки: Маня Журавина и Тамара Банникова.

— Какой путевкой? Может быть, она думает, что будет жить... в доме отдыха? — насмешливо предположила Маня.— Уж не едет ли к нам мамина дочка?

— Нам с тобой как раз поручено встречать эту мамину дочку,— недовольно вздохнула Тамара: Фима Чебакова из Куйбышева заранее ей не понравилась.

Когда поезд подошел к перрону, Маня и Тамара заторопились к вагону номер семь, как было сказано в телеграмме. Но не успели они приблизиться к вагону, как из него выскочил подросток в новом из толстой парусины комбинезоне, который смешно, будто жестяный, топорщился на маленьком теле. Из-под широкополой парусиновой же шляпы на розовый лоб и круглые щеки подростка выбивались светлые вьюнки волос. Быстро оглядевшись по сторонам и пожав плечами, подросток решительно направился вперед, держа в одной руке скромных размеров чемоданчик, а в другой постельные принадлежности в полотняном чехле с красиво вышитым вензелем.

— Кто здесь встречает Серафиму Чебакову? — звонким и сердитым голосом спросил подросток.

— Мы встречаем,— в один голос ответили Маня и Тамара, изумленно глядя на новую знакомую.

Пожимая теплую ручку Серафимы Чебаковой, Маня еще не знала, как отнестись к этому забавному существу.

— Так вот вы какая, товарищ Чебакова!

— Самая обыкновенная,— заметно обиделась Серафима.— Я же не в гости на дачу приехала! Вы принесли с собой путевку?

«Она опять свое!» — сердито подумала Маня.

— Не принесли?! — возмутилась Серафима.— Но ведь я же просила, чтобы мне сразу дали путевку на работу!

— Ах... вот что! — расхохоталась Маня, и Серафима сразу ей понравилась.— Вот, значит, почему ты так одета,— уже ласково переходя на «ты», продолжала Маня.

— Конечно! Немедленно в работу! Для этого же я и приехала сюда! — воскликнула Серафима, сверкнув яркоголубыми глазами.— На какую стройку вы меня пошлете?

— Но ведь надо отдохнуть после дороги...— несмело предложила Тамара.

— Да я ни капельки не устала! Да что я, больная? — опять возмутилась Серафима.— Мне бы только вот это имущество где-то оставить, и я бы сразу...

— Ты будешь жить в квартире секретаря нашего заводского комсомола Сони Челищевой,— разъяснила Маня, и это известие несколько успокоило Серафиму.

— Очень хорошо! — одобрила она.— Уж она меня направит сразу на самую трудную стройку... на восстановление Дома специалистов... В вашем письме написано, что это самый большой дом в городе.

— Но ведь Дом специалистов...— начала было Тамара.

— Что? Вы думаете, я не смогу? — прервала Серафима, бросая на

своих спутниц встревоженные взгляды.— Вы думаете, если я маленького роста...

— Нет, я не о том,— сказала Тамара.— Но ведь Дом специалистов мы уже восстановили.

— Что-о? — вскрикнула Серафима и даже остановилась; голубые глаза ее метали искры.— Дом специалистов восстановлен? Зачем же вы писали...

— Да ты пойми, горячая голова,— начала убеждать ее Маня,— письмо-то мы в марте писали, когда нам еще очень трудно было.

— Хорошо! — согласилась Серафима.— Тогда я иду на леса Дома стахановцев... тоже важная стройка.

— Но...— хохотнула Тамара,— и в Доме стахановцев уже живут.

— Это — просто безобразие! — воскликнула Серафима.— И Дома стахановцев, значит, мне уже не достанется! Зачем же вы людей обманывали?

— Да пойми же ты, чудачка! — со смехом уговаривала Маня.— Ведь все это в марте было... Тогда мы сами не думали, что к сроку управимся. Не бойся, на твою долю в других местах еще хватит и хватит работы. Вот наш театр сейчас восстанавливают...

— Театр? — просияла Серафима.— Идемте сейчас же туда! Ну, скорей!

— Батюшки! Да о тебя обжечься можно, энергия ты неукротимая!— пошутила Маня, приложив ладонь к разгоревшейся щечке Серафимы, но потом решительно сказала: — Ну, хватит, Фимочка, бушевать! У нас в Кленовске людей жалеют: сначала накормят, дадут выспаться, а потом уж о деле разговаривают.

Пока три девушки шли до челищевского дома, Фима не теряла ни минуты даром. Она то засыпала вопросами своих спутниц, то порывалась взбежать — «Ну, совсем на минуточку!» — на мостки строительных лесов решительно каждого дома, то, взволнованно вскрикивая, останавливалась около руин, каких еще много было в Кленовске. Она успела расспросить Маню и Тамару не только о их жизни и планах на будущее, но и о многих кленовских комсомольцах. Она со всеми хотела познакомиться и в каждом готова была видеть «нечто замечательное».

Если бы весну нарядить в рабочий костюм, она выглядела бы, наверно, как эта Фимочка,— розовая, кудрявая, трогательная, забавная и неутомимая. Именно так подумала о ней Соня, быстро разговорившись и перейдя на дружеское «ты».

Фимочку поместили в мезонине. Соня, поднявшись в мезонин, чтобы позвать новую знакомую ужинать, удивилась, найдя ее все в том же комбинезоне.

— Да сними ты этот панцырь! — смеясь, предложила Соня. — Уж не собираешься ли ты спать в нем?

— Он мне ужасно нравится, Соня! — призналась Фимочка.— Когда мама мне его сшила, все знакомые и подружки ходили смотреть на него, как на доспехи какие-нибудь... честное слово!.. Мама и папа так гордились, что вот в этом комбинезоне я буду восстанавливать Кленовск. Одно только жалко: не успели мы достать никаких инструментов!

— Значит, это для инструментов твоя мама нашила на него столько карманов? — засмеялась Соня.

— Да... и как жаль, подумай: карманы есть, а инструментов нет!

— Я думаю, что для работы тебе достаточно будет одной хорошей авторучки,— осторожно начала Соня.

— Какая еще авторучка? — передернулась Фимочка, и ее розовое личико приняло презрительное выражение.

— А с книгами иметь дело не хочешь? — спокойно спросила Соня. — Ведь ты же библиотекарь.

— Ну, и что из этого следует? — вспылила Фимочка; глаза ее сердито засверкали. — Я приехала сюда строить дома, а не возиться с книгами!

— Вот как! — удивилась Соня. — По-твоему, выходит, работать в библиотеке — значит «возиться с книгами»?..

— Нет... я совсем так не думаю,— смутилась Фимочка.

— Тогда разъясни, почему здесь, в Кленовске, ты так презрительно говоришь о своей специальности?

Девушка смущенно заморгала пушистыми ресницами и повторила:

— Нет, конечно, я совсем так не думаю, но... в сравнении с восстановлением города моя работа библиотекаря кажется обыкновенной, серенькой.

— Прекрасная работа среди книг! — воодушевилась Соня. — И знаешь, Фимочка, ты нас заинтересовала прежде всего как библиотекарь.

— Неужели? — упавшим голосом спросила девушка. — А я мечтала строить... Мне так хотелось стать каменщиком или бетонщицей! А тут, подумайте, что получается...

— Ну, ну,— мягко сказала Соня,— мы с тобой еще завтра поговорим. Снимай-ка свой комбинезон, а то нас уже заждались с ужином. Дай-ка я тебе помогу снять... Ух, тяжесть какая!

В пестреньком платьице маленькая Фимочка казалась хрупкой, как ребенок; только голубые глазки ее смотрели грустно и растерянно.

— Ну, ну... завтра все определится,— ласково пообещала Соня.

Утром Фимочка, смотря на Соню жалобным взглядом, спросила:

— Так что же, я буду строить?

— Будешь, будешь строить,— пообещала Соня. — У меня сегодня на заводе вечерняя смена, и после завтрака мы с тобой направимся на место твоей работы.

Когда девушки подошли к новому зданию Центральной библиотеки, Фимочка горько вздохнула.

— Значит, ты все-таки хочешь, чтобы здесь я делала то же самое, что и в Куйбышеве. Стоило после этого сюда приезжать!

— Еще как стоило! — убежденно отозвалась Соня. — Вот мы сейчас с тобой сходим в читальный зал. Видишь, он даже двусветный.

— Да, очень хорош! — оглядываясь вокруг, подтвердила Фимочка. — Но ведь он еще не оборудован!

— Вот в том-то и дело, Фимочка, мой друг.

Книгохранилище, очень просторное и светлое, Фимочке показалось самым жалким местом на земле.

— Батюшки! Да здесь и книг-то нет! — пораженно воскликнула она, озирая несколько полок, на которых стопочками лежали старые, обтрепанные книги.

— А откуда же быть им в разоренном фашистами городе? — отозвалась заведующая библиотекой, сухонькая старушка с двумя парами очков на костистом носу.

— Вот, товарищ Чебакова, познакомься,— сказала Соня. — Старейший библиотекарь нашего города Вера Даниловна Красева. Была на пенсии и вот опять вернулась в библиотеку.

— Вернешься! — тем же ворчливо-строгим тоном ответила Вера Даниловна. — Библиотекарей-то в городе не осталось. Несколько человек в партизанских отрядах погибли, кое-кто помер, а некоторые еще из эвакуации не вернулись, да и вернутся ли... Вот я, как последняя могиканша, заправляю тут. А чем заправлять,— сами видите, девушка!

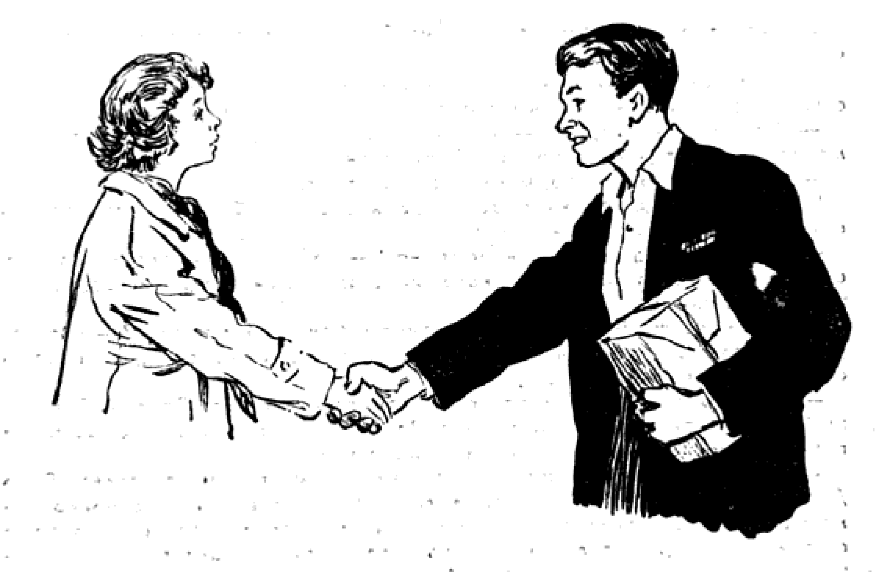
— Да, у вас и книжных отделов не видно: где выданное для взрослых, где выданное для детей, где отдел помощи самообразованию, отдел политучебы, библиографии... Ну как есть ничего нет! — сочувственно поддержала Фимочка.

— Будь у нас книги — были бы и отделы. А книги сами на полку не приходят,— опять заворчала Вера Даниловна. — Все, у кого книги дома остались, жертвовали сюда... Вот и Соня Челищева немало с отцовских полок сюда перетаскала... Да ведь все это капля в море! За книгами надо ездить в Москву, в другие города, где разору не было. Нужны целые транспорты книг, а для этих транспортов нужны молодые верховоды, вот такого цветущего здоровья, как вы!

Вера Даниловна сухонькой ручкой встряхнула Фимочку за плечо и потащила ее к полкам.

— Деточка, посмотрите, разве это жизнь?.. Два тома Пушкина, разрозненные Гоголь. Некрасов, Горький... Лев Толстой, правда, весь, но книги два года лежали в сарае, вымокли, бумага пожелтела, как от лихорадки, многие страницы слиплись... Ужасно!.. И так во всем, чего

ни коснись,— всюду тонко, всюду рвется. Мы с моими помощниками клеим, чиним, целую переплетную завели... а все только дыры зашиваем... Люди же, как голодные, приходят к нам, требуют книги... а у нас не хватает народу, чтобы круто повернуть работу вперед. Ох, что я тут переживаю с моими зелеными помощниками... не высказать! Все знают, все видят мои мучения... а я жду, как солнышка, чтобы сюда пришел молодой, энергичный специалист.

— Все совершенно точно описано,— произнес басовитый голос. На пороге комнаты стоял молодой человек, лет под тридцать, с пестрой орденской колодочкой на груди.

— Разрешите представиться: Владимир Косяков, бывший танкист, а ныне опять сталевар Кленовского завода.

Косяков начал рассказывать, как его коснулся книжный голод. Недавно после тяжелого ранения, вчистую демобилизованный из армии сталевар Косяков решил «нагнать пропущенное»: прочесть «ведущие труды» советских ученых-металлургов по сталеварению,— а в кленовской библиотеке «насчет всего этого хоть шаром покати».

— Такому делу можно помочь,— солидно сказала Фимочка.— Мы в Куйбышеве организовали отдел помощи техническому самообразованию и подготовке в вузы... Допустим, вы делаете заявку на такие-то книги. Если у нас их нет, мы запрашиваем Москву и другие города...

— Вот какие хлопоты бывают! — воскликнул пораженный сталевар.— И что же, удается разыскать книгу?

— Обязательно! Иначе и быть не может! — торжественно подтвердила Фимочка.— И, знаете, как приятно бывает, когда звонишь по телефону или извещаешь открыткой читателя: «Ваша книга, товарищ, прибыла»!

— Прибыла! — вдруг ликующим голосом воскликнула Вера Даниловна и, обняв девушку, прижалась к ее пестренькому платьицу своим большим носом, двумя парами очков и, кажется, всей душой своей.— Прибыла наша молодая сила! Никуда я вас отсюда не пущу, не пущу!

— Видишь, как тебя здесь ждали,— серьезно сказала Соня, а сталевар поддержал:

— И мы, читатели, вас будем просить остаться здесь и... показать класс работы.

— Она покажет, покажет! — радостно простонала Вера Даниловна.— Посмотрите, какие глаза у нее... Ни одна хорошая книга от этих глаз не спрячется!

Соня, отводя Фимочку к окну, сказала с ласковой укоризной:

— Ты что же думала? Мы восстанавливаем дома и школы, а сами будем сидеть без книг?.. И скажи: чем тебе здесь не стройка... а?

Соня обвела рукой пустой двусветный зал, который вдруг показался Фимочке голым, заброшенным существом, нуждающимся в ее заботе. Некоторое время она слушала Соню, а потом крепко сжала ее руку и с жаром воскликнула:

— Сонечка! Ты только вообрази: в этом зале можно поставить сорок столиков... со-рок! На каждом отдельная лампочка с зеленым абажуром, между столиками ковровые дорожки, чтобы в зале была аб-со-лют-ная тишина! А вот здесь, смотри...

Фимочка уже словно летала по залу. Вьюнки светлых волос, что, как золотое легкое пламя, развевались над ее детски ясным лбом, сине-красно-зеленые волны легкого платьица, разрумянившиеся щеки — все в ней выражало сейчас ту неутомимо страстную энергию, когда, по выражению Мани Журавиной, около Фимочки «можно было обжечься».

— Смотри, Сонечка, вот в этом простенке я поставлю стеллаж с новинками общественно-политической литературы «в помощь изучающим марксизм-ленинизм»...

Она быстро написала эти слова по воздуху.

— А здесь стеллажи новинок художественной, технической, детской литературы. А вон за той дверью, в небольшой комнате, мы сделаем газетно-журнальную читальню.

— Не забудь и первый этаж. Там такое же расположение комнат,— подсказала Соня.

— А внизу будет отдел для работы с детьми. Знаешь, какая это публика? Им чтобы просторно было, чтобы и смеяться и поработать большой компанией... Тут тебе начнется такая самодеятельная работа, что поспевай только: кто стенгазету, кто альбом вырезок делает, кто пионерский кроссворд придумывает, кто игру «Мои любимые писатели» организует... О, эта такая, знаешь, публика!..

— А ты разве изучила эту публику?

— Так ведь я же начала свою работу среди детей,— важно ответила Фимочка и вдруг, схватившись за голову, вспомнила: — Но ведь здесь ничего этого нету, ведь это же все создать надо! Батюшки, сколько работы, сколько работы!.. Так надо же сию минуту начинать, Соня!

— Есть сию минуту! — по-военному ответила Соня.— Я тебя познакомлю с нашей Павлой Константиновной, секретарем горкома по пропаганде.

— Идем! Немедленно!

У Павлы Константиновны девушки пробыли больше часа. Когда обе вышли на улицу, Фимочка даже подскакивала от восторга:

— Как она замечательно говорит, Павла Константиновна!

— По-моему, больше всего ты говорила, Фимочка!

— Ну и что же? О важных делах надо говорить, не скупясь на слова.

— Я не спорю. Все было прекрасно, все твои предложения приняты, а главное — ты скоро поедешь в Москву за книгами.

Фимочка вдруг хитро покосилась на Соню, спросила:

— А что тебе шепнула Павла Константиновна, когда мы собирались уходить?

— Она сказала: «Эта маленькая, как весенний ветерок».

— Вот я вам покажу «маленькую»! — с шутливой угрозой произнесла Фимочка.

Через день она ехала в Москву. Парусиновый комбинезон ее остался висеть на гвоздике в мезонине челищевского дома.

Через десять дней Фимочка вернулась из Москвы. В тот же вечер, едва войдя в читальный зал, библиотекарь Чебакова сразу увидела, что ее ждали: сталевар Владимир Косяков, стоявший у стола, рванулся ей навстречу. Но и она к встрече подготовилась: открыв свой чемоданчик, она подала сталевару аккуратно перевязанную стопку книг и с важным видом сказала:

— Ваши книги прибыли, товарищ Косяков!

— Да что вы?! Вот спасибо так спасибо! — воскликнул он, крепко пожимая руки Фимочки. Нетерпеливо развязав стопку, он еще больше обрадовался: — Да ведь это же именно то, что я мечтал прочесть!

— Но ведь я же вам так и обещала,— солидно подтвердила Фимочка.

— В жизнь не забуду, как вы помогли мне теоретически оснастить наши будущие плавки! — и Косяков, схватив руки девушки, быстро расцеловал их.

— Ой, да что вы! — испугалась Фимочка.— За что же так благодарить? Самое же обыкновенное дело...

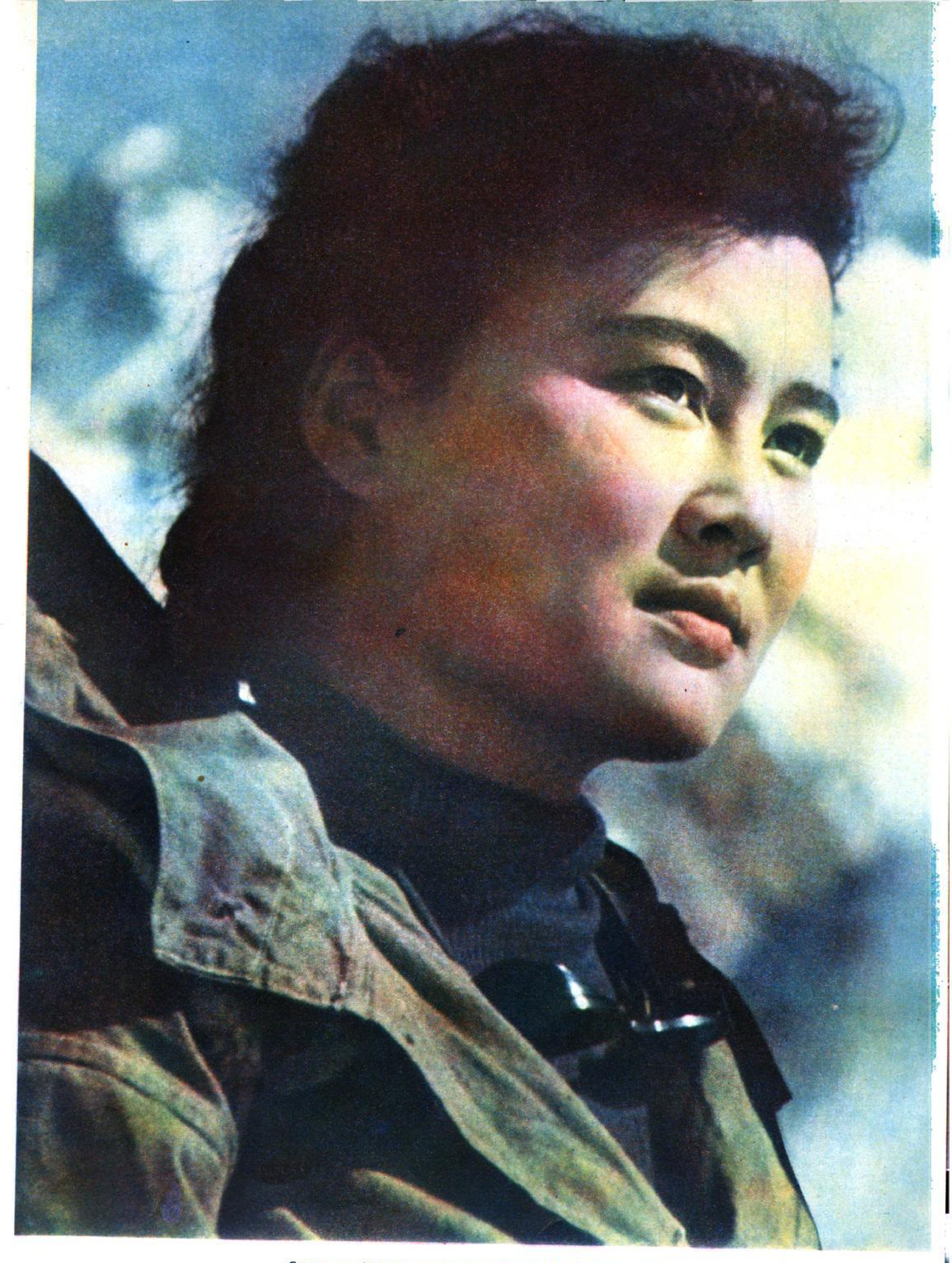
— Вы бы видели, какие тюки приволокла, прямо-таки на себе, наша библиотекарша! — сказала подошедшая Соня.— Вы спросите у нее, с ней в Москве эпопеи случались.

— Просим, Фимочка, просим! — приступил к ней Косяков.— Что же было в Москве?

— Ну, что... — и Фимочка вдруг забавно фыркнула в кулачок.— Я бы ни за что не приволокла столько книг, если бы разные товарищи не помогли мне эти книги таскать... Однажды купила я книг два добрых тюка, еле в трамвай с ними влезла, кто-то подсадил меня. Два моряка место уступили. «Куда это вы, девушка, столько книг везете?» Рассказала им, что и как. «Помним, помним,— говорят моряки,— письмо кленовских комсомольцев мы у себя на Балтике читали!» Они спрашивают, а я им о нашей библиотеке рассказываю, что прежде всего ее надо укомплектовать. «Где вы,— спрашивают,— остановились?» «У моей тети,— отвечаю,— на улице Матросская тишина». Моряки смеются, шутят: «Какое замечательное название! Мы, балтийцы, все среди грома да бури живем, так надо обязательно побывать нам на этой Матросской тишине!..» Ехать было далеко, а доехали незаметно. Они мне о Ленинграде так интересно рассказывали, что вот бы взяла да и стала восстанавливать его! Потом о книжных покупках начали меня расспрашивать. Словом, проводили меня даже на пятый этаж, где моя тетя живет, книги внесли, а потом кленовской нашей библиотеке пожелали всяких успехов. Такие хорошие ребята! И так вот, представьте, каждый раз кто-нибудь мне помогал: если до дома не провожают, так на пересадочный трамвай посадят или на конечной остановке из трамвая мои книжечки выгрузят.

— «Книжечки»! — поддразнила Соня.— Сама их чуть не тоннами таскала! Ты про генерала расскажи, Фимочка!

— Если бы не генерал, не знаю, что и было бы! — быстро заговорила Фимочка, и яркоголубые глаза ее мгновенно выразили испуг и растерянность.— Могло бы произойти что-то ужасное!.. Закончила я все покупки, собралась ехать обратно. Один тетин знакомый обещал с утра заехать за мной на машине и подвезти на вокзал. Стою я на улице, среди моих тюков, радуюсь, что все так прочно увязано. Вот тут русские и западные классики, а здесь советская литература, а там научно-популярная... Воображаю, как я все это в машине расположу. Жду, жду, а машины все нет. Батюшки, уже только час остается до отхода поезда! Что делать? Вдруг подбегает ко мне тетя, бледная, как бумага: оказывается, знакомый только что позвонил, очень извиняется, но машины не мог достать. Ужас, ужас!.. Тетя говорит: «Поедешь завтра». Я кричу: «Нет, ни за что! Я уже телеграмму в Кленовск отправила! Невозможно!» Но как уехать? Каким образом донести столько книг до трамвайной остановки, это же трагедия! И вдруг, вижу, из-за угла выезжает чудный бежевый «ЗИС», а там сидит генерал, всего-навсего один!.. Я ка-ак подскочу к машине да за дверцу — хвать! «Товарищ генерал, умоляю, остановитесь!» Генерал распахнул дверь и сначала строго спросил: «В чем дело?» Я давай рассказывать, а земля словно горит подо мной... «Ну, садитесь! — засмеялся генерал.— Доставим вашу библиотеку по назначению». Подвезли меня к вокзалу, и генерал приказал шоферу посадить меня в вагон. Уж в вагоне полным-полно, и уж, кажется, даже одной ногой втиснуться некуда: возвращаются люди на свои места, едут с ребятишками, чемоданами, узлами, сундуками... Все на меня зашипели, закричали: нашла, мол, дурочка, время с книгами возиться! «Да что вы,— говорю,— что вы?! Это же библиотека едет, поймите! Вам всем сейчас тесно и трудно в дороге, а как очутитесь дома, на другой день вашим же детям книга понадобится». Всем я мешала, все меня шпыняли — теснота же невыносимая! — а все-таки я свои тюки рассовала! У меня скоро и союзники появились — ребята! Распаковала я целую пачку книг для детей и устроила для них читальню. Ребята постарше про себя читают, а я с маленькими занялась. Матери довольны, что ребята не капризничают, и уже не дуются на меня. Так и доехала.

Студентка Алма-атинского педагогического института Зоя Бегожина.

Фото А. Зенякина

На концерте колхозной самодеятельности.

Фото С. Фридлянда

У НАНАЙСКИХ РЫБАКОВ

Юлия ШЕСТАКОВА

1

Катер шел вниз по Амуру.

Команда и все пассажиры, кроме меня, были нанайцы. Мне указали место в рубке, где стоял старшина катера, низкорослый молодой нанаец, без рубашки. Старшину звали Кирба. Его мускулистые руки уверенно держали штурвал.

— Вон там, на берегу, видите столбы? Там стояла юрта моего отца,— сказал Кирба спустя некоторое время после того, как мы вышли из Троицка. На правом берегу в лесных зарослях был виден столбик — свидетельство давно забытого кочевья.

Интересно, какое чувство пробуждали воспоминания детства в душе Кирбы? Ведь он прожил там восемь лет в тесной и дымной юрте, где люди скорее ползали, чем ходили, зимой спасаясь костром от холода, летом — от гнуса. Может быть, сохранилась у него какая-то привязанность к этим поросшим черемухой берегам, к тропинкам, по которым бродил он, с малых лет привыкая добывать себе пищу? Я спросила его об этом. Он задумался и смутился.

— Об этом совсем не интересно говорить. Какое я могу иметь воспоминание? Тогда голова совсем не работала. Мясо есть, рыба есть — чувствуешь ничего. Потом опять кушать нечего. Отец слепой был. Плохо, в общем. Вспоминать не люблю... А что,— спросил он вдруг, желая переменить разговор,— можно устроиться в музыкальную школу в Хабаровске?

Мы проплывали вдоль крутых склонов гор, одетых молодыми дубками, орешником; кое-где виднелись розовые кусты багульника. Неожиданно заглох мотор. От фарватера реки до берега было близко: всего метров двести. Катер остановился. Кирба сходил в машинное отделение и, вернувшись, объяснил, что случилась небольшая авария. Придется стоять.

— Если хотите, можно погулять по берегу? — предложил он и ловко сбросил на воду лодку-оморочку. Через несколько минут я очутилась на земле, а Кирба вернулся на катер. Вскоре почти все пассажиры переправились на берег: две пожилые нанайки с детьми, девочка лет четырнадцати, старик. Он прибыл последним, бросил в траву котел, большую алюминиевую кастрюлю, мешок с провизией, а сам, не задерживаясь, пошел к протоку.

— Будем уху варить,— пояснила одна из женщин.

Старик уже рыбачил. Я пошла по берегу протоки, чтобы посмотреть, как ловко он орудует острогой. Впервые мне приходилось наблюдать этот древний способ рыбной ловли, и поэтому искусство старого Бельды меня поразило. Стоя в лодке, он с размаху бросал острогу в цель и тут же, словно из котла вилкой, доставал добычу.

Когда сварилась уха и вся команда, закончив ремонт, появилась на берегу, люди, гремя посудой, расположились на траве и аппетитно хлебали уху, приправленную черемшой. Рядом со мной сидел пожилой моторист Алексей.

— Наверное, вас интересует, как нанайцы ловят рыбу? — спросил он, принимая из рук нанайки вторую чашку ухи.— Будете в газету писать? Нанайцы хорошо рыбачат. Видели, как старик острогой бьет? Наши рыбаки опытные: хорошо рыбу видят. Такой рыбак подойдет к озеру, посмотрит, какая вода, и скажет: «Вот здесь поймаем штук пятнадцать сазанов, двадцать пять щук — и все...» Конечно, теперь секреты от других не держат...

Когда я объяснила, что в мои обязанности не входит передача секретов рыбной ловли и что я не специалист по этой части, он закивал головой:

— Понимаю. Просто будете писать о выполнении плана. Это хорошо. Значит, соревнование рыбаков вас интересует? Хорошее дело!

— А вы о нашем Перго не слыхали? Есть такой бригадир Перго,— заговорил, вытирая пустую чашку, Кирба. Он поднялся.— Это хороший рыбак. Наверно, увидите.

— Да, я к нему и еду...

— Мы с ним раньше в одной комсомольской бригаде рыбу ловили,— вспомнил Алексей и захохотал.— Он был бригадир, а я тогда совсем чудной был. Пришел я, понимаешь, на собрание. «Слыхал, что говорили наши люди? Премия будет хорошим стахановцам?» — спрашиваю его. Он говорит: «Конечно, правда». Вытащил я из кармана пятьсот рублей и говорю: «Отдай мне сейчас на собрании, чтобы все видели». Очень хотел быть стахановцем.

Нанайцы громко смеялись, направляясь к лодкам. Вскоре наш катер снова двинулся в путь. Был вечер, когда мы проплывали Малмыж. Над Амуром горел закат, и в воде отражалось одно небольшое облако в виде крыла, слегка задетое небесным пожаром. Из протоки навстречу нам плыли с песнями рыбаки. Река темнела и постепенно освобождалась от красных бликов. В Болонь пришли мы ночью. У причала светились электрические огни. Повсюду слышался говор, шум лебедок, со стороны рыбозавода все время доносился размеренный стук моторов. Но вот пришел пароход, и торжествующий гудок его сразу покрыл собой все ночные звуки.

2

Утром я отправилась в нанайский колхоз. Прямо от рыбозавода туда ведет хорошая тропа, сначала по самому берегу, где можно увидеть немало рыбацких лодок и сетей, потом мимо узких заливчиков, окаймленных осокой и желтыми цветами калужницы, а дальше тропа постепенно поднимается в гору к большому и красивому зданию школы.

Дома, хозяйственные постройки тянутся вдоль берега, почти не прерываясь до самого колхоза «Нанайский партизан». Вот наконец и дорога. По правую ее сторону на увалах чернеют распаханные огороды. Превосходная, жирная земля, вырванная у тайги! За огородами темнеют липы рядом с белыми стволами берез, обвитых лозами амурского винограда.

Около сельсовета — группа нанайцев. Сегодня выходной день. Из заводского поселка пришли сюда ребята и девушки. Но колхозники в весеннее время мало отдыхают. По амурским плесам, по озерам разъехались бригады рыбаков, на огородах колхозницы высаживают рассаду — все заняты в эти дни. Даже старикам и подросткам нашлось дело.

Вчера председатель сельсовета обходил с санитарной комиссией все дворы и закоулки, велел привести в порядок улицы. И вот сегодня воскресник! Невысокий, худощавый нанаец Одзя, с которым мы ходили по селу, несколько раз останавливался, наблюдая, как орудуют повсюду люди метлами и лопатами.

Навстречу идет старушка. На ней темный халат с нанайской вышивкой. Она несет перед собой большую корзину, обхватив ее обеими руками. Серебряные браслеты блестят у нее на руках, повыше запястья. Во рту трубка.

— Мато дома? — спрашивает ее Одзя.

— Ушла Мато. В клубе.

Одзя интересовался девушкой потому, что имел в виду отправить ее со мной на Далгу, в бригаду знаменитого рыбака Перго. Мато — агитатор. Мы зашли в клуб после того, как побывали в детском саду, где симпатичная няня в белом халате занималась уборкой. Черноголовые, совершенно бронзовые от загара дети, все одетые в одинаковые из пестрого ситца костюмы, играли во дворе, окружив молодую воспитательницу.

— Ну, как вам понравилось? — спросил меня Одзя по поводу детского сада, когда мы вышли оттуда.

По тону его вопроса я поняла: он был уверен в том, что получит благоприятный ответ, а когда, действительно, услышал его, заговорил, оживляясь:

— Воспитательницу будем на курсы посылать. С ребятишками, которым пять, шесть, семь лет, надо хорошо заниматься. Правильно?

В клубе не было ни души. Мато пришла в то время, когда мы рассматривали занавес, оригинальный занавес, позавидовать которому мог бы любой колхозный клуб. С первого взгляда как будто бы нет ничего особенного

в этом широком бордюре, расцветившем занавес до половины. Потребовалось только три цвета — красный, черный и белый,— чтобы создать орнамент. Но стоит присмотреться внимательнее к этим зигзагам, кружкам, завитушкам, и вы увидите, что рука мастерицы не просто соблюдала здесь симметричные линии: она творила. Интересно, кто трудился над этой вышивкой? Одзя назвал мне несколько колхозниц.

— Твоя мамаша тоже вышивала, правда? — спросил он Мато.

Девушка утвердительно кивнула головой. Она была миловидной, эта девушка, невысокая ростом, с пышными, черными косами, с нежным румянцем на смуглых щеках. В глазах, полузакрытых веками, и во всем ее облике светилась доброта. Мато стояла, слегка запрокинув голову, и слушала. Она умела слушать, молча и внимательно наблюдая собеседника.

— Я очень люблю это озеро,— заговорила она, когда мы уже сидели с ней в широкой рыбацкой лодке под парусом друг против друга и ехали к Перго.

Озеро дыбилось волнами, ветер бил в парус и гнал нашу лодку вперед.

3

Озеро Болонь окаймлено с северо-запада цепью крутых гор, юго-восточная сторона его остается открытой и уходит далеко к горизонту, сливая с ним свою седую, туманную линию. Мы плывем на Далгу. Так называют нанайцы рыбалку на западном берегу озера.

Старый рыбак Юкыла сидит на корме, не выпуская из рук весла. Он молчит, о чем-то задумался и не обращает внимания на то, что вода уже давно щекочет его босые ноги. Мато вычерпывает воду из лодки консервной банкой. Лодку все время раскачивает из стороны в сторону, о борта ее плещутся волны, и кажется, что мы стоим на одном месте. Только оглянувшись назад, на темные мысы отдалившихся гор, ощущаешь движение нашей посудины по этой широкой, вздыбленной ветром воде.

Медленно приближаясь, встает справа из тумана острая вершина горы. Мато взглянула туда, прекратив на минуту свое занятие:

— Это Джуен. Видите скалу? Там две речки бегут с гор. В озеро впадают обе. У нас есть такая сказка. Знаете, как старики говорят? Жила одна девушка, сильная, высокая и красивая. И вот она побежала топиться в озеро, потому что несчастливая любовь была. Когда она бежала, у нее развязались торбаза. Две веревочки болтаются в разные стороны. Она хотела завязать их. Остановилась и окаменела. Сама стала вот этой скалой, а веревочки превратились в две речки. Так и остались тут...

Юкыла внимательно наблюдает за каждым всплеском рыб, а всплески эти то и дело слышатся по сторонам. Чего доброго, еще заскочат в лодку. Ведь здесь это нередко происходит.

Без всяких происшествий мы переправились через озеро. Правда, нам с Мато пришлось оставить Юкылу одного, не дойдя метров сто пятьдесят до берега. Озеро обмелело. Мато первая ступила в воду и пошла вперед, не переставая удивляться:

— Ой, как мелко стало! Смотрите, какой ураган прошел! Сколько песку оставил!.. Где же наши рыбаки?

Широкая песчаная коса тянулась от воды к лесу. Она была неровной. Буря намела здесь столько песку, что укрыла под ним прибрежный тальник и кусты черемухи. Говорят, что столбы воды, смешанной с песком, поднимались над озером и с грохотом падали вниз.

Перго со своей бригадой в то время рыбачил. Об этом рассказали нам теперь поварихи, как только Мато завела с ними беседу и спросила, почему палатки очутились так далеко. Мы заглянули во все палатки, в них не было никого. Одинокая собачонка скулила на привязи. Высохшее за день белье еще висело на кустах. Тут и там валялись рыбьи кости, обструганные палочки.

Здесь были две бригады. Одной руководил Перго, другой — старик Одзоло. Как видно, меж ними шло горячее соревнование, в котором Перго был победителем, и это доставляло немало огорчения второму бригадиру. Обе бригады жили рядом, но столовались отдельно. И сейчас, готовя ужин, поварихи разводили два костра. Мы натаскали им хвороста и сидели перед огнем в ожидании рыбаков. Мато пересказывала мне только что услышанные новости. Оказывается, во время урагана неожиданно разыгрались рыбацкие страсти.

Старик Одзоло был опытным рыбаком, но на этот раз просчитался. Он думал, что страшный ветер помешает рыбачить не только ему. Но когда он пришел со своими рыбаками к палаткам спасать имущество, то из бригады Перго еще никто не возвратился. Ветер гасил костры. Все вокруг потемнело, воздух стал мутножелтым, как бывает перед грозой. Одзоло видел, как подбрасывало на озере лодки Перго, и удивлялся: «Неужели не пойдет домой? Интересно, какое притонение он делает?» Рыбаки меж тем заканчивали восьмое притонение. И вот ударил первый шквал.

— Якорь бросай! — командовал Перго.

В лодках люди едва удержались, но тянули невода. Вечером пришли на берег, мокрые, усталые. Ужинали в палатке. Одзоло прошелся мимо них несколько раз, но спросить, как рыбачили, не решился. Впрочем, и спрашивать было необязательно: лодки, нагруженные рыбой, стояли, готовые к отправке на рыбозавод. Улов был богатый...

Мато все время подкладывала палки в костер, пока мы с ней сидели вдвоем. Но вот один за другим стали подходить к костру рыбаки. Они возвращались с озера. Шли, громко разговаривая, еще громче здоровались, потом проходили в палатки, переодевались, готовились ужинать.

Пришел Перго, невысокого роста, коренастый. Одет был Перго в клетчатую рубаху. Высокие резиновые сапоги и длинный нож в чехле за поясом придавали ему боевой вид. В руках у него было мохнатое полотенце и мыльница. Он поздоровался с нами, затем пошел умываться. Через несколько минут Перго уже сидел у костра, сменив ковбойку на сатиновую рубаху с узором, в котором нанайский орнамент переплетался с русской вышивкой; вместо сапог на ногах у него появились мягкие лосевые туфли.

— Как рыбачишь? — спросила его Мато.

— Неважно. В озере мало рыбы совсем. Надо искать другое место. Газеты привезла?

Мато ответила кивком и протянула ему пачку газет.

За ужином она рассказала, зачем приехала. Девушка привезла хорошие вести. Колхоз выполнил план добычи рыбы, и по этому случаю Нанайский райком партии прислал рыбакам благодарность. Сегодня она расскажет об этом здесь.

— Сколько твоя бригада может дать рыбы сверх плана? — не глядя на бригадира, спросила Мато.

Перго улыбнулся. Ответил с достоинством:

— Будем советоваться. Потом скажем.

4

Беседа началась сама собою, как только рыбаки кончили ужинать. Кто-то из женщин предложил Мато вместо стула длинную тиссовую коробку.

Девушка заговорила на родном языке. Рыбак Алеша, белобрысый русский паренек из бригады Одзоло, превосходно знающий нанайский язык, переводил мне ее слова:

— Товарищи! Наш колхоз обогнал все колхозы в районе. Мы раньше всех выполнили полугодовой план добычи рыбы. Хорошо поработали рыбаки! Заслужили благодарность райкома партии. Но дальше нужно еще лучше работать! Вот я привезла газету, в которой напечатано обращение ко всем рыбакам Амура. Обращение это подписали два нанайских колхоза. Они призывают всех рыбаков вступить в соревнование и дать сверх плана еще больше рыбы. Разрешите мне зачитать это обращение.

Мато читала газету, тут же переводя русский текст на нанайский язык. Сложные обороты речи, отдельные слова она объясняла так, чтобы всем было понятно. Окончив чтение, она отложила газету в сторону и начала говорить тем задушевным и мягким тоном, который, повидимому, всегда помогал ей расположить слушателей к беседе:

— Разве нанайцы плохо знают свои водоемы? Очень хорошо знают! Может быть, рыбу ловить не умеем? Умеем рыбу ловить! Но вот, Одзоло, мало стараешься со своей бригадой, можно больше стараться. Я вспоминаю, как тяжело переживал Перго, когда Мыму отобрал у него знамя...

Мато имела в виду недавние события, когда бригада Перго уступила в соревновании более сильной бригаде, а потом решила вернуть знамя. Мато часто переплывала на оморочке протоку Сий, привозила свежие новости рыбакам. Рыба шла тогда косяками. Бригада Перго делала по четырнадцати притонений в сутки, день и ночь не выходя из воды. Перго почти совсем не отдыхал. Курил на ходу, ел мимоходом, спал ночью по два часа.

Однажды, когда Мато сидела у них в палатке, Перго пришел усталый, сел около железной печки и задремал. Тронув его за плечо, девушка ласково спросила:

— Разве можно так? Совсем не отдыхаешь...

Перго очнулся. Не то виновато, не то сердито посмотрел на нее:

— Хочу отобрать знамя у Мыму. Как думаешь, могу спать долго?

Весь тот месяц Перго со своей бригадой работал почти без отдыха. В правление колхоза поступали сводки, и все видели — самые высокие уловы опять дает бригада Перго...

— Теперь я хочу сказать вам,— продолжала девушка,— Перго очень хорошо обогнал Мыму. Послезавтра сюда привезут знамя... Но ведь есть еще одна бригада у нас в Нанайском районе — бригада Киле. Давно Киле не уступает никому свое первое место в районе. Может быть, надо поспорить с ним?..

Мато закончила говорить. Тогда поднялся Перго. Речь его была отрывистой и краткой:

— Обращение колхозников-рыбаков очень правильное. Мы будем поддерживать. Годовой план досрочно выполним. Для этого надо все орудия лова хорошо подготовить. Некоторые думают так: Амур большой, под водой не видно, где рыба гуляет, бросай невод куда хочешь. Так нельзя. Надо знать, где поймать. Надо искать места и делать больше притонений. Мато! — обратился он к девушке. — Какие обязательства колхозы берут?

Услышав ответ, продолжал:

— Колхоз имени Героя Советского Союза тов. Пассара дает сверх плана тысячу пудов рыбы. Колхоз «Искра» дает полторы тысячи. Я посоветовался со своими товарищами, и мы решили дать сверх плана шестьсот пудов рыбы. Одной нашей бригадой шестьсот пудов!..

Пока выступал Перго, другой бригадир, Одзоло, сидел молча, как видно, обдумывал, что сказать. Старик никогда не выступал на собраниях. Откуда Перго брал слова? Одзоло вспомнил слова Мато: «Плохо стараешься, можно больше стараться». Поглядел на девушку пристально, пощипывая свою реденькую бородку, потом попросил слово:

— Моя бригада тоже наловит сверх плана шестьсот пудов рыбы! Одзоло будет стараться...

Рыбаки одобрительно зашумели, заговорили все сразу и как-то теснее стал круг у костра. Потом посыпались вопросы к Мато. Их было множество.

— Как посеяли хлеб у нас в крае?

— Кто получил ордена за хороший урожай?

— Что-нибудь знаешь про атомные бомбы? Если знаешь, говори.

Интересы нанайцев были разносторонними, и касались они то международной политики, то строительства в нашей стране, то будничных житейских тем вплоть до того, кто в селе посадил огороды, какая нынче рассада.

Поздно вечером люди разошлись по палаткам, оставив догорать одинокий костер.

Утром поднялся ветер. С шумом плескались о берег волны. Стоило бы немалых усилий плыть на лодке навстречу ветру. Поэтому, возвращаясь в село, мы избрали другой путь.

— Идемте по берегу. Километров двадцать пять будет. Дойдем потихоньку,— предложила Мато.

Когда мы обогнули песчаную косу и оглянулись назад, рыбаки уже выплывали на озеро. Они двигались навстречу волнам в поисках новой удачи.

— Смотрите, кажется, только бригада Перго идет... — сказала Мато, разглядывая лодки и считая их издали. — Нет, вижу, вижу! Одзоло тоже идет. Теперь он не отстанет!..

Хабаровск, 1950 год.

Скоро начнется спектакль

Фото Е. Умнова

В зрительном зале Ярославского театра имени Ф. Г. Волкова еще пусто и темно. Только порой по занавесу пробегает световой круг: осветители пробуют аппаратуру. Пусто и в артистических уборных: актеры пока не собрались. Но за кулисами началась напряженная работа. Костюмеры извлекли из шкафов яркие, праздничные сельские наряды: сегодня — «Настя Колосова», спектакль о колхозной жизни наших дней. Пускается в ход утюг, опытной рукой разглаживаются складки на платьях... А на сцене устанавливаются декорации первого акта.

Этой сложной работой руководит заведующий монтировочной частью Иван Александрович Луговой. Свыше восемнадцати лет провел он на подмостках Театра имени Ф. Волкова. Около 400 постановок монтировал Луговой, незаурядный знаток сценической машинерии.

Ярославская сцена оснащена многими механизмами. Иван Александрович и его помощники в совершенстве освоили их, и поэтому в ярославском театре не бывает томительно длинных антрактов: смена декораций производится четко и быстро.

Давно уже приступил к своему делу и гример Владимир Алексеевич Бобренко. Пока не пришли артисты, он занят другой работой: готовит парики и гримы для следующей премьеры театра. На стенах гримерной десятки фотографий. Многих замечательных артистов гримировал В. А. Бобренко. Он хорошо помнит знаменитого В. Давыдова, работал над гримами для известных артистов П. Гайдебурова, А. Муратова и многих других.

Неоднократно приходилось ему создавать портретные гримы для актеров, воплощавших образы вождей советского народа. Его искусство высоко ценят ярославские артисты.

В кулуарах появляются и первые зрители. «Кто играет сегодня?» — спрашивают они у Ольги Дмитриевны Флоридовой, старой знакомой завсегдатаев театра. Старший билетер Ольга Дмитриевна работает здесь с 1924 года. Она знает всех актеров театра, и зрелых мастеров и молодых, начинающих.

Как и все работники театра, не выступающие на сцене, но щедро отдающие коллективу свои силы, Ольга Дмитриевна гордится каждым новым успехом труппы.

Лучший гимнаст страны

А. ГИНЕВСКИЙ

Виктор Чукарин — студент из Львова — завоевал золотую медаль абсолютного чемпиона СССР по гимнастике. В серьезнейшем соревновании он обогнал соперников на три балла. Это победа. Но наши люди не стоят на месте... Завтра красную майку будут оспаривать десятки новых талантов... «Что же я могу сделать еще лучше и сложнее?» — подумал Чукарин и вдруг вспомнил о разговоре, который он слышал в кулуарах Киевского дворца физкультуры. Говорил, обращаясь к молодым собеседникам, очевидно, знаток дела:

— Вам могут показаться легкими упражнения на гимнастическом коне. Но это неверно. Конь — один из наиболее трудных снарядов. Ведь вы должны, опираясь только на кисти рук, выполнить самые замысловатые круги одной и двумя ногами... Не так ли? Вы видели, как Чукарин легко и плавно шел на руках по телу коня и становился даже поперек оси коня? Какая точность, гибкость! Особенно блестяще он выполнил «круги двумя». В произвольной программе Чукарин сделал пятнадцать таких кругов! А круги с поворотами? Вы обратили внимание на комбинацию этих упражнений? Уверенная легкость. Она пришла к нему не сразу... Это труд! И чем больше упорства в тренировке, тем сложнее станут чукаринские комбинации на коне...

Запомнилась правота этих слов.

Однажды на соревнованиях Чукарин делал четыре «сальто» на брусьях. Тренер Петр Тимофеевич Собенко стал предлагать новое усложнение.

Размышляя о продуманной тактике своего тренера, Чукарин, как всегда, ощутил прилив теплоты к нему, порыв дружелюбия — его потянуло в тренировочный зал, к наставнику. Он и дня не мог провести без беседы с Собенко... Каждый день отдан любимому спорту, беседам о режиме гимнаста, о целеустремленной тренировке, о личной гигиене, о питании. У тренера был широкий взгляд на развитие спортсмена. Собенко приохотил его к чтению политической и художественной литературы. Как-то он просил Чукарина посмотреть новый балет и чаще ходить в оперу. И с того дня начались беседы об эстетическом воспитании советского человека.

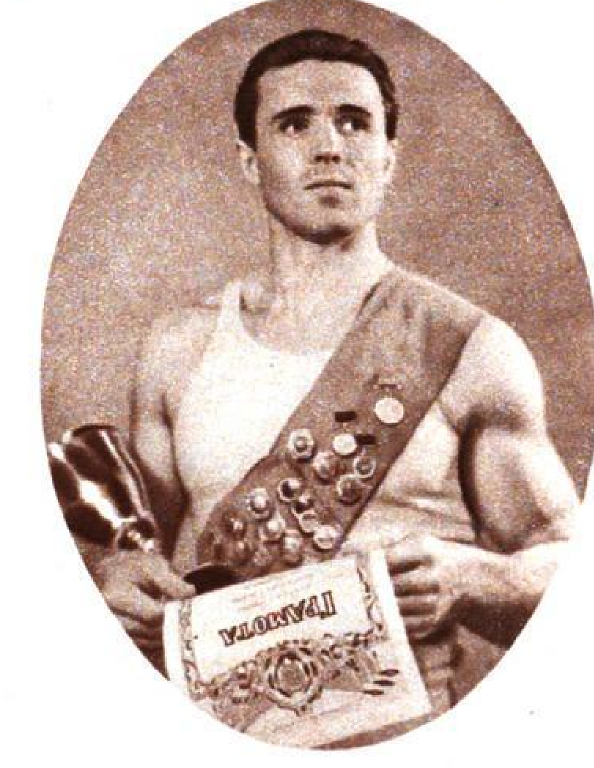
В Киеве на соревнованиях тренер неизменно появлялся в самые ответственные минуты перед выходом к снарядам, бросал ободряющую реплику во время «разминки».

Все свои житейские удачи Чукарин привык связывать с Петром Тимофеевичем, прикидывать: а что скажет по этому поводу Собенко? Обрадуется? Пожурит?

Даже после успешной сдачи зачета по политической экономии Чукарин невольно задумался о наставнике: «Кажется, я хорошо рассказал о пяти укладах в истории народного хозяйства, объяснил и принципы хозяйственного расчета, советского контроля рублем, говорил без запинки, уверенно. Но мог ведь еще обстоятельнее? Исчерпал ли до дна эти вопросы, как этого требует Собенко?»

...Усилия тренера направлены на создание новой, труднейшей комбинации на брусьях: шесть «сальто»!

Чукарин знаменит своими упражнениями на брусьях. На всесоюзных соревнованиях в Киеве среди ряда упражнений Чукарин выполнял четыре «сальто», которые принесли ему заслуженную славу. Но чемпион и его тренер готовят новую комбинацию. Чукарин уже совершает в ней шесть «сальто».

Абсолютный чемпион Советского Союза по гимнастике — студент Львовского института физкультуры Виктор Чукарин.
Фото А. Ковликова

Много труда и времени отдано отделке деталей. Чукарин неутомимо работает с помощью каната-лонжа. Страхует его постоянно Собенко. Никому другому канат не доверяется.

Каждый день Чукарин ловил себя на том, что его тянет в зал, к брусьям, под заботливое внимание Собенко. Нетерпение это не проходило и после, когда наступал отдых. В шесть вечера он стоял у брусьев.

Эти «сальто» мало назвать стремительными. Они головокружительны. Энергия, с какой их выполняет на тренировках Чукарин, никогда не гаснет. Каждый раз после шестого «сальто» он проделывал прыжок в сторону, добиваясь точности, легкости, уверенного изящества, автоматизма.

Упражнения Чукарина привлекают всеобщее внимание. Известно, что эта комбинация — одна из труднейших в спортивной практике. А один знаток не удержался от восхищенного признания.

— Батенька мой! — воскликнул он. — Да вы создали великолепный номер! Это ведь по своей технической сложности упражнение международного класса!

Чукарин скромно пожал плечами. А Собенко блеснул лукавым взглядом и заметил:

— Это — наше правило. Советские спортсмены всегда на международной арене!

Чукарин поражает своей выносливостью, неутомимостью. Чемпионы западных стран обычно тренируются через день. Их занятия длятся не больше двух часов. Чукарину такой режим не по душе. Ему надо работать ежедневно, и не менее трех часов, не считая утренней зарядки, прогулок по лесу и Стрийскому парку.

Вот и сейчас руки в ссадинах, вспотел, взъерошен, но не оставит брусьев, пока не «уточнит» последней детали. Будет стремительно взлетать и переворачиваться, пока своего добьется. И, уловив, что упражнение стало выразительнее, вошло в норму, без пауз, тотчас же перейдет к перекладине, потом — к кольцам — и так по всем видам шестиборья. У Чукарина редкая выносливость и необычайное трудолюбие. Тренер и товарищи узнали любопытнейшую черту чукаринского характера: он избегал публичного показа, демонстрации своих успехов. Собенко был сперва озадачен этой необычной застенчивостью.

Тренер время от времени устраивал открытые тренировочные занятия. Афиша приглашала львовчан и сообщала программу. Собирались люди самых разных профессий и интересов. В тренировочном зале можно было увидеть и скульптора, и художника, и балетмейстера, и циркача, и, конечно, прежде всего спортивную молодежь.

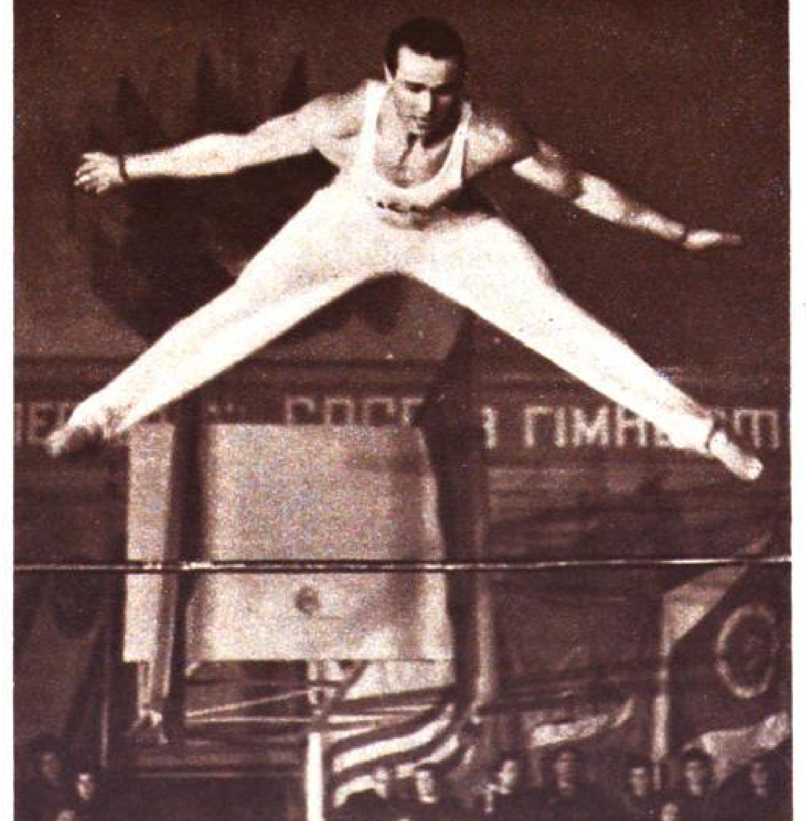
Уже вольные упражнения вызывали оживленные толки. Каждый судил со своей житейской, профессиональной точки зрения. В устах скульптора чукаринская цепь вольных движений получила примерно такую оценку:

— Это — ваяние! Так виртуозно владеть своим телом! Он ведь лепит фигуры.

К этой восторженной тираде прибавил свои комментарии акробат:

— То, что многим искушенным спортсменам трудно выполнить на коне, Чукарин исполняет на полу — а это еще труднее — вот, например, эти несравненные «круги двумя» или это «сальто» — назад, прогнувшись! Если показать это в цирке, под бравурную мощную музыку, ей-ей, публика отобьет ладони!

В. Чукарин завершает комбинацию на перекладине.
Фото Н. Козловского

Тренер твердил питомцу:

— Вы подходите к снаряду с хмурым видом, словно озабочены трудностью упражнения. А оно вам-то доступно! Зачем же эта хмурость? На вас смотрит зал — тысяча глаз! Где же ваша улыбка? Сгоните флегму! Выше голову!

Как пригодились Чукарину эти советы! Как часто с любовью он вспоминает своего наставника! Тренер выпрямил его, внушил ему интерес к красоте спорта, пробудил в нем уверенность в каждом шаге.

В Будапеште на международных соревнованиях Чукарину довелось взойти на пьедестал победителей рядом с другим советским гимнастом — Грантом Шагиняном, — под звуки Государственного Гимна СССР опускались флаги. С достоинством встал он под сень родного знамени.

В Киеве после серьезнейшей борьбы Чукарин победно опускал флаг всесоюзного спортивного первенства.

В эти минуты успеха тренер мог с удовлетворением следить за результатами своих усилий: что осталось в Чу-

ПЯТЬ МЕДАЛЕЙ Владимира Никанорова

Фото Н. Волкова

В команде ЦДКА расцвел его талант вратаря, отточилась экономная техника, выработался простой, скромный стиль игры.

Никаноров рос и как спортсмен, и как советский офицер, и как культурный, пытливый человек. Ныне Никаноров — слушатель Военно-юридической академии.

В воротах ЦДКА В. Никаноров провел свыше 200 матчей — календарных, кубковых, международных, товарищеских, контрольных. Лишь в играх на первенство СССР 1940—1949 годов Никаноров охранял ворота команды 142 раза. В 50 матчах он не пропустил ни одного гола!

Кто из любителей футбола и хоккея не знает этого замечательного спортсмена, мужественного, хладнокровного, всегда выдержанного? Его атлетическую фигуру можно видеть на стадионах зимой и летом.

На футбольном поле Владимир Никаноров защищает ворота команды ЦДКА. В этой команде офицер В. Никаноров выступает с 1940 года.

* * *

Начав играть в футбол 15-летним подростком в коллективе Московского мясокомбината, Володя Никаноров за пять сезонов вырос в хорошего вратаря. В 1938 и 1939 годах он уже играет в команде мастеров «Пищевика».

В то же время Владимир Никаноров увлекается классической борьбой. Выступая в тяжелом весе, он получает второй всесоюзный разряд.

И зимой Никаноров ревностно оберегает хоккейные ворота, но уже как лучший игрок защиты и капитан команды. Армейские хоккеисты установили блестящий рекорд: три года подряд они завоевывают звание чемпиона СССР.

Никаноров провел 61 календарный матч на ледяном поле и блестяще играл в международных хоккейных встречах с командами Чехословакии и Польши. Достойной наградой этого выдающегося спортсмена явились пять золотых медалей чемпиона СССР по футболу и хоккею.

Ю. ВАНЬЯТ

карине от рабочего паренька? Он не стал развязным, но это уже не тихоня и молчальник. А именно таким он выглядел в 1938 году, в аудитории техникума физической культуры, где начиналась его спортивная жизнь. Первое выступление Чукарина было робким дебютом. Постепенно он осваивал мастерство.

Пять раз выступал Чукарин в 1947 году. И только к концу года — в студенческих соревнованиях — завоевал первое место.

Смелость и уверенность приходят к нему вместе с успехами тренировки. Это становилось ясным и в розыгрыше первенства общества «Большевик», где он оказался лучшим, и на соревнованиях УССР, где он завоевал звание чемпиона Украины.

Однако все это был только разгон.

Сила и опыт Чукарина, накопленные в настойчивом труде, проявились в 1949 году. Он участвует во многих соревнованиях и в каждом из них поражает отличной тренированностью и блестящей техникой исполнения по всему гимнастическому шестиборью.

Соревнования общества «Большевик» — победа. Первенство ВЦСПС — победа. Междуведомственные соревнования на первенство СССР — победа. Первенство физкультвузов — победа. Потом — абсолютный чемпион УССР. И вот финальный шаг — конец 1949 года — всесоюзное первенство. С громаднейшим преимуществом перед всеми участниками состязания заслуженно завоевал Чукарин звание абсолютного чемпиона Советского Союза.

С золотой медалью и красной майкой возвратился во Львов Чукарин и в тот же день отправился в тренировочный зал неутомимо продолжать свое спортивное совершенствование.

Недавно Чукарин показал свое мастерство в матче гимнастов Венгрии и СССР и занял первое место в соревновании сильнейших гимнастов страны.

ТРИ САМЫЕ КРАСИВЫЕ ВЕЩИ

Говар ФАСТ

Рисунки Л. Бродаты

Рассказ прогрессивного писателя, борца за мир Говарда Фаста, недавно заточенного в тюрьму американской реакцией, в известной степени автобиографичен. Перу этого писателя принадлежит роман «Гражданин Том Пэйн» о жизни Томаса Пэйна, революционного публициста XVIII века, участника войны американцев за независимость. Буржуазия США по сей день ненавидит Пэйна за его передовые взгляды. Роман Фаста о Пэйне не допускается в школьные библиотеки; голливудские реакционеры не хотят и думать об его экранизации.

В рассказе «Три самые красивые вещи» дается сатирическая зарисовка беседы писателя с одним из «королей» Голливуда насчет постановки фильма по роману о Томасе Пэйне. Голливудского магната эта тема пугает. Вообще все прогрессивное вызывает у него панический страх. Невежественный и наглый, он умудряется спутать своего собеседника с двумя другими людьми: создателем сатирического кинофильма «Гражданин Кэйн» — об издателе-фашисте Херсте — и с автором исторической пьесы о Томасе Джефферсоне. Джефферсон тоже являлся участником войны за независимость, позднее стал президентом США и, не в пример Пэйну, пользуется в реакционных кругах «хорошей репутацией».

Писатель Марк Травен вошел в «Уолдорф»[1], побродил немного по вестибюлю, так как приехал на пять минут раньше назначенного срока, а затем направился к лифту «экспресс», обслуживающему апартаменты в башенной части здания. На писателе был его лучший костюм (то есть лучший из двух, имевшихся у него), и он был возбужден перспективой свидания с мистером Калвеллом, — впрочем, возбужден не слишком сильно, ибо в глубине души не верил, что из этого свидания что-нибудь выйдет. Однако чем черт не шутит! И Травен с немалым удовольствием скомандовал юному лифтеру поднять его на двадцать девятый этаж.

— Славный денек сегодня, — сказал лифтер.

— Да, денек прекрасный, — отозвался Травен. В эту минуту ему все казалось прекрасным.

[1] Фешенебельный отель в Нью Йорке.

Когда перед Травеном раскрылась дверь апартаментов мистера Калвелла, он переступил порог, стараясь держать себя со скромным достоинством. Мисс Дил ввела его в комнату. Это была брюнетка лет тридцати и очень красивая, но в ее манерах чувствовалась какая-то неуверенность, говорившая о том, что служить у мистера Калвелла далеко не сладко. За день до этого Травен и мисс Дил обедали вместе в ресторане. Теперь она представила его мистеру Калвеллу, который, не поднимаясь с места, жестом указал писателю на кресло.

Мистер Калвелл восседал спиной к окну, Травену он предложил сесть напротив. На Калвелле был халат в красную и зеленую клетку, шарф из той же материи, такие же брюки и клетчатые ночные туфли. На одном пальце Калвелла было обручальное кольцо, на другом — перстень с печатью, украшенный крупным бриллиантом. Калвелл оказался старше, чем предполагал Травен: ему было, по меньшей мере, лет шестьдесят.

— Это Марк Травен, писатель, — сказала мисс Дил.

— Всегда приятно знакомиться с талантами, — сказал мистер Калвелл.

Травен, который, чтобы не попасть впросак в разговоре, перебирал тем временем в уме кадры из виденных им фильмов Калвелла, поклонился и ответил, что счастлив быть здесь. Он до сих пор не был знаком ни с одним из видных деятелей Голливуда, а тут случай привел его к самому крупному, пожалуй, из всех. Такая честь! Эту мысль он высказал вслух.

— Нет, это для меня честь, — перебил его мистер Калвелл. — По-моему, люди, не уважающие таланты, сами не достойны уважения. Меня ведь не каждый день посещают таланты, а тут — Томас Джефферсон!

— Томас Джефферсон? — поднял брови Травен.

— Томас Джефферсон, — торжественным тоном повторил мистер Калвелл. — Правда, для Томаса Джефферсона вы, пожалуй, несколько молоды.

— Для Джефферсона? — переспросил Травен.

— Хотя ведь он тоже был когда-то молодым...

— Кто?

— Томас Джефферсон, — улыбнулся мистер Калвелл.

— Был, наверно, — подтвердил Травен, кидая отчаянные взгляды на мисс Дил. Но мисс Дил, сидевшая в другом конце громадной комнаты, хранила маску непроницаемости.

— Скажите, был ли на свете кто-нибудь более великий, чем Томас Джефферсон?

Травен только мотнул головой, стараясь выгадать время.

— Вашингтон? Линкольн? Теодор Рузвельт? — продолжал мистер Калвелл. — И уж, конечно, не Франклин Рузвельт, — этот не заслужил себе памятника, — ни один из них не сравнится с Джефферсоном.

— Пожалуй, — сказал Травен.

— Будь у меня талант и возможность выбирать тему, я сказал бы себе: «Пиши о Джефферсоне».

Травен глотнул воздуха и сказал:

— Мистер Калвелл, моя последняя книга была о Пэйне.

— О ком?

— О Томасе Пэйне, — еле слышно выдавил из себя Травен, — название ее — «Гражданин Пэйн».

— А-а, это фильм Орсона Уэллеса, — сладко улыбнулся мистер Калвелл. Засим он стер с лица улыбку и сказал: — Уэллес — тоже талант. Уэллес — талант, только как бы он вас не разорил дочиста. Нечего соваться в политику. Политика — это гибельное дело, это поцелуй смерти. Вот почему умнее писать о Томасе Джефферсоне. Джефферсон — это не политика, это — бессмертие. А когда делают героем картины газетного издателя Херста, то это уже политика. Орсон Уэллес — талант, признаю, а талант приходится уважать. Поэтому я уважаю Уэллеса.

Травен кивнул головой.

— Все же не так, как уважаю Джефферсона, — добавил мистер Калвелл.

— Ну, уж, конечно, не так, — сказал Травен.

— Но найдется ли место для Джефферсона в Голливуде? — спросил мистер Калвелл, делая серьезную мину.

— Я имел кое-какие надежды насчет Пэйна, — начал было Травен.

— А вы что, в компании с этим Орсоном Уэллесом?

Травен отрицательно качнул головой, чувствуя себя, точно слепой, стоящий на краю пропасти.

— Тогда зачем о нем говорить? — сказал Калвелл. — Если его одеть в старинные панталоны и сказать, что это Джефферсон, зрители все равно будут смеяться.

— Как вы сказали?

— Я-то, конечно, не против смеха.

— Понятно, понятно...

— Наоборот, мир должен быть полон смеха. Но над Томасом Джефферсоном смеяться нельзя!

— Конечно, нет, сэр, — сказал Травен, — но, простите, я боюсь, что вы смешиваете Томаса Джефферсона с Томасом Пэйном.

— Это не я, это Уэллес их смешивает. Хоть Уэллес — талант, но если бы он попросился работать у меня даром, я бы и тогда его не взял.

— Простите, сэр, но у Уэллеса был фильм «Гражданин Кэйн»... — попытался вежливо возразить Травен.

— Я же говорю, что это был не Джефферсон! — перебил его Калвелл. — Я давно сказал себе: пускай это будет моей последней картиной, пускай я потерплю на ней убыток в миллион долларов, все равно я должен поставить Томаса Джефферсона. Это будет служение обществу — весь мир тогда увидит Америку Томаса Джефферсона. Но только, может быть, еще не время для этого? Если я в чем-нибудь сомневаюсь хоть вот на столечко, я всегда говорю себе: «Еще не время».

— Да, сэр.

— Конечно, если в этом фильме будут три самые красивые вещи, тогда на нем можно хорошо заработать.

— Простите, сэр, я не совсем понимаю...

— На свете существуют три самые красивые вещи, и эти три самые красивые вещи приносят бессмертие. Если вы их нашли, то заработаете хорошие деньги даже на служении обществу.

— Вот как, сэр!

— А вы могли бы назвать три красивые вещи?

— Любые три красивые вещи?

— О нет! Вот видите, таланты бывают разные. У вас, например, талант — писать о Джефферсоне. Ну, так вы и пишите о нем. Это — служение обществу. Но сколько же все-таки можно о Джефферсоне писать?

— Право, не знаю...

— Вашу пьесу должен посмотреть каждый человек в Америке. Ваша пьеса — служение обществу.

— Моя пьеса? — переспросил Травен.

— Ну да, пьеса о Джеффер-

ШАХМАТЫ

Под редакцией чемпиона мира гросмейстера
М. БОТВИННИКА

ЛУЧШИЕ ПАРТИИ XVII ЧЕМПИОНАТА

В XVII чемпионате СССР (Москва, 1949 год) было сыграно немало интересных партий; одиннадцать из них представлены на соискание трех специальных призов Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта при Совете Министров СССР за лучшие партии, а также специального приза газеты «Комсомольская правда» за красивейшую партию.

Отобрать четыре из одиннадцати было делом нелегким: все представленные партии могли бы претендовать в любом международном соревновании на специальные призы. Интересна, например, тематическая «коллекция» из трех партий, представленная мастером Н. Копыловым: в каждой из них Н. Копылов жертвовал качество. Особенно содержательна была его партия с гросмейстером В. Рагозиным, где Н. Копылов добился победы исключительно изобретательной игрой. Однако к 29-му ходу Н. Копылов имел позиционно проигранную партию, вследствие чего ценность ее несколько снижается.

В итоге конкурса призы Всесоюзного комитета были присуждены Г. Левенфишу (за партию с В. Смысловым), А. Котову (за партию с В. Рагозиным) и С. Фурману (за партию с В. Смысловым).

Следует при этом отметить, что дебютная система В. Смыслова в защите Грюнфельда, примененная ее автором против Г. Левенфиша, отнюдь не повинна в проигрыше черных. В позиции на фотоснимке № 1 (белые Г. Левенфиш — Крe1, Фh3, Лc1, h1, Ce3, Кe2, П. a2, b2, d5, e4, f5, f2, h2; черные В. Смыслов — Крg8, Фc8, Лa8, f8, Cg7, Кb6, П. a7, b7, c6, e7, f7, g6, h7) черные имели возможность путем 17... Фd7! получить удовлетворительную игру, ибо в случае 18. dc bc они всегда могли бы прикрыть диагональ a2 — g8 ходом e7 — e6.

В. Смыслов не учел остроты момента и, сохраняя напряжение в центре, решился на маневр конем, чтобы «укрепить» королевский фланг. Итак

17... Кb6 — d7

Как известно, «соль» системы В. Смыслова состоит в маневре Кf6 — d7 — b6. Успешно проведя этот маневр, черные почему-то переводят коня обратно (Кb6 — d7 — f6). Однако это и явилось первопричиной проигрыша.

18. Лh1 — g1 Крg8 — h8

Уже грозило 19. dc bc 20. fg hg 21. Л : g6. Черные отражают эту угрозу, уводя короля с опасной диагонали. Тем не менее у белых находится путь к развитию атаки.

19. f5 : g6 h7 : g6
20. Ce3 — d4 . . .

Чтобы освободить третью горизонталь для маневров и разменять основную защитительную фигуру черных — слона g7.

20. . . . Кd7 — f6
21. Лc1 — c3!

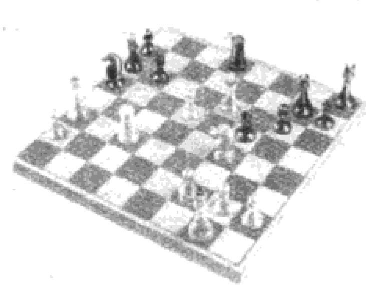
Теперь все ясно. Черный король вынужден будет вернуться на опасную диагональ, и партия белых выиграна.

21. . . . Кf6 : e4
22. Лg1 : g6! f7 : g6
23. Лc3—h3+ Крh8—g8
24. d5 : c6+ e7—e6
25. c6 : b7

В итоге белые остались с материальным перевесом и добились победы — содержательная борьба!

Ценную партию дал А. Котов против В. Рагозина. Получив некоторый перевес в середине партии, белые весьма тонко вели борьбу. Особенно хорош был маневр h3 — h4 — h5 : g6, который обеспечил позицию централизованного коня белых на поле e5. Комбинация же белых с жертвой ферзя — она не состоялась в партии, «так как черные решили проиграть другим путем», — весьма эффектна, свежа и хорошо замаскирована. Окончание этой партии было опубликовано в № 4 журнала «Огонек» за 1950 год.

В. Смыслову в некотором отношении не повезло на XVII чемпионате: он дважды дал возможность своим партнерам — Г. Левенфишу и С. Фурману провести красивую атаку. В партии против С. Фурмана В. Смыслов защищался с большой изобретательностью; однако белые (С. Фурман), воспользовавшись незаметной погрешностью черных в дебюте (что привело к оттеснению черного коня на край доски) и временно жертвуя пешку, добились сильной атаки. Неотразимая атака, созданная белыми с помощью всех фигур (см. фото № 2; белые С. Фурман — Крg1, Фa3, Ce6, Кf4, П. a2, d5, f2, g2, h2; черные В. Смыслов — Крh8, Фg7, Лd8, Ca6, Кa5, П. a7, b6, f5, g6, h7), весьма эффектна. После «тихого» хода белые наводят свою «дальнобойную артиллерию» —

29. Фa3 — b2! . . .

черные не в силах успешно парировать угрозу 30. К : g6+ hg (30... Ф : g6 31. Лg3 или c7+) 31. Лh3 X. Последовало еще

29. . . . Кa5 — c4
30. Кf4 : g6 +! Фg7 : g6
31. Лc3 : c4+ Фg6 — g7
32. Фb2 : g7 + Крh8 : g7
33. Лc4 — c7 +

и белые реализовали свой материальный перевес.

Приз газеты «Комсомольская правда» присужден за партию А. Котов — Е. Геллер (см. «Огонек» № 4 за 1950 год). Эта партия не носит цельного характера; в дебюте Е. Геллер был бы недалек от поражения, если бы его партнер нашел правильный план, а несколько ходов спустя он сам упустил неплохие шансы на победу. Получилась борьба с равными шансами; после же двух — трех пассивных ходов белых черные с исключительной энергией добились победы.

Партия, таким образом, не лишена обоюдных промахов. Е. Геллер, однако, вложил в нее столько фантазии и остроумия, что ему по праву достался приз «Комсомольской правды».

Можно не сомневаться, что, изучая лучшие партии последнего чемпионата СССР, советские шахматисты не только получат немалое художественное удовлетворение, но и повысят свою квалификацию.

СХВАТКА

Мы третий день живем в шалаше на берегу Оки. Рыбачим, варим уху, часами лежим у костра, прокапчиваемся в его дыму и загораем на солнце. К протянутому поперек реки донному перемету с сотней крючков, наживленных пескарями, ездим по очереди — мой товарищ и я.

• • •

Я перебрал уже более половины перемета, изредка снимая с крючков небольших щук и судачков, как вдруг почувствовал, что снасть что-то держит, точно она зацепилась за корягу. Я потянул сильнее. В то же мгновение шнур резко дернуло. Он вырвался из моих рук и, соскользнув с кормы, исчез в воде.

Схватив тогда якорек, я забросил его подальше от лодки. После нескольких неудачных попыток удалось зацепить шнур и поднять его наверх. Теперь я крепко ухватился за него двумя руками. Сразу ощутилась крупная рыба: она тащила с такой силой, что я не смог выбрать шнур на себя. По журчанию воды у бортов я понял, что лодку влечет против течения. Шнур немилосердно резал руки, я выбивался из сил... Тогда, отказавшись от суетного желания покончить с рыбой в единоборстве, я позвал на помощь своего товарища.

Рыба не уступила и нашим объединенным усилиям. На глубоком месте она еще позволяла подтянуть себя к лодке, но, едва почувствовав под собой мель, она сильно и резко рвалась назад. Приходилось все начинать сначала...

Мы уже давно разглядели двухметрового сома с огромной усатой головой и большущим хвостом. Нечего было и думать подхватить такое чудовище сачком.

• • •

После того как сом уже с десяток раз появлялся возле лодки без движения, точно мертвый, меня осенило:

— Давай подведем под него лодку.

Сказано — сделано. Мы, как были в одежде, выбросились в воду и, накренив лодку, наполнили ее до бортов водой. То вплавь, то доставая дно, мы осторожно потянули посудину к неподвижно лежавшему на поверхности сому, утопили обращенный к нему борт и стали подводить лодку под рыбу.

Когда мы подняли борт, сом лежал, точно в ванне. Окоченев от затянувшегося купанья, мы переглянулись.

— Ух, цыганский пот прошибает! — говорит, стуча зубами, мой соратник.

— Сейчас... бр-бр... подогреемся...

• • •

Тут произошло нечто неожиданное. Сом, как будто покорившийся своей печальной участи, вдруг изогнулся кольцом, взвился чуть не на метр над лодкой, тяжело плюхнулся с ней рядом и ушел под воду. Ткнувшись с разгона в песок, он снова метнулся вверх, почти встал на хвост и опять упал в реку. Я увидел, что в пасти его более нет поводка. С отчаянными воплями бросились мы к сломавшей крючок добыче. Сом, очевидно, не осознавший еще своей свободы, неподвижно покоился в воде рядом с затонувшей лодкой.

Мой товарищ навалился на беглеца всем телом, пытаясь руками захватить его под жабры, и в ту же минуту плашмя свалился в воду, отброшенный могучим ударом рыбьего хвоста. Сом исчез в волнах и взмученном песке.

Схватка кончилась...

Выпрямившись, я растерянно оглядывался кругом, и только тут мне бросилось в глаза сверкавшее под водой, на дне лодки, лезвие топора...

...Ох! До чего мерзко липла к телу мокрая одежда!..

О. ОСУГИН

соне. Славу вы себе заработаете. Но такую славу, чтоб касса была полная, можно заработать только от трех самых красивых вещей. Это, во-первых, красивая любовь, во-вторых, красивая музыка и, в-третьих, красивый смех. Вот они, все три. А если сделать фильм без этих красивых вещей, пусть хоть о самом Джефферсоне, что тогда получится, я вас спрашиваю?

Травен неопределенно хмыкнул.

— Получится голое служение обществу, вот что. Зато в кассе будет пусто. — Калвелл поднялся с места, давая понять, что аудиенция окончена. — Рад был познакомиться с вами. Таланту я всегда рад. Талант — самое драгоценное на земле. Знаете что: не ездите в Голливуд, не губите своего таланта. Продолжайте лучше писать о Джефферсоне.

Когда дверь апартаментов в башне нью-йоркского отеля «Уолдорф» захлопнулась за писателем Марком Травеном, мистер Калвелл сразу же накинулся на мисс Дил:

— Для того я вам плачу триста долларов в неделю, чтобы вы

водили ко мне сумасшедших и заставляли меня зря тратить время?

— Простите, мистер Калвелл, — сказала мисс Дил, — но мне кажется, вы спутали Марка Травена с Сиднеем Кингсли.

— С кем?

— С Сиднеем Кингсли, который написал «Патриоты», пьесу о Джефферсоне. А мистер Травен — автор книги о Томасе Пэйне. О Пэйне, а не о Кэйне. А вот «Гражданин Кэйн» — это картина Орсона Уэллеса...

— Опять Уэллес! Нужен он мне, как болячка на теле! Знаете, мисс Дил, если уж вы хотите приводить сюда разных людей с талантом, так, по крайней мере, не водите сумасшедших. Без сумасшедших я как-нибудь проживу.

Перевод с английского
В. ЛИМАНОВСКОЙ

Почему мы так говорим

КЛАССИК

Классик — крупнейший ученый, писатель, композитор, художник, имеющий общепризнанное значение.

Какова же история этого слова?

Корень слова «классик» тот же, что и слова «класс». Сейчас класс имеет значение не только общественного класса (классовая борьба), но и разряда, ступени (первоклассный, ученик второго класса, каюта первого класса, классификация растений).

Все эти значения ведут к латинскому слову «классис» — «класс». В древнем Риме два с половиной тысячелетия назад все население было разделено на пять классов, в зависимости от размеров личного имущества. Интересно отметить, что не имевшие никакого имущества — пролетарии — не входили в классы, а составляли особую группу.

Как видим, первоначально значение слова «класс» было иным, чем у нас. По тому, к какому классу принадлежал человек, определялись и должности, какие он мог занимать, и род войск, в котором он служил.

На собраниях центурий (то есть сотен, на которые разделялись классы, составлявшие и военную организацию) сначала подавал голос первый класс, который имел 98 голосов из 193. Фактически он и решал все государственные дела. Для людей, отнесенных к первому классу, создалось особое слово — «классики».

Когда позже греческие ученые-филологи работали в Александрии над изучением текстов Гомера и других писателей древности, они, в частности, составили список лучших писателей и по образцу названия наиболее влиятельных римских граждан первого класса наименовали их классиками.

Александрийцы имели громадное значение в развитии науки о языке и литературе, и данный ими новый смысл слову «классик» вошел в десятки языков.

ОТСТАВНОЙ КОЗЫ БАРАБАНЩИК

Когда-то с козой были связаны языческие верования. Они давно выветрились из памяти народа, но еще в начале нашего века как пережиток этих верований в декабрьские коляды водили по домам козу, которую изображал человек в вывороченном наизнанку кожухе. «Коза» под песни колядовщиков танцевала, притоптывая ногами.

Как мы уже сказали, смысл этих козьих плясок был давно забыт, и они превратились в незатейливую народную забаву. По деревням нередко водили такую «козу» в сопровождении барабанщика. Часто это был отставной солдат.

Когда-то в солдатах служили всю жизнь — до самой смерти или до полной инвалидности. В России только с 1793 года был введен 25-летний срок службы. Отставной солдат стариком возвращался домой, где иногда никого уже не заставал в живых. Профессии он не имел, к труду почти не был способен. И он становился «козы барабанщиком», нередко в буквальном смысле слова. А слово «отставной» еще более подчеркивало незавидность такой карьеры.

Выражение «отставной козы барабанщик» и сохранилось в языке для насмешливого обозначения былого невысокого служебного положения.

И. УРАЗОВ

Хождение с козой и медведем. Старинная русская лубочная картинка.

Птичка-зорничка

Заилийский Ала-Тау. Три тысячи метров над уровнем моря. Здесь проходит верхняя граница знаменитых тяньшаньских елей. Под камнем приютилось гнездышко. В нем живут пеночки-зорнички. Эта птичка меньше крупной бабочки, вес ее достигает... 5 граммов. Для сравнения напомним, что ночные жуки некоторых видов весят 7 граммов.

Какое значение для нашего лесного хозяйства может иметь такая крошечная пичужка?

На этот вопрос ответили юные натуралисты Алмаатинского Дворца пионеров. Ребята настолько приучили к себе птичек, что те выкармливали птенцов на расстоянии вытянутой наблюдателем руки. Под руководством зоолога М. Д. Зверева юннаты установили у гнезда пеночки-зорнички интересный счетчик, сделанный из механизма часов-ходиков.

Счетчик показал, что птички в течение одного «рабочего дня» прилетали с пищей 550 раз. В их клювиках было по 2—3 и больше насекомых. За десять дней они принесли своим птенцам 18 тысяч насекомых, из которых половина, как установили юные натуралисты, были лесные вредители.

Дм. СНЕГИН

Обо всем

Вычисления, производимые учеными для предсказания солнечных и лунных затмений, очень трудоемки. «Достаточно сказать, — пишет профессор А. А. Михайлов, — что для подробного предсказания затмения 9 июля 1945 года только для территории СССР нам потребовалось исписать около 200 страниц мелкими цифрами, число которых превышает 300 тысяч. Зато нам стало известно, где, когда и как будет видимо это затмение».

* * *

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ!..

ТЕМПЕРАТУРА В ЦЕНТРЕ ЗЕМЛИ

Шахты и буровые скважины дали возможность проникнуть в глубь Земли на 3—4, а в некоторых случаях даже на 4 с половиной километра. Выяснилось, что температура Земли повышается с глубиной примерно на 3 градуса на каждые 100 метров.

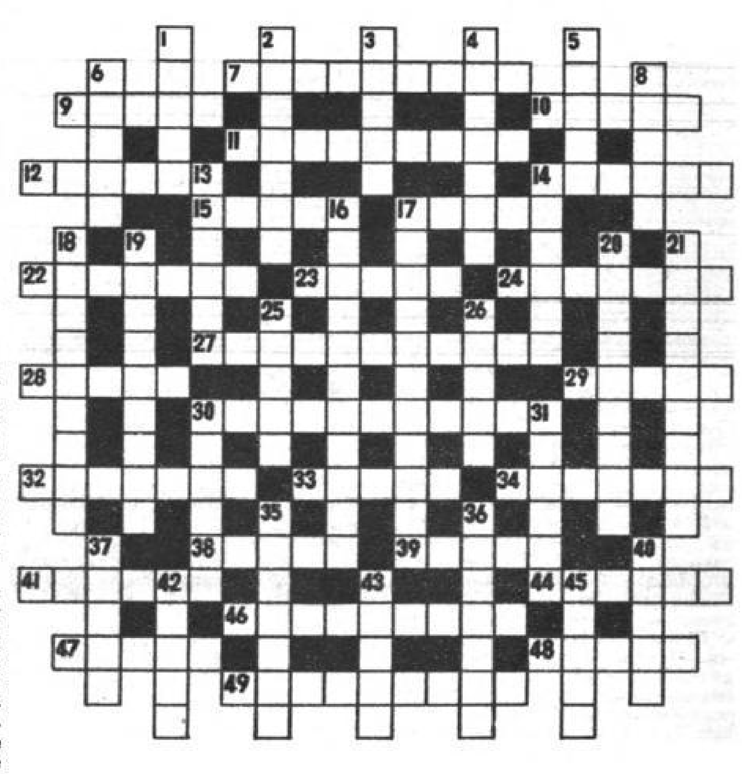
Как вы полагаете: какова температура в центре Земли и в каком состоянии должно находиться вещество, составляющее центральное ядро Земли?

ГОРЕНИЕ В ПУСТОТЕ

Известно, что главная химическая реакция при горении — это соединение углерода и водорода, входящих в состав молекул горючего вещества, с кислородом окружающего вещество воздуха.

А если заключить какое-либо взрывчатое вещество в пустоту, то удастся ли заставить его (например, с помощью электрической искры) взорваться при отсутствии воздуха, а следовательно, и его кислорода?

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Заграждение. 9. Арифметический термин. 10. Толстая жердь. 11. Научная специальность. 12. Требование официального разъяснения. 14. Заключительная часть. 15. Пьеса Корнейчука. 17. Оттенок. 22. Занавеска. 23. Продукт смешения. 24. Один из семьи знатных металлургов. 27. Отдел учреждения. 28. Деревянное ведро. 29. Стебель и листья корнеплодов. 30. Восприятие. 32. Глубокая перекопка почвы. 33. Обычная, трудовая сторона жизни. 34. Официальный печатный орган. 38. Сложенное сено. 39. Женское имя. 41. Народная республика. 44. Расписание. 46. Дыра. 47. Чувство страха. 48. Болотный газ. 49. Русский писатель.

По вертикали:

1. Сторона предмета. 2. Советский академик. 3. Музыкальный инструмент. 4. Профессия. 5. Род шубы. 6. Лущеное зерно. 8. Горючее вещество. 13. Мифологическое существо. 14. Военный конвой. 16. Степень теплоты. 17. Нравоучение, руководство. 18. Музыкальное произведение. 19. Род оплаты труда. 20. Краткое народное изречение. 21. Вращательное движение воды. 25. Работник театра. 26. Вьющееся растение. 30. Впаянный кусок. 31. Река в Азии. 35. Товарищ по путешествию. 36. Обследование. 37. Произведение А. Куприна. 40. Название созвездия. 42. Парусное судно. 43. Мера веса. 45. Герой произведения А. Пушкина «Цыганы».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

По горизонтали:

1. «Хорошо». 5. Кондор. 9. Палех. 11. «Челкаш». 12. Маршал. 14. Хина. 15. Партийность. 16. Озон. 19. Дидро. 20. Рассвет. 22. Сваны. 26. Голос. 29. Почтамт. 30. Радищев. 31. Анды. 32. Дефо. 33. Дальний. 35. Доватор. 36. Карта. 39. Вахта. 40. Блантер. 43. Вирус. 48. Игра. 49. Сейсмология. 50. Липа. 53. Мешков. 54. Глинка. 55. Гиена. 56. Монгол. 57. Спектр.

По вертикали:

1. Хуанхэ. 2. Шаль. 3. Нарцисс. 4. Мезенев. 6. Орша. 7. Романс. 8. «Манас». 10. Нарта. 11. Чунцин. 13. Лозунг. 17. Преданность. 18. Твардовский. 21. Сила. 23. Алтайцы. 24. Городки. 25. Колас. 26. «Гудок». 27. Среда. 28. Метод. 34. Уран. 37. Закром. 38. Чумиза. 41. Армения. 42. Толокно. 44. Вигвам. 45. Чехов. 46. Висла. 47. Гайдар. 51. Ушко. 52. Сноп.

ОТВЕТЫ НА «НЕХИТРЫЕ ЗАДАЧИ» В № 27

СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ НОЧЬЮ

Владелец карты, конечно, говорил о луне. Лунного света, особенно в полнолуние, при ясном небе вполне достаточно, чтобы прочитать даже газету. Но сама луна не является источником света: ее поверхность лишь отражает солнечные лучи. Следовательно, и ночью землю освещают солнечные лучи.

ПРОЗРАЧНОЕ И НЕПРОЗРАЧНОЕ

Нет тел абсолютно прозрачных и абсолютно непрозрачных. Лучи света не только отражаются любым предметом, но в какой-то мере и поглощаются, то есть проникают в предмет на некоторую глубину.

Поэтому такое «явно» непрозрачное вещество, как металл, например, серебро, если взять его в виде очень тоненького листочка, окажется прозрачным. А такое прозрачное вещество, как вода, при большой ее толще не пропустит сквозь себя ни одного луча света.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова

А — 04360. Подписано к печати 4/VII 1950 г. Изд. № 482. 5½ печ. л. Тираж 406 000. Заказ 1721. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Министерство пищевой промышленности СССР

Пользуйтесь

ЗУБНЫМ ПОРОШКОМ

Главпарфюмер.

Цена 3 руб.

«УТРО НА ЯХРОМЕ». Картина художника В. Яковлева.